

ИНЫЕ БЕРЕГА

журнал о русской культуре за рубежом

1 (47) 2018

БОЛЕЗНЬ, ПЕРЕХОДЯЩАЯ В ВОЙНУ

*Глава из биографической книги
«Тэффи: другой такой не найдете»*

ИЗАБЕЛЬ ЭБЕРХАРДТ
«Казак на сахарских
просторах», «кочевница
с русской душой»

**ГЕНИЙ РУССКОГО
БАЛЕТА**
Выставка одного экспоната
в музее-квартире Галины
Улановой

ГОЛГОФА АТАМАНА
К 150-летию генерала
и писателя Петра
Краснова

БИБЛИО-ГЛОБУС

ВАШ ГЛАВНЫЙ КНИЖНЫЙ

Более 200 тысяч наименований книг
Антиквариат и предметы коллекционирования
Канцелярские и офисные товары
VIP-обслуживание
Интернет-магазин www.bgshop.ru
Корпоративные подарки
Подарочные карты
Print on demand – печать книг по требованию
Услуги туроператора «Библио Глобус» www.bgoperator.ru
Билеты в театры, на концерты
Встречи с авторами
Читательские клубы
Цветы и флористические композиции

Выполняем

корпоративные заказы на цветы
и цветочные композиции

Москва, ул. Мясницкая, д.6/3, стр.1 (495) 781-19-00
www.biblio-globus.ru

*Наши авторы пишут
со всех концов мира, наши
герои жили и живут по всему
земному шару.*

Теперь вы можете читать
наш журнал в Интернете:
<http://www.inieberega.ru>

ИНЫЕ БЕРЕГА

**ЖУРНАЛ О РУССКОЙ
КУЛЬТУРЕ ЗА РУБЕЖОМ**

№ 1 (47) 2018

Журнал издается в рамках Программы государственной и общественной поддержки русского театра за рубежом под патронатом Президента Российской Федерации.

Главный редактор:
Наталья Старосельская

Редактор:
Евгения Раздирова

Дизайнер:
Людмила Сорокина

Адрес редакции:
107031 Москва,
Страстной бульвар, 10/34 стр.1
Телефон: (495) 650 3089
e-mail: berega@stdrf.ru

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия, свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-25141 от 28 июля 2006 года.

© Все права защищены

Перепечатка и воспроизведение частично или полностью текстов и фотографий из журнала «Иные Берега» только с письменного разрешения держателей авторских прав.

Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов.

Выходит два раза в год.

Типография ООО «СВ-принт»

Предыдущие номера журнала вы можете приобрести по адресу: Страстной бульвар, дом 10/34 стр. 1

Учредитель и издатель:
© Союз театральных деятелей России

Издание призвано соединять соотечественников, разбросанных далеко друг от друга после развала СССР и оказавшихся в разных странах. Нас интересуют судьбы не только тех, кто очутился в эмиграции, но и тех, кто невольно оказался по ту сторону границы — русских, родившихся и выросших в нынешних странах СНГ и Балтии, но сохранивших русский язык и русскую культуру.

На обложке: Надежда Тэффи

Дорогие друзья!

Вы наверняка знаете, что любое издание — будь оно бумажным или публикуемым в Интернете, — нуждается в том, чтобы быть тщательно и желательно бесстрастно прочитанным еще раз, напоследок, перед выходом в свет.

И внезапно мне пришла мысль: ведь мы принадлежим к Союзу театральных деятелей, а значит — некая игра не просто допустима, а даже предпочтительна. Захотелось войти в предлагаемые обстоятельства и представить себя не редактором, а читателем. И не тем, кто знаком с «Иными берегами» на протяжении всех лет существования журнала, а тем, который случайно натолкнулся на него, блуждая по Сети.

Привлекло ли название или имя кого-то из героев статей, или знакомая фамилия автора, — не суть важно. Важно, что состоялась эта встреча: журнал и читатель обрели друг друга...

Очень стараясь быть бесстрастной, я просматривала содержание: Изabella Эберхардт — интересно, кто это? Даже читая по диагонали, все больше увлекаешься странной, в какой-то мере мистической судьбой этой удивительной женщины. Генерал Краснов — все ли точки расставлены в его биографии или многое еще осталось непознанным? Рустам Ибрагимбеков пишет слова горького прощания с прекрасным артистом Фуадом Поладовым. А как любопытно узнать подробности о портрете Галины Улановой, 100-летию Музея Востока, скрипках Страдивари, фестивале «Встречи в России» Театра «Балтийский дом»...

Впрочем, вам в отличие от меня не надо входить в предлагаемые обстоятельства и стараться быть беспристрастными. Ведь вы и есть те, для кого мы работаем, — наши читатели.

Искренне Ваша Наталья Старосельская
главный редактор журнала «Иные берега»

A handwritten signature in black ink, appearing to read 'Н. Стар.' with a stylized flourish at the end.

СОДЕРЖАНИЕ

БЛИЗКОЕ ДАЛЕКОЕ

Болезнь, переходящая в войну

Тамара Александрова

Глава из биографической книги

«Тэффи: другой такой не найдете». 8

Простые сложные истории

Майя Фолкинштейн

Гастроли театра «Габима» в Москве, посвященные семидесятой годовщине основания Израиля и вековому юбилею самой «Габимы». 20

Лица

Петипа: герой дня «без галстука»

Ольга Шкарпеткина

Вот уже несколько месяцев российская и мировая хореографическая общественность празднует 200-летие со дня рождения выдающегося балетмейстера Мариуса Петипа. 23

Изабель Эберхардт: русская амазонка Сахары

Наталья Беглова

Судьба этой женщины — путешественницы, журналистки и писательницы, родившейся в Женеве в русской семье, — столь необычна, что кажется романом. 30

Два философа России — К.П. Победоносцев и Ф.М. Достоевский

Юлия Кудрина

К 190-летию со дня рождения, 110-летию со дня смерти К.П. Победоносцева — философа самодержавия, наставника монархии, создателя гражданского права в России. 52

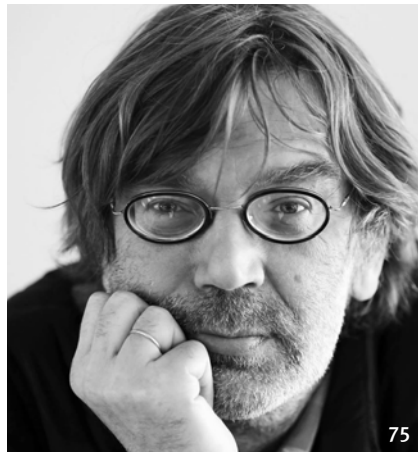
«И познаете истину...»

Елена Глебова

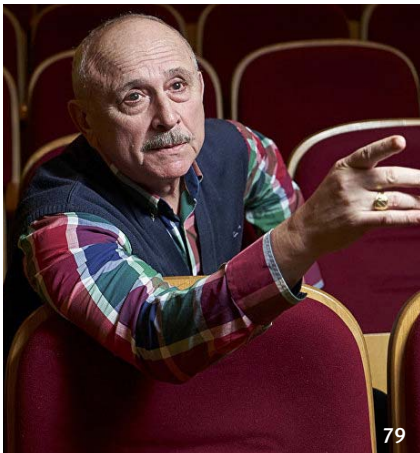
В издательстве «Кордис» вышла книга русского духовного поэта XX века Александра Солодовникова «Сеймчанский след». 62

66

75

79

82

89

Лица

На перекрестке эпох

Ольга Калинина

Человек мира Эдвард Васильевич Ртвеладзе. Академик Академии наук Республики Узбекистан, доктор исторических наук, профессор, лауреат государственных премий. 66

Хранимы памятью сердца

Инга Радова

Портрет Александра Столярова — режиссера, сценариста, писателя, поэта, композитора, художника-мультипликатора... 75

Импровизации на тему страстей

Валентина Резникова

Александр Яковлевич Шаровский — преуспевающий режиссер, актер и общественный деятель. 10 февраля ему исполнилось 70 лет, из которых 50 он прожил на сцене. 79

Рыцарь Печального Образа

Наталья Старосельская

К 80-летию художественного руководителя Национального академического театра русской драмы имени Леси Украинки Михаила Юрьевича Резникова. 82

Музеи

Самый восточный

Елена Бальбурова

Официальный день рождения Государственного музея Востока — 30 октября 1918 года, поэтому главные торжества по случаю его 100-летия еще впереди. Но уже сейчас происходят события, в которых отражается жизнь одного из крупнейших культурных и научных центров России. 89

95

100

104

113

ВЫСТАВКИ

Искусство сверхпроводимости

Ассоль Овсянникова-Мелентьева
В Доме-музее А.Н. Островского на Малой Ордынке в рамках юбилейной программы «Эстония—100», посвященной 100-летию независимости республики, открылась выставка «Владимир Аншон. Культурный транзит Таллин — Москва». 95

Скрипки и судьбы

Елена Глебова
Российско-итальянский выставочный проект «Миф Страдивари» в Центральном музее музыкальной культуры. 100

Гений русского Балета

Ассоль Овсянникова-Мелентьева
В Музее-квартире Галины Сергеевны Улановой состоялась выставка одного экспоната — портрета балерины кисти заслуженных художников РСФСР Ольги и Леонида Тихомировых. 104

ЛИТЕРАТУРА

Поэзия

Александр Шапиро
Автор книги «Стихи для Альтер Эго». Входил в редколлегию журнала «Новый Берег» (Копенгаген). Публиковался в различных сетевых и бумажных изданиях... 108

ФЕСТИВАЛИ

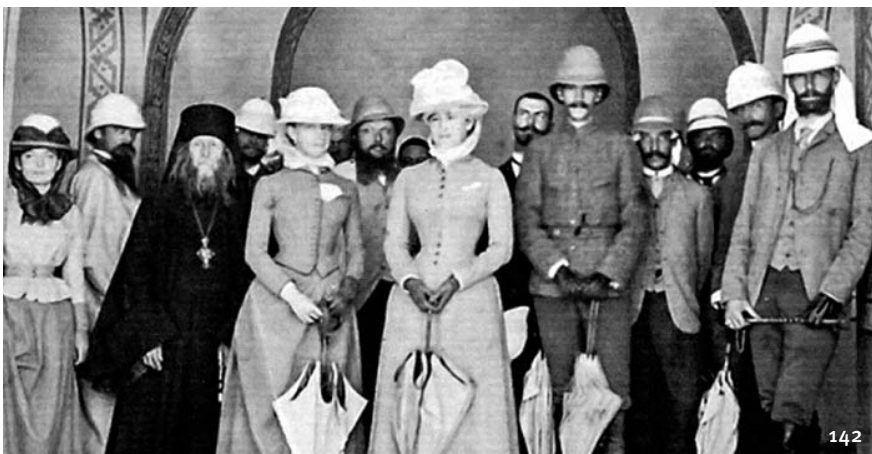
XX «Встречи в России».

2:0 в пользу театра
Этери Кекелидзе
XX Международный фестиваль русских театров зарубежья был посвящен русской классике, но девиз его звучал «2:0 в нашу пользу», напоминая зрителям о предстоящем Чемпионате мира по футболу. 113

Третий Международный театральный фестиваль в Шеки

Валентина Резникова
Фестиваль стал единым государственным творческим мероприятием, в рамках которого азербайджанские театры сыграли лучшие спектакли сезонов 2016–2018 гг. 118

ПРОЩАНИЕ

Последняя роль

Рустам Ибрагимбеков

Не дожив двадцать дней до своего семидесятилетия, ушел из жизни всенародно почитаемый в Азербайджане актер Фуад Поладов. **124**

РУССКАЯ АТЛАНТИДА

«Пылающий костер антибольшевистского негодования»

Тимофей Прокопов

Эмигрантский подвиг Михаила Арцыбашева.

«Всё, что ни пишет Арцыбашев, полно мужественной скорбью о России, неутомимой ненавистью к ее случайным порабощителям и к их добровольным прислужникам, тоской по России, а стало быть, и великой любовью». **126**

АРХИВ

К 135-летию Учреждения Императорского Православного Палестинского общества

Юлия Кудрина

Старейшая в России научная и благотворительная организация стала уникальной по своему значению в истории национальной культуры, русского востоковедения, русско-ближневосточных отношений. **142**

Голгофа атамана

Тимофей Прокопов

К 150-летию генерала и писателя Петра Краснова. Долгая жизнь белого генерала и атамана казачества, ставшего в эмиграции популярным беллетристом и мемуаристом. **146**

БОЛЕЗНЬ, ПЕРЕХОДЯЩАЯ В ВОЙНУ

Тамара Александрова

Глава из биографической книги «Тэффи: другой такой не найдете», над которой работает автор.

«**Б**ал начнется танцами, в 10 вечера!» — сообщили 31 декабря «Последние новости», главная газета русской эмиграции. Традиционный благотворительный Бал прессы в предновогоднюю ночь. Правда, обычно встречали Старый (русский) Новый год, в ночь с 13-го на 14-е января. Приход 1939 года Союз русских писателей и журналистов решил отметить по новому стилю.

Весь декабрь организаторы не знали ни отдыха, ни покоя. Для бала прежде всего надо найти средства — меценатов. Арендовать зал, договориться с оркестром, актерами, орга-

низовать буфет — здесь тоже нужны благотворители, провести лотерею, которая невозможна без даров...

Тэффи, как всегда, в оргкомитете. И в это же время Надежда Александровна работает над пьесой для Русского театра.

Критика отмечала, что за два первых сезона (1936–1937 и 1937–1938) театр сложился и окреп. В конце ноября с успехом прошла очередная премьера — спектакль «Мадам», по пьесе Нины Берберовой. Театр ждет Тэффи. Она спешит. При этом никак не отменить воскресные «выходы» — каждое воскресенье в «Последних новостях» должен быть ее «подвал». («Чтобы жить кое-как (хотя бы), нужно много работать».)

От переутомления — бессонница, боли в сердце.

Какой-то тяжелый декабрь. Тревожен фон жизни. Откроешь свою газету...

В Германии чудовищные еврейские погромы — о них из номера в номер.

Из номера в номер — «Процесс Н.В. Плевицкой». Париж взбудоражен. У Дворца правосудия толпы народа — репортеры, фотографы, поклонники, все еще не верившие в случившееся... Певицу, любимицу эмиграции, арестовали в сентябре 1937 года за причастность к похищению генерала У.К. Миллера, руководителя РОВС — Русского общевоинского союза. Она работала на советскую разведку, была завербована вместе с мужем, генералом Н.В. Скоблиным... Больше года длилось следствие.

Вот судьба! Малограмотная девочка из крестьянской богобоязненной семьи — певчая монастырского хора — певица «Яра», знаменитого московского ресторана, на нее съезжается богатая, именитая публика. И новый взлет: консерваторские концерты, дружба с Шаляпиным, выступления при Дворе, брошь с бриллиантами от Императрицы...

И с такой-то славой она в первую мировую оставляет пение и уходит на фронт санитаркой. В гражданскую — прошла с белой гвардией тяжкий путь до Крыма и шагнула на спасительный корабль. В эмиграции ее концерты — отдушина для соотечественников, поет она и в русских ресторанах, кабаках, кто-то отдает последнее, чтобы услышать дивный голос Плевицкой, расчувствоваться до слез — «Замело тебя снегом, Россия...»

Тэффи летом в Стрельне на даче. 1910 год. Фотограф Д.С. Сдобнов

«Театр ждет Тэффи. Она спешит. При этом никак не отменить воскресные “выходы” — каждое воскресенье в «Последних новостях» должен быть ее “подвал”. (“Чтобы жить кое-как (хотя бы), нужно много работать”.)»

Теперь ее судьбу определит суд присяжных.

Самая актуальная информация декабря — «Холода во Франции». Небывалые морозы! В Париже температура опускалась ниже десяти градусов. Во Франции не приспособлены к столь неожиданным и продолжительным холодам. Зарегистрированы многочисленные случаи смерти от холода, торговцы терпят убытки, в театрах упали сборы...

«Мороз» — злободневное эссе Тэффи в очередное воскресенье.

«Снег на улицах Парижа — явление совершенно непривычное. Какое-то смешное, нелепое, анекдотичное...»

Но то, что для француза наказание, для русского, для северянина, радость.

«Давно забытый чудесный звук — скрип снега под ногами. <...>

И еще один звук: утренний, зимний, когда скребут дворники обмерзшую панель.

Но скрип снега под ногою — самый радостный. Не оттого ли, что жесты, вызываемые морозом, так похожи на жесты веселья? Люди двигаются быстро, бегут, хлопают руками,

приплясывают, покрикивают, лица у них румяные, словно всем весело.

Наших северных жестов парижане не знают, руками не хлопают, иззябших щек не трут. Одно знают — бежать впритруску».

На морозные темы и рисунки МАДа, карикатуриста Дризо, любимца читателей. Два человека на автобусной остановке — бег «впритруску» на месте, — подпись: «Лучше дрожать от холода, чем от чего-то другого».

Чем от отчаяния, в которое может загнать жизнь.

«Помогите К.Д. Бальмонту!» — призыв в «Последних новостях» 1 декабря.

«Наш поэт К.Д. Бальмонт на восьмом десятке своей многотворческой и трудной жизни, после длительной и тяжелой болезни находится ныне с семьей своей в предельной беде и нужде.

Необходима спешная помощь на оплату помещения, на продолжающееся лечение, на отопление и хлеб насущный. Домик, снятый в пригороде Парижа, пуст: ни койки, ни стула и стола, ни белья. Помочь нужно деньгами и вещами. Пожертвования просим направлять по

моему адресу — генерального секретаря Союза русских литераторов и журналистов, либо в редакцию “Последних новостей”.

Владимир Зеелер».

Регулярно газета благодарит откликнувшихся на беду поэта, но пожертвования более чем скромны. Касса Союза пуста, а в помощи нуждаются многие литераторы. Что-то даст бал?

Обычно всей подготовкой руководит энергичная Мария Самойловна Цетлина, но в этот раз она не сразу включилась в работу — ее не было в Париже. Не смогла приехать Вера Николаевна Бунина. На заседаниях оргкомитета вспоминали ее редкостное умение со всеми договариваться, все улаживать. Возникла даже мысль собрать ей деньги на билет из Грасса: без нее ничего не выйдет!

«Главная беда, что никого из мужчин нельзя подпустить к заведыванию буфетом. Напиваются, — жаловалась Тэффи дорогой Верочке. — Обьезжать для пожертвованных тоже в этом году некому. Дама, с кот<орой> ездила я, отпр<а>вл<ается> сегодня на месяц на зимний спорт. Одна я ездить не могу. Кое-что сделаю, но многое не смогу. И вообще я ведь не «дама-благотворительница». Я должна ра-

ботать. <...> Ужасная свинья Берберова, у кот<орой> есть и здоровье и автомобиль. Ничего не хочет помочь и на заседании не ходит. Я достала дам (четыре) специалисток по-давать в буфете, сама буду в лотерее...»

В строках чувствуется раздражение от усталости. «У меня опять полоса тоски и мигреней».

На курьерскую работу комитет призвал молодых. Так было заведено.

«В Париже телефон, во всяком случае, в русском Париже, еще не был достаточно распространен. Чтобы нанять оркестр или заполучить артель гарсонов, надо послать нарочного... Автомобили нам не по средствам. Так что за мелкое вознаграждение литераторы бегали по городу, помогая дамам-распорядительницам, — пишет Василий Яновский в книге воспоминаний «Поля Елисейские».

По вечерам мы собирались у Марии Самойловны Цетлиной, докладывали о предпринятых мерах и, слегка только закусив, обещали завтра же выполнить все новые поручения.

— Вы заметили, — сказала мне раз на таком «комитетском» сборище Тэффи, сверкая умным, старушечьи-свежим взглядом. — Вы заметили, как меняется голос человека, когда он приближается к закуске.

«Главная беда, что никого из мужчин нельзя подпустить к заведыванию буфетом. Напиваются. Обьезжать для пожертвованных тоже в этом году некому. Дама, с кот<орой> ездила я, отпр<а>вл<ается> сегодня на месяц на зимний спорт. Одна я ездить не могу. Кое-что сделаю, но многое не смогу. И вообще я ведь не «дама-благотворительница». Я должна работать».

Во времена эмиграции.
Примерно 1923 год

Действительно, только что царила сплошная скука... А вот вдруг зашумели, зашевелились: хохочет бывший нижегородский драгун, пропустив настоящую рюмку водки, и даже Борис Зайцев начал выражаться громче и определеннее». (Василий Яновский. «Поля Елисейские: Книга памяти. — СПб., 1993.С.809)

«Последние новости» регулярно анонсируют бал — многообещающе, зазывно, напористо! — надо же привлечь побольше публики.

«Встреча Нового года в залах Ош вызвала живые отклики в русской колонии Парижа...

Приглашены два оркестра: известный струнный «Старая Вена» и американский джаз-банд «Миами — Ройс»... В кабаре «Бала прессы» выступит ряд выдающихся парижских артистов...

Для буфета получено пожертвование от ресторана «Наполеон Бонапарт»...

Анри Труайя (Л.А. Тарасов) прислал для лотереи свой последний роман «Паук», только что получивший премию Гонкуров...

Быстро распродаются билеты... Идет запись на столики...

Обещают быть многие известные писатели во главе с Н.А. Тэффи, И.А. Буниным, М.А. Алдановым, Б.К. Зайцевым...»

И наконец — 31 декабря.

«Буквально все потрясены! — пишет Тэффи. — Оказывается, что знаменитый астролог Нострадамус еще при Екатерине Медичи предсказал, что 1938 год будет тревожным и несчастным, «plutôt malheureux», а зато последняя ночь этого года пройдет необычно весело благодаря балу прессы. <...>

Удивительное дело, но предсказание наполовину уже исполнилось.

Роскошный буфет готов, билеты распроданы, столики расхвачены, телефонные трубки рыдают голосами неуспевших вовремя озаботиться и задержать место.

Ну как после этого не верить в астрологию!»

1 января — воскресенье. Тот, кто не был на балу и не отсыпался, смог уже утром прочесть в газете «Историю одного преступления» Тэффи.

«Да, да. Где волны морские — там бури, где люди — там страсти. Особенно в молодости. Как с ними бороться? Для злостного вора, укравшего большой красный блестящий карандаш и красный наперсток в гостях у почтенной дамы, окружающие сочинили такую страшную историю о полицейской собаке, которая уже взяла его след, что он от ужаса ... написал в штанишки. Воришке было пять лет. С того дня он стал свято относиться к чужой частной собственности».

Сбросив бальные заботы, Надежда Александровна с облегчением писала в Грасс:

«Ну вот, дорогая моя Верочка, бал отбыли. Говорят, что валовой сбор 50 тысяч.

Бал был очень блестящий. Мы работали на славу. Я была в лотерее и отчасти в буфете. Лотерея дала 8 тысяч!..»

Для лотереи, рассказывала, пожертвовали свои работы художники Гончарова, Ларионов, Лапшин, Боберман, свои

Предположительно 1916 год. Тэффи демонстрирует трофеи, привезенные с войны, в том числе трофейную немецкую винтовку со штыком

книги — писатели Шмелев, Осоргин... Молодцы богачи — купили письмо Чехова за 1800 франков...

Не обошлось и без огорчений.

«Молодые, как и следовало ожидать, отличились. Я слышала слова, сказанные вслед Зурову со Смоленским: «Неприятно только, что на этих балах всегда видишь пьяных».

Одоевцева мне сказала: «Вы, кажется, не любите молодых?»

Я ответила: «Я просто не люблю пьяных».

Говорят, что Зуров теперь уверяет, что они все были голодные. Понимаете? Некрасовский мотив: «Голодного от пьяного не могут отличить».

Но странно, что «голодные» требовали не еды, а водки.

Вообще, Верочка дорогая, это такая мерзость, что если судьба заставит еще работать, то поставлю условием — пьяниц не пускать.<...> Куприн пил, Бальмонт пил, но, по крайней мере, не «благотворительную» водку.

Тэффи в кругу писателей и художников на выставке русского искусства. Париж. 1932

Не знаю, сколько останется чистого дохода, но хорошо, что валовой таков.

Я подарила себе на новый год новую сумку, пучок шпилек и наточила пять пар ножниц и перочинный нож. Вот как!»

«Дорогая Надюша, — откликнулась Вера Николаевна, — получила Ваше письмо и пожалела Вас: тяжело бывать на балах Вам, особенно на тех, где пьянство узаконено, а на Новогодних балах это так. Вы, видимо, не переносите выпивших людей, как я кошек! И подобно мне, не умеете разбираться в них. Для меня все кошки одинаково противны и вызывают отвращение. А выпившие люди мне почти всегда приятны — они раскрываются».

(Какой укол «кошатнице» Тэффи! Это за Зурова, за странного члена семьи. Чужая жизнь всегда кажется странной... Некогда подающий надежды писатель приехал из Риги в Париж к мэтру и поселился у Буниных навечно, осложнив их и без того драматичную семейную жизнь. В.Н. жалела его, защищала, прежде всего от горячего Ивана Алексеевича...)

Покончив с отмщением, Бунина обрела свой обычный мягкий тон. Выразила понимание: некоторые боятся и не любят людей даже под легким хмелем, таким, конечно, на Новогодних балах бывать тяжело, но... «Подумайте, устроители только и стараются опоить всех, чтобы с каждого получить как можно больше, и «молодцы-богачи» без по-

мощи Бахуса не расщедрились бы... В прошлом году вся наша танцевавшая зала была пьяна, иначе мы не могли бы вместо крушона продавать бурду из муссо с клемантинами... как всем было весело.

С нашими писателями младшего поколения я два года работала на таких балах, и у меня не осталось от них ничего неприятного, я с ними очень сблизилась, с некоторыми подружилась, все были наготове сделать что нужно... Смоленский в пять часов утра проверил мне счета с Татой Каминской, он ведь хороший бухгалтер. И как весело и удачно работал наш буфет!»

Кошка не пробежала.

После бала Тэффи пыталась выстроить планы на ближайшее время. Пьесу закончила, Николай Николаевич Евреинов готов приступить к постановке. Ей, конечно, придется принимать участие в работе над спектаклем, как и писать воскресный текст. Но надо подумать и о дополнительном заработке — иначе не свести концы с концами, — о турне со своими вечерами. Дотошно расспрашивает Бунина (он ездил по Прибалтике в мае прошлого года), как вести себя с антрепренерами, чтоб они не обошлись с ней как с «легковерной особой». Поэтому ей важно знать, оплачивал ли «соблазненный» писателя «эксплуататор» дорогу, визы, отели, питание. Сколько платил с каждого вечера. Фикс

или проценты? Приходилось ли выступать в больших помещениях. Дал ли «негодяй» аванс и гарантию, положил ли ее в Париже в банк, и как выглядела сумма...

Клялась Ивану Алексеевичу все ответы сохранить в тайне. («А моим предпринимателям все равно буду врать как для меня выгоднее».)

А пока — театр.

Комедия «Ничего подобного».

В полицию маленького французского городка приходит письмо от американца Адама Мурзина — он ищет своих родственников-эмигрантов. Есть такие. Мурзин Яков, хозяин маленькой лавочки («У других доход, а я всю жизнь только приплачиваю»), его племянники Николай и Густ. Они невероятно возбуждены известием: «Колесо фортуны переворачивается...» Уверены, что объявившийся дядюшка миллионер: он же американец! Вот и его письмо отправлено из роскошного нью-йоркского отеля... Но Яков озабочен: «Главная беда — этот паршивый город. — Во всем мире не найдешь города с таким населением». В городке беженцы из России, Германии, Чехии, из Китая, Испании, Италии... «И еще прут со всех сторон... Такие сюда дьяволы понаехали — прямо оборотни». Якову страшно, что среди всего этого «разномордия» еще какие-нибудь Мурзины найдутся и надо будет делиться. Ему это противно: «Все равно, что с чужой свиньей из одного корыта хрюпать».

Новость об американце привела в движение весь городок: моют улицы, прокладывают дороги, готовят лавровый венок миллионеру, мэр пишет кантату... Объявились, как и ожидали, самозванцы, доказывающие свое родство с Мурзинными. Знать бы заранее, чем все обернется...

Всех обескуражил вид долгожданного миллионера Адама, его обтрепанная одежда. А он будто не замечает растерянности хозяев, не скрывает, что беден. В лавочке

Надежда Тэффи. Портрет Александра Яковлева

«После бала Тэффи пыталась выстроить планы на ближайшее время. Пьесу закончила, Евреинов готов приступить к постановке. Ей, конечно, придется принимать участие в работе над спектаклем, как и писать воскресный текст. Но надо подумать и о дополнительном заработке — о турне со своими вечерами».

родственников радуется, что наконец-то хорошо поест. Аферист, — решают Мурзины, — каков обман с отелем! Не обман: Адам спокойно объясняет, что служит там — чистит обувь, моет туалеты... Хозяева прикидывают, как теперь выйти из щекотливого положения, как объяснить всем, что опростоволосились, — народ-то в городишке паршивый («Понаехали!» — ворчит Яков).

И только Марилька, веселая девушка, которая служит у Якова, сочувствует Адаму. Она убеждает его незаметно исчезнуть, уехать, выводит через черный ход и дает денег — нельзя же человеку без денег.

А через два дня, когда доказавшие свое родство с Мурзинными пытаются доказать обратное, Адам возвращается. На

личном самолете, с личным пилотом. Забирает равнодушную к богатству Марильку, больше всего мечтающую бродить по свету с гитарой, и улетает на глазах обезумевшей от зависти толпы...

Определили художника постановки — приглашен МАД. Михаил Александрович Дризо был известен в России. Его, одессита, сотрудничавшего в основном с местными газетами, не прочь были заполучить и столичные издатели и редакторы. Аверченко желал встретиться с ним на «суровых» страницах «Сатирикона». Но настоящая популярность пришла в эмиграции. Его рисунки — без комментариев и с остроумными лаконичными подписями, — появляются не только в русских изданиях, но и во французских. И хотя он

впервые пробует свои силы в театре, ни Евреинов, ни Тэффи не сомневались в успехе.

Надежда Александровна с удовольствием обсуждала с ним образы персонажей.

«Дорогой Михаил Александрович,

Вы меня спрашивали о типах в моей пьесе. Как раз говорила об этом с Евреиновым. Вы правы — американцу хорошо дать круглые очки с черными ободками. Седоватые виски и очень румяную рожу. В последней картине нарядите его в клетчатую кепку, клетчатые очень яркие носки, штаны, гольфы и безумного цвета галстук — какие-нибудь полосы зеленые и оранжевые и что-нибудь в этом роде. Сапоги с квадратными носами, желтые. В зубах — трубка. Вместо галстука можно шарф.

Николая я переделала из часовщика в монтера, чинящего велосипеды. Он недавно приехал из Сов. России. Может быть, сделать его рыжим, такие бывают оболтусы с челкой на лбу. <...>

«Организм так переутомлен нервно, что ни на какие вакцины не реагирует. Давно надо было начинать нищенствовать, да все было совестно. ... Я, больная от переутомления, буду, значит, усиленно работать».

Яков степенный, но не старик, с бородкой, может быть, плешивый, но не обязательно.

У Густа какая-нибудь жилетка «фантази», галстучек пес-тренький.

Бруно — завитой барашком, на мизинце колечко, губки бантиком, галстук поэтический, фуляровый, с развевающими концами.

Вот приблизительно, как они мне представлялись, но Ваша фантазия, конечно, даст больше.

Шлю Вам самый сердечный привет. Ваша Тэффи».

Автор радуется костюмам. Режиссер доволен проектом декораций, стенных плакатов, «остроумных на редкость». «Браво! Все наши актеры в восторге, — писал Евреинов МАДу 30 марта. — А я с воскресенья репетирую в гриппе, при температуре 38; как будто легче стало, но здорово умялся. А бедная Тэффи все еще болеет! Что за март такой!»

Надежда Александровна словно накликала беду, написав в новогоднем письме Буниной: «Что-то даст нам новый год. Я от смерти не прочь, но болезни не желаю. Не люблю боли...»

«Я ужасно больна. Такая боль уже скоро две недели, что лежу и вою, и когда кончится неизвестно, — сообщает она теперь дорогой Верочке. — Называется болезнь «Зона». Воспаление нервов левой руки, а на коже, по ходу нервов, пузыри, вроде оспы. Незаразительно. Проноу. Работать, конечно, не могу, денег, конечно, нет. Под пьесу деньги взяты еще осенью и прожиты. Сегодня на мой вопрос, «надолго ли еще», доктор ответил: «А может быть, и на два месяца». Два месяца мне, конечно, не протянуть, умру раньше, но и более короткий срок как и чем прожить не понимаю.

Если бы Вы были в Париже, я знаю, Вы бы что-нибудь для меня придумали: вечер, сбор, не знаю что. Кроме Вас,

у меня никого нет. Лежу и вою от боли. Особенно ночью до морфия — ужас. Было и краткое, но яркое воспаление желчного пузыря. <...>

Если бы Вы приехали! Ваша кровная Тэффи».

Зона в России больше известна как опоясывающий лишай. Его вирус сходен (или идентичен) с вирусом ветряной оспы — ветрянки. Надежда Александровна по-медицински точно описала суть болезни. Но главное — от болей некуда деться. Они длятся месяцы, бывает, что и годы. Напасть может быть вызвана инфекционными заболеваниями, нарушением обмена, нервно-психическим переутомлением... Последнее — как раз случай Тэффи.

Апрель — облегчения не наступает.

«Вот уже месяц, как я лежу и непрерывно вою. Впрочем, нет. С перерывами. Днем лучше — ночью ужас. Даже через морфия слышу боль.

Лечат меня всюю — сыворотками, вакцинами, рентген<овскими> лучами.

Вы советуете, дорогая, ни о чем не думать. И я действ<ительно> и не могу ни о чем думать. Все мне безразлично, все в сравнении с болью — ерунда. Но когда смотрю на себя со стороны, то немножко удивляюсь: «Что эта старая дура будет делать, когда боль пройдет. Ведь работать она не так скоро сможет. А врачи заставят хорошо ее питать и проветривать. <...> Сегодня потащат на рентгеновские лучи...»

И через несколько дней:

«Верочка, милая! Пропадаю! Ничто не помогает. Не помог даже морфия <...> Сплю урывками по 3–5 минут <...> Организм так переутомлен нервно, что ни на какие вакцины не реагирует. Давно надо было начинать нищенствовать, да все было совестно. Писала Милюкову, просила воздействовать на правление, чтобы сочли мне пропуск как плотный отпуск. Газета отказала. Предложили напечатать в мае два лишних фельетона. Я, больная от переутомления, буду, значит, усиленно работать.

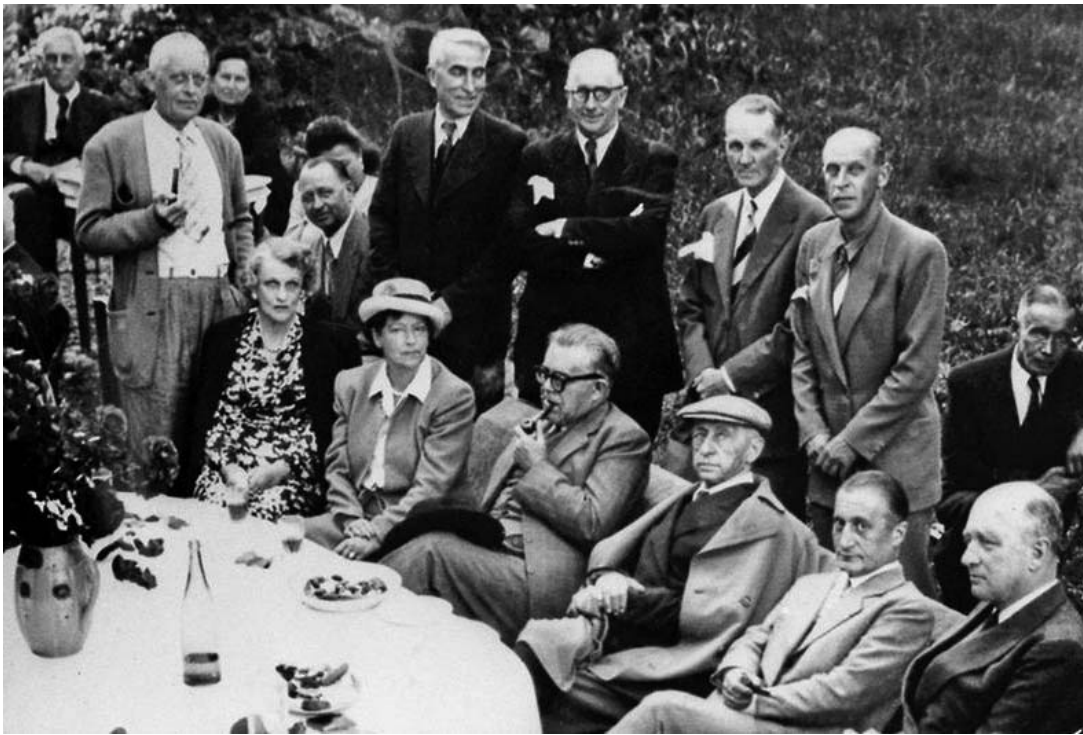
Насчет сбора я ни к кому не обращалась, да и не к кому.

Силы падают с каждым днем. Сердце начинает сдавать — болит и бьется».

Получив первое письмо о болезни, Вера Николаевна, добрая душа, сразу же обратилась к отзывчивой Наталье Ивановне Кульман, писательнице, та связалась с Зайцевым, решили, что Борис Константинович немедленно пойдет к Алданову и вместе они «составят воззвание» за подписью нескольких писателей — о поддержке Тэффи...

Между тем уже анонсируется премьера «веселой комедии» «Ничего подобного». Она состоится в зале «Журналь» 9 мая, в воскресенье, в первый день Пасхи.

Окрестности Парижа. Встреча советской делегации с писателями-эмигрантами: в первом ряду стоит слева Борис Пантелеймонов, справа от него — Константин Симонов, сидит слева Надежда Тэффи, справа, третий по счету — Иван Бунин. 1946 год

Пасха — любимый Праздник автора. В русском Париже всюду идет подготовка к нему. В русских ресторанах и магазинах — куличи, пасхи! Запахи корицы, ванили...

Когда-то она давала «Пасхальные советы молодым хозяйкам» в «Сатириконе».

«Прежде всего мы должны помнить, что из пасхальных приготовлений важнее всего сама Пасха, так как праздник получил свое название именно от нее, а не от кулича и не от ветчины, как предполагают многие невежды.

Поэтому на Пасху мы должны покупать пять фунтов творогу у чухонки и хорошенько сдобрить его сахаром.

Если пасха готовится только для своего семейства, то этим можно и ограничиться. Если же предполагается разговение с гостями, то нужно еще наболтать в творог яиц и сметаны. Гость еще требует и ванили, чего тоже забывать не следует.

Чтоб показать гостю, что пасха хорошо удобрена, в нее втыкают цветок. Гость, если он человек неиспорченный и доверчивый, должен думать, что цветок сам вырос — и умилиться.

С боков пасхи хорошо насовать изюму, как будто и внутри тоже изюм. Иной гость пасхи даже и не попробует, а только поглядит, а впечатление получит сильное».

Веселилась...

В эти предпасхальные дни не ей одной не до веселья. Кому-то, наверное, еще хуже. Плевицкую перевозят из Парижа в тюрьму города Ренн. Суд присяжных вынес вердикт: «Виновна». 20 лет каторги. На суде она появилась в черном шелковом платье, черных лайковых перчатках, на плечи было наброшено котиковое манто...

В каторжной тюрьме ее ждет арестантская форма.

Премьера «Ничего подобного» прошла без автора.

Из рецензии в «Последних Новостях» Тэффи узнала, что эта пьеса «бесспорно лучшая» из ее больших пьес.

В «Моменте судьбы» блестящие остроумия и метких словечек явно преобладали над требованиями театра и «только здесь, сознав, очевидно, что для сцены требуется нечто иное, — автор дал нам пьесу, полную движения, — с развитием действия, непрерывным и последовательным. И — такова сила таланта — пустяковый сюжет дал материал для большой веселой комедии.

Попади эта фабула в иные руки, получился бы легонький водевильчик — а у Тэффи это вылилось в пьесу — в течение трех часов приковывающую внимание публики.

В чем секрет такого успеха? Вспоминается любопытный анекдот из жизни Дюма. Знаменитого романиста зашел навестить сын. Его попросили подождать: старик очень занят. Автор «Дамы с камелиями» терпеливо уселся у кабинета отца. Но вдруг оттуда послышался громкий смех. Уверенный, что отец не один, Дюма отворяет дверь и говорит: «Ну, если здесь хохочут, то и я не прочь посмеяться». Но в кабинете никого, кроме отца не оказывается. «Кто же здесь хохотал? — спрашивает изумленный Дюма. — «Да это я, — отвечает старик. — Я сейчас написал такую сцену, от которой, кажется, умереть можно со смеха. В самом деле, друг мой, — прибавил он, — знаешь ты, почему мои сочинения занимают публику? Потому что они меня самого занимают, когда я их пишу».

Думаю, что — помимо общепризнанного остроумия Тэффи, меткости ее языка и наблюдений, — в успехе ее не меньшую роль играет то, что она сама радуется своему ощущению жизни, своему чувству действительности. Это не только устанавливает живую связь с аудиторией, но заражает и режиссера и исполнителей. К. П-въ.»

Тэффи после спектакля «Момент судьбы»

В этом же номере газеты сообщается, что «в виду совершенно исключительного» успеха, с которым прошли первые два спектакля, пьеса «Ничего подобного» пойдет еще два раза подряд в субботу 15-го и в воскресенье, 16 апреля».

А Тэффи «радуется своему ощущению жизни»: «Такое чувство, что неслась через силу и треснулась лбом о столб», — это из письма Буниной после Пасхи.

Был консилиум. Zona перешла в полиневрит — воспаление нервов, болезнь тоже длительная и мучительная. («Лежать еще не менее трех недель») Врачи обещают, что боли постепенно угонятся. Главное, чтобы температура стала нормальной. А чтобы рука — она не двигается в плече, и пальцы не сгибаются — начала действовать, надо месяца два ...

Навещала ее дочь Валерия по дороге из Лондона в Варшаву. Провела с ней несколько дней...

С наступлением мая ничего не изменилось. Болезнь не отпускает и все то же безденежье. Плоды благотворительной кампании не ощутимы. Лекарства дороги, и надо бы заплатить Евгении Антоновне за уход — уколы, обтирания. Хотя после кончины Павла Андреевича Е.А. Васютинская была скорее компаньонкой, чем помощницей по дому, но снова пришлось вернуться к обязанностям сиделки. И ей нужны хоть какие-то деньги: сын остался без работы.

И еще печаль: умер кузен Лев фон Гойер. Последний, кто звал ее Надюшей.

«После тяжелой и продолжительной болезни тихо скончался...», — сообщают в «Возрождении». «Все такие скромные эпилоги...» — скажет, горюя, Тэффи.

Был-был человек... Яркий, разносторонне одаренный. Юрист, финансист, действительный статский советник. После окончания С.-Петербургского университета работал финансовым агентом российского правительства в Пекине. Был членом Государственного экономического совещания. В 1919-м — министр финансов, в Омском правительстве Колчака... Потом жил в Париже, написал интересные работы о Дальнем Востоке. Обрел известность как прозаик. Вышли его книги «Жестокосердный каменщик», «Запретный хлеб», «Семилепестковый лотос». Он был масоном: член-основатель ложи Гамаюн, председатель ложи Капитул Астрея... Масонство во Франции было легально.

В июне Надежду Александровну смотрел всемирно известный невролог Рэймон Монье-Винар — автор книги «Неврология». («Сторговали для меня со скидкой первое светило...»). «Светило» прописало уколы (они должны были бы совершенно успокоить боль, но оказались непереносимо болезненными) и быстрого выздоровления не обещало («Что вы хотите — нужно время»).

«А ведь только шакал может себе позволить три месяца выть и не работать.

Друзья меня не забывают. Цветов тащат как на покойника», — сообщает Вере Николаевне.

Тэффи не забывают и читатели. Она им необходима. Ее фельетоны, рассказы — отдушина, даже если пишет не о веселом. А удивительная самоирония помогает смотреть на жизнь не так безнадежно, даже если у тебя полоса неприятностей.

И вот уже сколько воскресений нет Тэффи в газете. Наверное, было так много звонков и писем в «Последние новости», что редакция еще в мае сочла необходимым опубликовать заметку «Болезнь Н.А. Тэффи»:

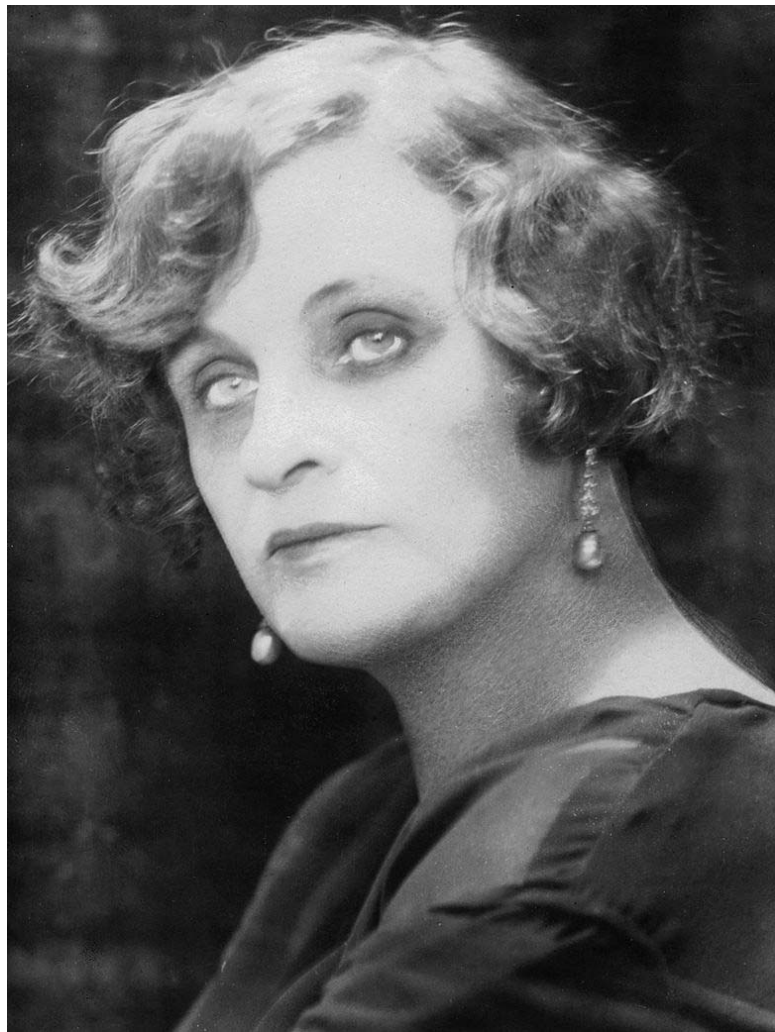
«На запросы многочисленных почитателей Н.А. Тэффи о состоянии ее здоровья сообщаем, что болезнь ее приняла затяжной характер. Писательница уже более двух месяцев больна воспалением нервов в мучительной и сложной форме. Тяжелое осложнение представляет парализованная вследствие неврита рука».

«Верочка, дорогая, моего письма другим не читайте. Я пишу только Вам.

Сейчас 5 ч. утра. Ночь идет плохая. Несмотря на морфий (пришлось впрыснуть), рука болит, не сильно, но нудно и, несмотря на изрядную дозу снотворного, спать не могу. Раньше 8 ч. жалко будить Евг^{ению} Ант^{оновну}. Птицы уже щебечут. День начинается. Завтра ровно 3 месяца, как я лежу. Будь у меня муж, он бы меня давно из жалости пристрелил».

Прежняя Тэффи узнается! Острит! Птиц слышит. Боль уже не такая сильная. Может все-таки дела идут на поправку? Сообщи же Зайцев Бунину:

«Тэффи, слава Богу, поправляется. В день смерти Х.

Надежда Тэффи

«Ее фельетоны, рассказы — отдушина, даже если пишет не о веселом. А удивительная самоирония помогает смотреть на жизнь не так безнадежно, даже если у тебя полоса неприятностей».

(Ходасевича — 14 июня — Т.А.) был у нее, она перед моим приходом даже выходила немного на улицу. <...> Нынче с базара Вера принесла известие, что Тэффи выезжает (или собирается) в Булонский лес на прогулку. Подай Господи».

Вера Николаевна в письме Тэффи, видимо, выразила радость по поводу такой хорошей новости, и Надежда Александровна поиронизировала над слухами:

«Это ничего, что меня видели в Булонском лесу, — меня видели и на спектаклях русского балета, а вчера получила письмо из Риги с поздравлением полного выздоровления.

Мои же дела таковы, что выволакивали меня два раза на скамейку перед домом, но пришлось этот разгул прекратить, <потому> <то> усилились боли и поднялась температура». <...> Последнее время дают много брома, и я от него одурела, <как> <то> если в письме падежи неправильны, то учтите бром, а я умница. Жаль, что не увидимся скоро».

Вот уже и август. В городе духота, но куда-то ехать нет сил. Решилась все-таки отправиться в Сюрен, под Парижем, в медицинское заведение имени маршала Франции Фердинанда Фоша. Знала, что там роскошно и красиво, но ехала только во имя воздуха — не для радости: видела себя на террасе, где лежат, завернувшись в пледы «полудохлые выздоравливающие». Знакомых там не будет, значит опять «одиночное заключение и потустороннее безмолвие». Из Сюрена сообщала Зайцевым 21 августа 1939 года: «Это гигантская больница, выстроенная и устроенная на американский вкус, страшно комфортабельная, с огромными террасами, больше похожа на отель или даже на океанский пароход».

Надеялась окрепнуть на «пароходе». Во всяком случае, можно будет понять, вернувшись в Париж, что она из себя представляет и насколько способна решать давно надвигавшиеся проблемы.

Тэффи за шахматной доской с Александром АLEXИНЫМ и П.Н. МИЛЮКОВЫМ

Работа — сможет ли, как прежде, выдавать, «кирпич» в воскресный номер?

Жилье — придется расстаться с удобной квартирой на улице Версай, к которой привыкла — жутко выросла плата.

Евгения Антоновна, ее верная помощница, близкий человек, собралась уходить — очень устала... Как без нее?

Надежда Александровна не предполагала, что из Сюрена она вернется в другую жизнь.

А ведь это предсказал не астролог Нострадамус — французский маршал Фердинанд Фош, главнокомандующий союзными войсками, человек, поставивший точку в Первой мировой войне. В ноябре 1918 года в его вагоне было подписано Компьенское перемирие, остановившее все военные действия. Окончательный мир был закреплен в июне 1919 года Версальским мирным договором, условия которого были чрезвычайно тяжелы и унижительны для потерпевшей поражение Германии. Вот тогда мудрый маршал заметил: «Это не мир, это перемирие на 20 лет». Он ошибся лишь на два месяца: спустя 20 лет и 65 дней началась Вторая мировая война. Ожидаемое всегда неожиданно.

Погруженная в болезнь, Надежда Александровна, видимо, и не заметила, как изменились обстановка, настроение в Париже. С приходом Гитлера к власти военная тема и политика врываются во многие разговоры, но, казалось, что непосредственно Франции ничто не угрожает.

«К концу 30-х, когда тень Гитлера падала уже за Рейн, на

французский пейзаж, наши нервы понемногу начали сдавать. Приближалась страшная осень 1939 года, — пишет Василий Яновский в книге воспоминаний «Поля Елисейские». — Еще в августе лучшие экспонаты скандинавских блондинок наводняли Париж: такой жажды греха и продолжения жизни Монпарнас, по утверждению старожилов, давно не испытывал, Люксембургский сад изнемогал под тяжестью цветов и похоти...»

Все, казалось бы, несоединимое в одном клубке: и «сдающие нервы», и жажда удовольствий, и тревога, и неверие в то, что с Францией может произойти нечто страшное.

Большинство парижан считали перспективу войны маловероятной, хотя агрессивные действия Гитлера в Европе обрели зловещую плановость — аншлюс Австрии, аннексия части Судетской области, принадлежащей Чехословакии... Весной 1939-го Германия заявила о своих притязаниях на город Данциг и потребовала открыть «польский коридор», созданный после Первой мировой войны для выхода Польши к Балтийскому морю. В ответ на отказ поляков Гитлер объявил недействительным ранее заключенный с Польшей Пакт о ненападении... Вот-вот может грянуть война, и тогда Франция и Англия как союзники Польши, давшие ей гарантии поддержки в случае агрессии со стороны другого государства, не смогут остаться в стороне.

В августе газеты, русские «Последние новости» в том числе, выносят на первые полосы рекомендации Комитета пассивной обороны, правила, которые отныне должны

неукоснительно соблюдаться: затемнение окон и дверей, запрещение световых витрин. Жителям, которые, не связанные с работой в Париже и намерены перебраться в провинцию, советуют сделать это немедленно. Министерства внутренних дел и народного просвещения озабочены немедленной эвакуацией детей...

Но парижане, проявляя легкомыслие, не спешили следовать призывам властей.

Первое сентября — вторжение германских войск в Польшу, бомбардировка Варшавы, Кракова, Гдыни — внезапно изменило всю жизнь. Началась Вторая мировая война.

Вскоре в «актуалитэ» (в кинохронике), вспоминает Яновский, парижане увидели, как поляки «пускали свою конницу против тяжелых танков Крупа. Всадники, по экипировке похожие на ахтырских гусар, бросались на стальные башни, извергавшие огонь, и тут же превращались в дымящееся мясо...»

Народ устремился к вокзалам, уходят из Парижа переполненные поезда, по дорогам движутся вереницы автомобилей, нагруженных домашним скарбом.

Началась всеобщая мобилизация...

3 сентября объявлено: Англия с 11 часов утра и Франция с 5 часов находятся в состоянии войны с Рейхом.

бумага, которой заклеивают окна во всех квартирах, чтобы свет не падал наружу. Самый ходовой товар у расторопных уличных торговцев — карманные лампочки и батарейки к ним: электрический фонарь и противогазовая маска всегда должны быть под рукой, предписывают правила пассивной обороны. Если завоет сирена, надо одеться при свете фонарика, закрыть ставни, счетчики газа, электричества, воды и направиться в убежище...

Люди не расстаются с масками — в ресторанах, кафе на вешалках вместо зонтиков их металлические футляры. Маска на поясе у продавца газет, у торговки на базаре, у нищего... Если человек на улице без маски, можно не сомневаться: иностранец.

В «Последних новостях» сообщение о борьбе с паническими слухами — за их распространение арестованы русская эмигрантка Мария Баскакова и сапожник Луи Колень...

Важная информация о снабжении Франции предметами первой необходимости и о запасах впрок:

«Если потребитель поступает неразумно, запасаясь в больших количествах сахаром, предусмотрительные хозяйки поступили бы правильно, если бы заготовили некоторое количество масла. В западных районах масла много и оно

«Только ночью город меняет свой облик. Тихий, мертвый, темный. Огни погашены, и мы видим луну. Мы видим лунный свет на улицах Парижа. Зрелище фантастическое.»

«Француженки и французы! — прозвучало вечером обращение премьер-министра Эдуарда Даладье. — Начиная с восхода солнца 1 сентября, Польша является жертвой самого грубого, самого циничного нападения. ... Ответственность за пролитую кровь лежит целиком на правительстве Гитлера... Франция и Англия умножали свои усилия для спасения мира. Еще сегодня утром ... они обратились к германскому правительству с последним призывом к его рассудку, прося приостановить военные действия и начать мирные переговоры.

Германия ответила нам отказом.

Француженки и французы, мы воюем, потому что война нам навязана.

Вы соедините все ваши усилия в глубоком чувстве единения и братства для спасения родины.

Да здравствует Франция!»

Начались военные операции на французском фронте, и Париж быстро принимает военный облик. Ночью погружается во тьму — закрыты кафе, кинотеатры. Утром оживает. Начинает работать метро, хотя и с сокращенным движением. На всех линиях список 28 станций — безопасных укрытий на случай тревоги. Открываются рестораны (военным скидка 10 процентов!), магазины — их витрины заклеены полосами желтой бумаги для предохранения стекол от вибрации во время взрывов.

Мгновенно изменился спрос — никто не покупает дорогую парфюмерию, ценную мебель. Расхватывается синяя

продается дешево. Этой зимой цена его значительно поднимется. Масло можно консервировать: солить или топить. Масло хорошего качества лучше солить, худшего топить».

5 сентября в 3 часа 40 минут парижане впервые услышали вой сирены — alert — тревога!..

С «корабля» выздоравливающих Надежда Александровна вернулась в другой Париж.

Так и вертится определение почти полугодовой полосы ее жизни: болезнь, переходящая в войну.

«В террасах кафе все, как было, — всматривается она в город. — Может быть, немножко меньше народу, чем всегда, и лица серьезнее. <...>

Только ночью город меняет свой облик. Тихий, мертвый, темный. Огни погашены, и мы видим луну. Мы видим лунный свет на улицах Парижа. Зрелище фантастическое.

На огромной пустой площади, как декорация какой-нибудь чудесной трагедии в стихах, застыл собор святого Августина. В зыбком фосфорическом тумане выезжает на черном коне черная Жанна д'Арк».

Строки из ее репортажа «В эти дни», который появился в «Последних новостях» 8 сентября, в пятницу. Видимо, написала она его, не распаковывая чемодана, и редакция решила не дожидаться воскресенья, ее «законного» дня, чтобы сообщить читателям: долгожданная Тэффи снова с вами.

С сентября до июня она будет с ними каждое воскресенье, вплоть до закрытия своей газеты — до вторжения немцев в Париж. **ИБ**

ПРОСТЫЕ СЛОЖНЫЕ ИСТОРИИ

Показали в Москве артисты театра «Габима»

Майя Фолкинштейн

Гастроли состоялись во второй половине апреля при содействии Министерства иностранных дел Израиля, Посольства государства Израиль в Российской Федерации, Израильского культурного центра, Фонда «Генезис» и Российского еврейского конгресса. Посвящены они были семидесятой годовщине основания Израиля и вековому юбилею самой «Габимы» — национального израильского театра, одной из главных гуманитарных ценностей этой маленькой, но сильной духом страны.

Была и еще одна значимая «круглая дата» — ровно девяносто лет назад «Габима» (что в переводе означает «сцена»), в 1928-м, обрел постоянную «прописку» в тогдашней Палестине, став первым репертуарным те-

атром Израиля задолго до обретения им официальной независимости.

Словом, нашлось достаточно поводов для очередного приезда «Габимы» в Москву, на свою историческую Родину, где в 1917 году по поддержанной Константином Сергеевичем Станиславским инициативе актера и режиссера Наума Лазаревича Цемаха, собственно, театр и родился.

Было это на Арбате. И естественно, что именно Театр имени Евгения Вахтангова принимал (между прочим, как указано в пресс-релизе, впервые в своей летописи) израильских артистов, которым наверняка в вахтанговских стенах было комфортно, словно они находились не в гостях, а дома.

«Дорожные знаки»

«Простая история»

Все-таки, как известно, у истоков «Габимы» стоял сам Евгений Багратионович Вахтангов, автор спектакля «Гадибук» по пьесе С. Ан-ского, «трагического шедевра», легенды знаменитого на весь мир театра, которому сегодня вахтанговцы предоставили две свои ведущие сценические площадки — Основную и Новую.

На Основной были показаны «Дорожные знаки» Орена Якоби и Гиоры Яхалом в режиссуре художественного руководителя театра Моше Кептена. На Новой — «Простая история» по роману лауреата нобелевской премии Шмуэля Йосефа Агнона в постановке Шира Голдберга.

Оба спектакля (кстати, появившиеся в афише «Габимы» совсем недавно: «Дорожные знаки» — в сентябре 2017-го, «Простая история» — в апреле 2016-го) игрались на иврите (с субтитрами). И это позволило залу ощутить своеобразие данного языка, чье непривычное

уху российского зрителя, почти экзотическое, какое-то «гортанное» звучание придало происходившим событиям необычный, не бытовой оттенок.

Впрочем, думается, что это было заранее обусловлено самими сюжетами настоящих спектаклей, которые, несмотря на хронологическую удаленность (особенно «Простой истории») от наших дней, внешнюю неприятельность, воспринимались органично и отнюдь не однозначно.

Так «Дорожные знаки» были основаны на фактах биографии Наоми Шемер (1930–2004) — композитора, поэта, яркой творческой личности, мыслившей зачастую иными, не земными категориями, да и само название спектакля показалось символичным: с «дорогой» ассоциировалась незаурядная судьба героини, со «знаками» — ее определенные этапы, требующие остановки и осмысления прожитого. А «Простая история»,

затрагивавшая череду, в общем-то, обиденных ситуаций в действительности, уводила нас в таинственный мир непроявленных в полной мере человеческих чувств и фатальных совпадений.

К тому же в «Дорожных знаках» нам было и вовсе предложено вместе с участниками спектакля «перемещаться» из одного временного пласта в другой, так как большинство фрагментов спектакля представляли собой воспоминания Наоми, предпринимавшей «экскурсы» в прошлое. В свои, если можно так выразиться, три возраста.

То есть в прошедшую в кибуце «Кинерет» юность, в пришедшую на годы учебы в музыкальной академии молодость, в зрелость с выпавшим на этот период профессиональным становлением (все это нашло должное отражение в придуманном Шани Туром оформлении, центральными деталями которого стали элементы природы кибуца и большой концертный роуль). Совершали это виртуальное «путешествие» актрисы Хила Шалаеф (Наоми, 20 лет), Ревитал Зальстман (Наоми, 40 лет) и Дафна Декель (Наоми, 50 лет). И они смогли в соответствии с заданным Моше Кептеном условным стилем, буквально «пропитанным» музыкой (самой Наоми Шемер и Йоси Бен Муна) спектакля, благодаря богатому драматическому арсеналу и профессиональным вокальным навыкам передать соответствовавшие каждому периоду душевные состояния Наоми. Ее веру в свое призвание, неизбежные разочарования, желание найти женское счастье, стремление не изменять своим политическим убеждениям.

Но наиболее сильное впечатление произвела Сандра Саде, на долю которой выпала нелегкая задача — создать образ Наоми 70-летней. И она сделала это мастерски: в меру эмоционально, благородно и очень лично. По ярко выраженной сердечной интонации, отличавшей ее «партию», стоило предположить, что актрисе не безразлична доминирующая в спектакле тема необходимости честного разговора человека с собой. И — важности признания своего несовершенства даже самым большим талантом. В случае Наоми Шемер — это согласие с наличием элементов заимствования для мелодии наиболее известной ее песни «Золотой Иерусалим» у народных напевов басков.

Пример Наоми — редкость не только среди людей искусства. А вообще — редкость. Особенно сейчас, когда само понятие не больной, но просто совести, увы, не в чести.

Равно как и чуткость, умение внимательно прислушиваться к потребностям того, кто находится рядом, иные раритетные качества, которых, увы, не хватило родителям Мины Цимлих (Хила Шалев) и Гиршлу Гурвица (Шеффи Марциано) из «Простой истории», вынужденных против своей воли вступить в не освященный и малейшей симпатией друг к другу семейный союз, что не принесло ничего хорошего. И не од-

ним лишь Мине и Гиршлу, а еще и служанке в доме семьи Гурвиц, Блюме (Дана Ядлин), чья тяга к Гиршлу была взаимна.

Но «Простая история» (хотя режиссер Шир Голдберг и попытался при помощи ряда предложенных Офрой Конфино костюмов и деталей реквизита придать ей некоторую универсальность, все же отсылавшая нас к началу двадцатого века, в вымышленный автором городок Шибуш) — не типичная мелодрама. Из-за налета мистики, возникавшего тогда, когда в ткань спектакля вторгались материализованные картины мучительных сновидений Гиршлу. И по причине отсутствия сентиментальности.

Ведь серьезные потрясения обернулись для молодых героев спектакля некими жестокими, но, тем не менее, полезными «уроками». Для Мины, прежде всего, — взросления и физического, и морального. Для Гиршлу — осознания необходимости в отличие от его отца — Боруха Меира (Роберто Полак), бороться за свою любовь, за право на самостоятельность, что позволило бы прервать цепь частых в местечковой еврейской среде безлюбных, продиктованных исключительно материальной выгодой браков.

И, похоже, что с этим испытанием персонаж Марциано справился. Подтверждением тому послужил финальный поступок его Гиршлу, твердой рукой закрывшего дверь на ключ перед Цирл — своей деспотичной, властной матерью, которой он явно больше не позволит собой манипулировать.

Но тут происходил интересный смысловой «перевертыш», заставлявший проникнуться сочувствием уже к Цирл. Потому что, судя по ее слезам, была она не такой уж и злодейкой. Скорее — запутавшейся в жизненных критериях, внутренне вовсе не железной женщиной. Способной в результате сильных потрясений что-то в себе изменить (недаром метафорой барьера отчуждения между Гиршлом и Цирл по задумке того же Шани Тура «под занавес» спектакля оказывалась изначально разделявшая сценическое пространство стена, но не каменная, а стеклянная, что указывало на возможность преодоления разногласий).

И в этой готовности публики оправдать Цирл виделась, конечно, немалая заслуга сыгравшей ее Евгении Додиной, сумевшей в характере своей, мягко говоря, не совсем приятной героини найти то, за что ее можно было бы пожалеть.

Приятно, что подобный, человеческий посыл исходил от непосредственной воспитанницы русской театральной школы, приверженцы которой традиционно не отпускают зрителя из зала с неким привкусом горечи в душе.

Сегодня эта готовность подарить нам хотя бы призрачную надежду на лучшее — дорога, как никогда. **ИБ**

ПЕТИПА: герой дня «без галстука»

Ольга Шкарпеткина

Нет, конечно же, снимать галстук и прочие парадные знаки отличия с без преувеличения Юбиляра с большой буквы никто не осмелился бы! О регалиях и орденах мы еще скажем пару слов ниже, а начнем с того, что вот уже несколько месяцев российская и мировая хореографическая общественность с пиететом декларирует: в России длится празднование 200-летия со дня рождения выдающегося балетмейстера

Ж. Годешарт.
Портрет
М.И. Петипа
1837 г.

*Мариуса Петипа
(1818–1910).*

Подготовка к столь важной дате шла длительное время, и ее результатом стали многочисленные культурные события: научные конференции, переиздание мемуаров балетмейстера и выпуск новых книг о нем, гала-концерты, выставки. Все эти мероприятия призваны еще и еще раз напомнить и закрепить: имя Петипа для России и его вклад в развитие русского хореографического искусства огромен. И совершенно свободно можно перефразировать известную цитату: наравне с Пушкиным, Петипа — наше все. Наше «балетное все», потому что весь классический балет, каким мы его знаем, любим, бережем — это почти сто процентов Петипа. Его авторское мышление, его переработки, его редакции и, что греха таить, его компиляции и даже его наивное воровство. Так сложилось: говорим ли мы о «Лебедином озере» и держим в уме Льва Иванова с его лебедиными новаторствами, а на устах — Петипа. Весь балетный Чайковский — Петипа, хотя в XX веке огромное число хореографов обращалось к музыке композитора, но ведь никто не будет вспоминать

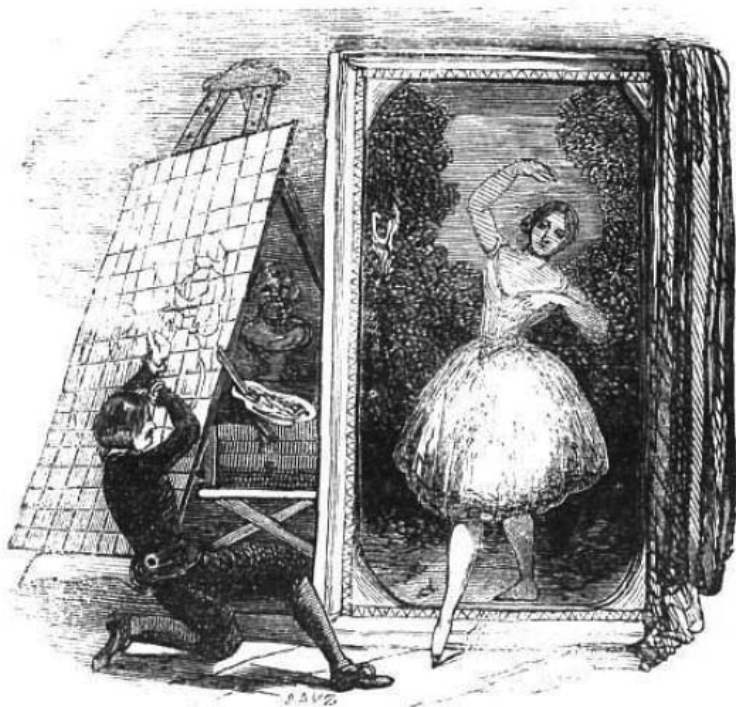
К.И. Бергамаско.
М.И. Петипа
в жизни.
1855–1865 гг.

ничего, кроме великой троицы: «Лебединое», «Спящая», «Щелкунчик». А сколько вставных вариаций, кордебалетных шедевров, симфонических бриллиантов хореографии — и пройдет еще двести лет, а все равно для зрителей всех уровней и подуровней все останется неизменным: русский балет — «Лебединое озеро» — Петипа.

Вам еще не стало скучно? Мне стало. И вот это одна из проблем, которая почему-то лично у меня, но, мне кажется, и еще у некоторых балетных критиков, негласно выплывает мелкой зубастой пираньей перед огромным, увешанным праздничными флагами, кораблем, на борту которого значится «Петипа». И пиранья эта (до которой железной механической громадине, как вы понимаете, совершенно нет никакого дела), щелкает зубами и ворчит: ну

что еще нового можно сказать про Петипа? Он велик и гениален. А посему пройдут празднования, сдуются шары, умолкнут фанфары, и снова какой-нибудь умник начнет урезать «Лебединое озеро» до одного акта, чтобы вывезти его на гастроли в какой-нибудь Бангладеш и — заработать на Петипа. И снова и снова пойдут пикировки — можно ли восстановить оригинальную хореографию Мариуса Ивановича или нет, аутентична ли эта и та реконструкции его балетов или нет... И понимаешь, что для балетоведов, критиков (нет, не для всех, опять оговорюсь) уже сам Мариус Петипа, живой человек, перестал быть аутентичным, а превратился в «старика Петипа», которого каждый молодой рецензент или балетмейстер дерзает похлопать по плечу — первый рубленным же сплеча словом о погрешностях его хореографии, второй, прямо скажем, бандитским использованием этой самой хореографии. Чист только зритель! Который просто смотрит и наслаждается красотой благодаря своему незамутненному балетоведением сознанию. И еще порой, подобная весенней птице, прилетает весточка с «иных берегов», вторя есенинскому «лицом к лицу лица не увидать» — и зарубежные исследователи открывают нам то, что мы сами упустили, открывают со всей своей неиссякаемой влюбленностью в русский балет.

Быть может, все вышесказанное отчасти занимало и организаторов выставки «Два века Петипа», которая состоялась в Государственном центральном Театральном музее имени А.А. Бахрушина. Петипа «парадный» и «непарадный», одним словом, как раз аутентичный, стал ее героем. Экспозиция представила картину жизни и творчества Мариуса Ивановича благодаря обширному архиву Петипа, спасенному Алексеем Бахрушиным во время революционных событий 1917 года, а также материалам дирекции Императорских театров. В экспозицию вошли архивные документы, фотографии, книги, афиши, произведения живописи и графики, среди которых более 40 эскизов костюмов А. Шарлеманя, эскизы К. Вальца, И. Всеволожского, А. Головина и других известных художников и театральных декораторов эпохи. Помимо собрания Петипа из Бахрушинского музея, на выставке представлены экспонаты из музея Большого театра, РГАЛИ, Санкт-Петербургского государственного музея театрального и музыкального искусства, музея-заповедника П.И. Чайковского. Всего один небольшой зал, но благодаря прекрасной его организации и планировке и невероятно интересному экскурсионному сопровождению личность Великого и Ужасного

Мариус Петипа и Мари Ги Стефан в балете «Фарфарелла, или Дева преисподней». Мадрид. Semanario Pintoresco Español, сентябрь 1846. Из личного архива Лауры Ормигон

Мариус Петипа и Мари Ги Стефан в балете «Ундина». Мадрид. Semanario Pintoresco Español, сентябрь 1846. Из личного архива Лауры Ормигон

обретает человеческую плоть и избавляется от сильфидных крылышек, наросших за два века почитания. Перед нами — практически наш современник. Трудоголик, умница, фантазер, профессионал экстра-класса, капризный творец, фанатичный отец, легкомысленный дуэлянт, вредный пенсионер, непревзойденный и непредсказуемый Мариус Иванович.

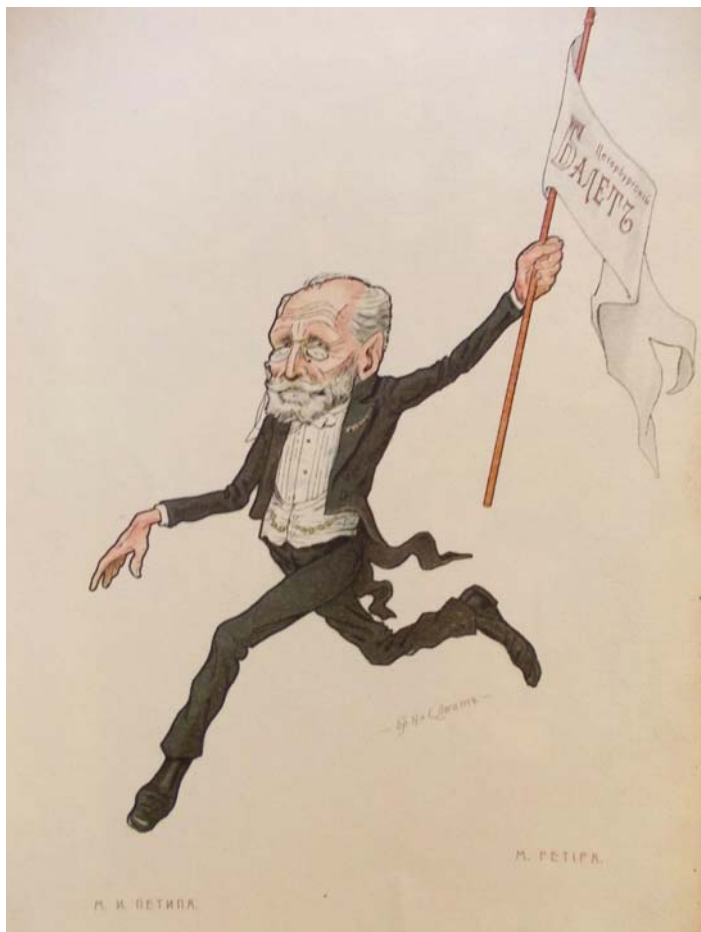
Обратим внимание и на еще одну круглую дату, знаменательную непосредственно для музея Бахрушина: ровно сто лет назад, в июне 1918 года, архив Мариуса Петипа попал в музей после революционного разгрома в квартире балетмейстера. Друг А.А. Бахрушина, хореограф Борис Романов, так систематизировал эти документы: первая часть рукописей представляет собой собрание либретто предполагаемых балетов, написанных Петипа; вторая — это чертежи хореографических групп, ходов и движений; третья — исторические справки и выписки из книг (Петипа проделывал колоссальнейшую архивную поисковую работу при создании балетов!); четвертая — и это выделено в отдельную группу архивных находок балетмейстера, то есть их достаточно много — калькированные рисунки из иллюстрированных периодических изданий; и, наконец, пятая часть архива содержит материалы к созданию балета «Спящая красавица».

Во всех документах, записях, записках, рабочих зарисовках видна совершенно въедливая заинтересованность выдающегося француза. Кажется, что в работе по созданию

хореографического произведения он хочет присутствовать всюду, со всеми, хочет буквально раствориться во всех этих нюансах, сопровождающих рождающийся спектакль. В экспозиции уделено особое внимание такому популярному вопросу, как сотрудничество Петипа и Чайковского. Как известно, бытуют разные мнения о том, кто доминировал в этом тандеме — великий ли композитор, не желавший мириться с диктатом хореографии, использовавшей ранее музыку в балете только в качестве сопровождения танцев, или великий балетмейстер, составлявший для Чайковского подробный план номеров. По мнению специалистов, все же это был равноправный творческий союз: да, Петипа подробно рассказывал Петру Ильичу, что именно он хочет от музыки и как будет выглядеть будущий номер, например, передавал ему музыкальный сценарий дуэта Кота и Белой кошки из дивертисмента «Спящей красавицы». Помимо четкой структуры и, соответственно, внятно сформулированной задачи, хореограф делает в нескольких местах пометку «cri du chat» — «кошачий крик», который желает услышать в музыке. Но при этом Чайковский сам просит этот сценарий, не пренебрегает им — и не чувствует себя стесненным или потесненным. Так что, как видим, диктат был «обоюдоострый», полезный для обоих авторов балета, стимулирующий их фантазию и подвигающий на поиски нового.

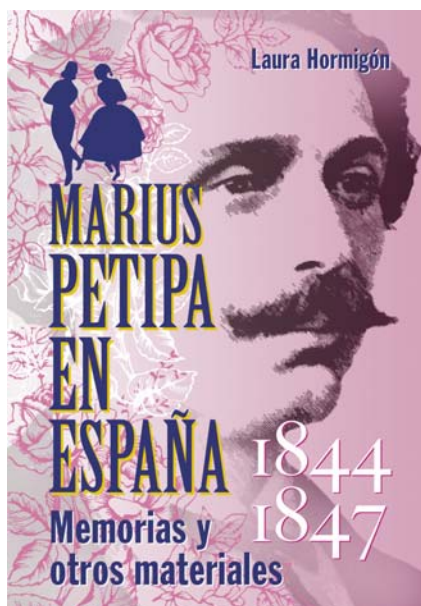
Еще одна рабочая черновая записка — карандашный набросок рукой Петипа эскиза бу-

Н.Г. Легат, С.Г. Легат.
Шарж на М.И. Петипа.
Лист из Альбома
шаржей братьев
Н.Г. и С.Г. Легат на
артистов балета
Императорских
театров Санкт-
Петербурга
и Москвы. 1903 г.

И.А. Всеволожский.
Шарж на князя
С.М. Волконского.

тафоровской сферы для балета «Синяя борода» (это уже адрес для сценографа) и подробные же пояснения насчет ее устройства. Рисунок декорации к «Раймонде» уместился на официальном бланке Директора Императорских театров — видимо, что было под рукой, когда

пришло вдохновение. То, что Петипа искал вдохновение именно в изобразительном искусстве, а, точнее, в его некоем «пропускании» через себя, видно из четвертой части архива: он усердно сводил, обводил (где-то довольно общо) рисунки Гюстава Доре, величайшего иллюстратора XIX века, например, к сказке Ш. Перро «Красная шапочка и Серый волк», перерисовывая не только костюмы, но и живые позы художника, его повороты головы, эпольманы, вероятно, ища в них новые движения для танца. На понравившейся ему картинке он делал пометку «bon» — «хорошо, годится», на не заинтересовавшей — «mauvais» («плохо, не пойдет»). И со вкусом разбирая получившийся удачным костюм — очень ему нравилась экипировка Волчка в балете «Волшебные пилюли». В письме к И.А. Всеволожскому зафиксирована такая характеристика: «Вокруг талии золотой шнурок. Пухлое тело в форме груши. На голове верхушка волчка (золото-сталь), ноги в цвет стали и тот же оттенок для туфель». Как видим, даже «пухлое тело в форме груши» в руках умелого постановщика и сценографа займет свое достойное место в балетном спектакле.

К.И. Бергамаско
Фауст – М.И. Петипа
Большой Каменный
театр. "Фауст".
1854–1864 гг.

Мария Сергеевна
Суровщикова-
Петипа.
"Ливанская
красавица" или
"Дочь Фараона".
1864 г.

Доре мотивировал Петипа на творчество. Иллюстрации художника к «Божественной комедии» Данте (часть «Чистилище»), которую Петипа изучал в процессе работы над «Баядеркой», стали пластическим архетипом акта «Тени». Многие группы почти неизменными вошли в балет, балетмейстер в процессе изучения гравюр мастерил картонные фигурки, расставляя и komponуя их, обдумывая ансамбли. Очень любил Петипа книгу Шарля Давилье «Испания» (1874), в которой содержались описания народных танцев с иллюстрациями все того же Гюстава Доре.

Испания — отдельная яркая глава жизни и творчества Петипа, до недавнего времени скрытая от русскоязычного исследователя (даже у В.М. Красовской значится об этом периоде только, что он длился три года), но теперь разоблаченная в хорошем смысле благодаря испанскому балетоведу, балерине Лауре Ормигон Висенте, о чем также упоминается в рамках экспозиции. Надо рассказать, что Лаура приезжала в Москву и была в музее Бахрушина, и отдельный спектакль было наблюдать за ее реакцией, когда она рассматривала экспонаты, связанные с именем Петипа. Это был неподдельный восторг ребенка, попавшего в Диснейлэнд. Думаю, только на таком бла-

годатном восторге и можно написать ту полновесную книгу, которая уже заинтересовала отечественных специалистов: «Мариус Петипа в Испании (1844–1847). Мемуары и другие материалы». Лаура с гордостью рассказывает о своих открытиях, сделанных в процессе изучения испанского периода жизни М. Петипа. Так, известно, что дуэль из-за некой дамы заставила Петипа срочно покинуть Испанию — «Я нашла ее имя!». Лаура также обнаружила много неточностей в предыдущих изданиях о М. Петипа, в частности, в его мемуарах. Например, что Петипа танцует в Мадриде не между 1842–43 гг., а с 1844 по 1847 гг.; неверно, что он показывает Мари Ги Стефан (известной французской балерине, своей партнерше), как танцевать испанские танцы, сочиняя для нее «Jaleo de Jerez», так как «Халео» был создан испанцем Викторино Вера; что он танцует в Театро дель Сирко с Софией Фуоко — неправда, потому что Мариус уезжает из Мадрида в 1847 году, а Фуоко прибывает в Мадрид в 1848 г. И, в конце концов, дата рождения Мариуса Ивановича — 1818 год, а не 1822 г., как говорится во многих источниках. Структура книги двучастная. Часть первая, названная «Петипа в Испании», дает широкий исторический обзор, в который входят: портрет общественной

Эскиз декорации.
А.Н. Бенуа
Нью-Йорк.
"Раймонда" II акт.
1945 г.

К.И. Бергамаско.
Мариус Иванович
Петипа с детьми
Иваном и Марией.
1869 г.

жизни Мадрида середины XIX века — города, в котором Петипа прожил почти три года; глава «Театры Мадрида», повествующая, среди прочих, о Teatro дель Сирко (Teatro del Circo), в котором Петипа выступал как ведущий солист. Рассказывается о деятелях балетного театра, с которыми работал М. Петипа, таких, например, как импресарио Хосе де Саламанка, балерина и его партнерша Мари Ги Стефан, сценограф Эусебио Лючини, с которым также сотрудничал Петипа, и другие. Специальная глава посвящена туру Петипа и Мари Ги Стефан в Андалусию, длившемуся с апреля по сентябрь 1846 года, в результате которого танцовщики посетили восемь андалусийских городов и снискали огромный успех. Вторая часть книги Л. Ормигон — переизданные «Мемуары» М. Петипа, которые Лаура отредактировала и к которым составила новые дополненные примечания. Эта часть снабжена главой, посвященной семье Петипа, генеалогическому древу рода Петипа, а также статьей Веры Петипа об отце. Монография дополнена приложениями, среди которых — программа всех балетов, которые М. Петипа танцевал в «Театро дель Сирко», а также фотографиями, некоторые публикуются впервые. И весь этот

*Гарем шаха
Насир ад-дина*

невероятный документальный труд создавался «взахлеб», с тем чувством, об отсутствии которого посетовал герой популярного фильма: «В нас пропал дух авантюризма». А в научных изысканиях без него ну никак не обойтись.

И еще одна весточка с иных берегов, юмористическая, также отображенная на выставке «Два века Петипа». В 1873 году Россию посетил с визитом шах Персии Насир ад-дин из династии Каджаров. Венценосному восточному правителю был показан балет Петипа «Царь Кандавл», который так понравился шаху, что по приезду на родину он одел весь свой гарем в... балетные пачки, то есть короткие юбочки, практически совершив тем самым революцию в историческом костюме. В 1885 году шах Насир ад-дин снова приезжает в Россию и торжественно награждает своего любимого балетмейстера орденом «Льва и солнца» 4-й степени. Признаться, ценность ордена была не так уж велика (по большому счету, его можно было даже купить), но Петипа принял его с большим уважением и с гордостью всегда носил на самом видном месте. Вот так русский балет достиг даже сердца гарема, а признание и восхи-

щение, как видим, может быть дороже любых материальных ценностей.

... По свидетельству очевидцев, на премьере балета Петипа «Волшебное зеркало» огромное зеркало на сцене внезапно треснуло, полилась наполняющая его ртуть, и Мариус Иванович счел это дурным знамением. Через несколько месяцев Дирекцией Императорских театров балетмейстер был отправлен на заслуженную пенсию, которая принесла ему медленное и верное душевное и телесное умирание. Он все еще держался за балетную жизнь, дарил артистам конфеты на праздники (все тщательно подсчитывая) и с горечью вычеркивал из списка фамилии тех, кто не поздравил его с Рождеством («кто поставил «лайк», а кто не поставил», шутят посетители). Гениальный балетмейстер, великий Мариус Петипа, чье имя знал и знает весь мир, всегда был простым, живым, неидеальным человеком со сложным характером и, наверное, как все творческие, а потому тонко чувствующие люди, с огромной потребностью быть любимым. **ИБ**

*Фотоматериалы предоставлены
пресс-службой ГЦТМ им. А.А. Бахрушина.*

ИЗАБЕЛЬ ЭБЕРХАРДТ: русская амазонка Сахары

Наталья Беглова

Изабель Эберхардт. Это имя мало известно в России. А между тем, эта женщина — не только формально, по паспорту, была подданной Российской империи, она русская и по воспитанию, и, как мы увидим, по многим своим душевным качествам. Если она и выросла в Швейцарии, вдали от Родины, то в этом не ее вина, а ее трагедия. Об этой женщине, которую называли то «казаком на сахарских просторах», то «кочевницей с русской душой», написано множество книг на английском, французском и арабском языках. Голливуд не так давно снял о ней фильм с блестящим английским актером Питером О'Тулом в одной из главных мужских ролей.

Пришло время вернуть это имя российской истории! Тем более, что Изабель Эберхардт того заслуживает.

Судьба этой женщины — путешественницы, журналистки и писательницы, родившейся в Женеве в конце XIX века в русской семье, — столь необычна, что кажется романом. Приключенческим романом, написанным чрезвычайно талантливым писателем. И этим писателем была сама Изабель Эберхардт, которая творила свою жизнь, как другие создают произведения искусств.

Изабель — мастер провокации. С самых ранних лет умела заинтриговать, возбудить интерес, заставить говорить о себе. И это не удивительно. Ведь все в ней — исключительно! Она вызывает восхищение одних и шокирует других: мужской одеждой, независимостью, обилием любовных связей и, наконец, обращением в ислам и жизнью среди кочевников в пустыне Сахара.

Изабель Эберхардт — это человек, в трагической жизни которой пересеклись все возможные противоречия: между женским и мужским началом, между стремлением к высокой любви и диктатом плоти, между жадной свободой и необходимостью следовать принятым нормам, между стремлением к независимости и религиозным экстазом.

В предлагаемом ниже очерке речь пойдет о детстве и юности Изабель, которые прошли в Женеве.

* * *

Тому, кто решает рассказать об Изабель-Вильгельмине-Марии Эберхардт (Isabelle Wilhelmine Marie Eberhardt), придется искать ответ на такое множество вопросов, что может пропасть желание сделать это. Вот лишь некоторые из них.

Изабель Эберхардт

Кем ее считать: русской, как она записана при рождении, швейцаркой по стране, где она выросла, или французенкой, по мужу? А может быть, правы те, кто называют ее дочерью Алжира? В этой стране, которую она так любила и где была по-настоящему счастлива, Эберхардт обрела последний приют. Кто был ее отец? Было ли ее поведение проявлением свободолюбия или распущенности? Способна ли она была на любовь, или ее единственным кредо в жизни была свобода, в том числе и сексуальная? Принятие ислама вызвано интересом к Востоку или она действительно сочла эту религию истиной? Боролась ли Изабель против французских колониалистов или была их негласным осведомителем?

Определенно можно ответить на первый вопрос: русская кровь в ее венах точно имела. Отсюда — страстность, свободолюбие, отвага. В этом месте логично звучала бы фраза: все это она всосала с молоком матери. В какой-то степени, это утверждение справедливо, поскольку ее мать Наталья Николаевна Эберхардт, как мы увидим, была женщиной весьма незаурядной для своего времени. Правда, в начале своего жизненного пути она вела себя так, как это было принято в среде, где она выросла: покорно повиновалась воле родителей. Едва Наталье исполнилось двадцать лет, как ее выдали замуж за Павла Карловича Мёрдера, генерала, героя Отечественной войны 1812 года, участника Кавказских кампаний, сенатора. Павел Карлович был

вдовцом, и от первого брака у него имелось трое детей: Константин, Александра и София. Человек он был весьма достойный, обладавший лишь одним существенным недостатком: он был на сорок один год старше жены.

Когда в 1858 году Наталью Николаевну Эберхардт выдали замуж за Павла Карловича Мёрдера, жениху стукнул уже шестьдесят один год. Сразу же перед глазами возникает картина Пукирева «Неравный брак». Однако, в данном случае не все так однозначно. Свидетели их семейной жизни утверждают, что Наталья Николаевна поначалу была весьма счастлива в браке. Возраст мужа не помешал им обзавестись пятерыми детьми! Чтобы помочь жене справиться с воспитанием многочисленного семейства — учитывая потомство мужа от первого брака, на руках Натальи Николаевны оказывается восемь детей — Павел Карлович нанимает некоего Александра Трофимовского, которому в дальнейшем суждено сыграть большую роль в жизни семьи.

В 1871 году, когда молодая женщина ожидала очередного ребенка, врачи посоветовали ей поехать для поправки здоровья в Швейцарию. С этим отъездом за границу связана очередная легенда. Почти во всех книгах — а их на английском и французском языках довольно много — утверждается, что Наталья Николаевна сбежала с Трофимовским от мужа. «В один прекрасный день, вернувшись домой, генерал нашел дом опустевшим». Сначала беглецы отправились в Стамбул, потом в Неаполь и лишь позднее оказались в Швейцарии. Там к ним, якобы, и присоединился безутешный муж, который на коленях выпросил прощения у жены. Последовало кратковременное примирение, результатом которого и стала очередная беременность Натальи Николаевны и появление через некоторое время на свет еще одного сына — Августина. Однако данная гипотеза не выдерживает критики. Выехать за границу и в те далекие времена было невозможно, не получив соответствующего паспорта. К тому же представить себе, что Наталья Николаевна, прихватив детей, рванула с воспитателем за границу, не имея собственных средств, кажется верхом абсурда. Не так давно в российских архивах были найдены документы, подтверждающие, что Павел Карлович задолго начал готовить данный отъезд, и в марте 1871 года получил разрешение «покинуть службу в Государственном сенате для прохождения лечения». На самом деле, он испросил отпуск для того, чтобы сопровождать больную жену.

Было решено, что за границу отправятся не все дети, а лишь четверо: Константин — сын от первого брака, а также трое родных детей Натальи Николаевны: Николай, Наталья и Владимир. Четверо других детей остались на попечении бабушки, мадам Корф. Тот факт, что Наталья Николаевна не брала двух своих родных дочерей — Елизавету и Ольгу — с собой в поездку, еще раз подтверждает: в тот момент она еще не предполагала покинуть Россию навсегда. В путешествие за границу было решено взять и учителя детей Трофимовского.

После длительного и утомительного путешествия через всю Европу семья Мёрдер прибыла в Швейцарию и обосновалась сначала в Монтрё. Убедившись, что жена хорошо устроена, Павел Карлович в конце лета этого же года

уехал на родину, где его ждали дела. Видимо, он рассчитывал вскоре вернуться, но обстоятельства так сложились, что этого не произошло, и он не присутствовал при рождении своего последнего сына — Августина. Оказавшись в Швейцарии одна, с детьми, Наталья Николаевна нашла в Александре Трофимовском надежного советчика и помощника. Постепенно отношения перешли в иную плоскость, и Трофимовский стал для все еще молодой и привлекательной женщины гораздо большим, чем просто наставник детей и друг. Нелишне уточнить, что в момент приезда в Швейцарию Наталье Николаевне было всего лишь тридцать три года, а Трофимовскому чуть больше пятидесяти.

В 1873 году Павел Карлович Мёрдер скончался в возрасте 76 лет. После смерти мужа Наталья Николаевна перестала считать нужным скрывать свою связь с Трофимовским. Она была полна решимости вернуться в Россию и начать там новую жизнь с любимым человеком. Но когда в 1874 году она приехала в Петербург с тем, чтобы организовать свое возвращение на родину, ей дали четко понять, что это невозможно. Почему? И тут Наталью Николаевну поджидал неприятный сюрприз. Корфы — ее родня по линии отчима — навели справки о Трофимовском и сообщили ей, что он женат. На Украине, в Херсоне, у Трофимовского осталась жена, некая Акулина, которая не собиралась давать ему развод. И даже если бы она вдруг согласилась это сделать, по мнению Корфов, брак с Трофимовским исключался. Повторный брак вдовы генерала Мёрдера с каким-то учителем, который не обладает ни именем, ни состоянием, ни положением, и ко всему прочему, имеет весьма сомнительную репутацию! Это скандал на весь Петербург! И он губительно сказался бы не только на репутации Натальи Николаевны и ее детей, но и на репутации Корфов. А раз этот брак невозможен, для ее блага и для блага детей ей лучше навсегда остаться за границей.

Не видя иного выхода, Наталья Николаевна решила окончательно обосноваться в Швейцарии. В этом намерении ее поддержал и Александр Трофимовский.

Надо сказать, что с первых же дней пребывания Натальи Николаевны и Трофимовского на швейцарской земле за ними пристально наблюдали. Правда, удивительного тут мало. Было бы странно, если бы эта пара, такая непохожая на чинные буржуазные протестантские семьи Женевы, не вызвала подозрения.

В первое время в Женеве семья бесконечно переезжала, сменив семь мест жительства. У полиции складывалось впечатление, что все эти переселения не случайны, семья пытается уйти от наблюдения. Результат оказался прямо противоположным: слежка за семьей Мёрдер-Трофимовского была усилена.

Слежка продолжалась больше двадцати семи лет, вплоть до окончательного отъезда Изабель Эберхардт из страны. Диву даешься, когда читаешь доклады швейцарских и французских сотрудников, призванных собирать сведения о подозрительной паре. Кто они такие? Почему уехали из России? Для чего поселились в Швейцарии? На все эти вопросы неоднократно делаются попытки дать ответ не только в донесениях сотрудников и агентов Де-

партаментов юстиции и полиции кантона Женевы, но и сотрудников Специального комиссариата по наблюдению за иностранцами французского города Аннемаса, граничащего с Женевой. На протяжении многих лет в докладных записках, из которых можно составить не один том, подробнейшим образом будет описываться то, как выглядят Наталья Мёрдер и Александр Трофимовский, как одеваются, куда ходят, с кем общаются, от кого получают письма, кому их отправляют и многое, многое другое. Не меньше внимания будет уделяться и их детям, которые, надо сказать, в дальнейшем дадут основания привлекать к себе повышенный интерес. Важно подчеркнуть, что многие фантастические версии, выдвинутые в свое время полицейскими для объяснения тех или иных ситуаций в этой семье, будут рассматриваться биографами в качестве непреложных фактов. Все это создаст почву для совершенно неверных интерпретаций тех или иных моментов биографии Изабель Эберхардт.

После многочисленных переездов семья поселилась в районе ле Гротт, который находится неподалеку от железнодорожного вокзала Корнаван, и сняла там виллу «Фандт». И хотя точно неизвестно, где именно находилась та вилла, на которой родилась Изабель Эберхардт, одна из улиц этого женевского района сегодня носит ее имя.

Итак, 17 февраля 1877 года на вилле «Фандт» родилась девочка. Врач, принимавший роды, записал новорожденную вот таким, довольно странным, образом: «В субботу семнадцатого февраля тысяча восемьсот семьдесят седьмого года, в десять часов утра, в Женеве, в районе Гротт, на маленькой вилле «Фандт», родилась Изабель, Вильгельмина, Мари Эберхардт, незаконная дочь Натальи, Шарлотты, Доротеи Эберхардт, рантье, из Москвы, России, проживающей в Женеве, возраст 39 лет, вдовы Павла Мёрдера, скончавшегося в Москве двадцать третьего апреля тысяча восемьсот семьдесят третьего года».

И вот — новая загадка. Почему девочку записали под девичьей фамилией матери? Почему Наталья Николаевна, которая не скрывала своей связи с Трофимовским, не захотела дать ей его имя? Почему сама Изабель то признавала, то отрицала отцовство Трофимовского? Существует, как я упоминала, версия отцовства Артюра Рембо. Как она возникла? Рембо бывал в 1885–1866 годах в Женеве, а Трофимовский в это время уезжал по делам в Петербург. Имя Изабель носила любимая сестра Рембо. К тому же ее второе имя — Вильгельмина — такое же, как у королевы Голландии, в ряды чьей армии вступил поэт. И наконец, для многих очевидно внешнее сходство Изабель и Артюра Рембо. Но на наш взгляд, все это не более, чем очередная легенда вокруг имени Изабель. Не вызывает сомнения, что Наталья Николаевна искренне любила Александра Трофимовского. Кроме того, трудно предположить, что связь Натальи Николаевны с кем бы то ни было, не нашла бы отражения в реестрах женевской полиции.

Как мы увидим далее, и саму Изабель уже с ранних лет отличало удивительное стремление создавать вокруг себя ореол таинственности. Так, несмотря на свою любовь к Трофимовскому, тому, кто для большинства окружавших и был ее

Предположительно в этом здании в районе ле Гротт, вблизи от железнодорожного вокзала Корнавэн, находился пансион, в котором семья жила после приезда в Женеву

отцом, она постоянно придумывала самые фантастические версии своего происхождения, то ли пытаясь разобраться в нем, то ли, наоборот, стремясь создать вокруг себя очередную легенду. В 1903 году в газете *La Petite Gironde*, выходящей в Бордо, она дала вот такую версию своего появления на свет: «Дочь русского по происхождению отца, исповедовавшего ислам, и матери христианского вероисповедания, я родилась мусульманкой и никогда не изменяла этой религии. Мой отец, живший в Женеве, умер вскоре после моего рождения, а моя мать осталась жить там с моим двоюродным дядей». Вот и разберись после этого, кто есть кто, если из этого заявления следует, что Трофимовский, который мог бы сойти за отца, исповедующего ислам, всего лишь какой-то весьма дальний родственник.

Если бы Эберхардт поменяла местами религии отца и матери и сказала, что отец был русским, а мать мусульманкой, это в большей степени соответствовало бы истине, поскольку Наталья Николаевна позднее примет ислам.

Не так давно, в 1988 году, в журнале *L'internationale de l'imaginaire* была озвучена еще одна, не менее удивительная версия происхождения Изабель. И ее автором была опять же сама девушка. Журнал опубликовал серию писем Изабель, которые до этого хранились в архивах семьи Али Абдул Вахаба, ее близкого друга, сына губернатора города Махдин, находящегося в Тунисе. В одном из них, написанном в 1898 году, вскоре после смерти матери, Изабель заявляет, что Наталья Николаевна забеременела после того, как ее изнасиловал лечивший семью врач! По ее же словам, дело замяли, поскольку вышеозначенный врач скончался вскоре

Одна из улиц Женевы носит имя Изабель Эберхардт. Предполагают, что где-то здесь находилась вилла «Фандт», на которой родилась девочка

после этого. Где здесь правда, а где игра богатой фантазии нашей героини теперь уже никто никогда не узнает.

Статус незаконнорожденной создавал проблемы юридические и финансовые: впоследствии Изабель не смогла получить своей доли в наследстве матери и Трофимовского. И хотя были и другие причины, в силу которых это произошло, но, безусловно, статус внебрачного ребенка сыграл не последнюю роль. Этот статус предопределил немало и психологических проблем. И не только в общении с посторонними людьми, но даже и в семье, где у нее сложились весьма непростые отношения с братьями и сестрами. Кстати, сразу же после рождения Изабель один из ее сводных братьев — Константин — покинул Женеву. Корфы, поняв, что скандальная связь вдовы генерала и учителя детей продолжается, потребовали отправить родного сына генерала Мёрдера в Петербург. Это было ударом для Натальи Николаевны: ей дали ясно понять, что родственники от нее окончательно отвернулись, и о возвращении в Россию ей нечего больше и мечтать.

ДЕТСТВО В АТМОСФЕРЕ СТРАСТЕЙ ПО ДОСТОЕВСКОМУ

Большая семья Мёрдер и Трофимовского через два года после рождения Изабель Эберхардт переехала на виллу «Нёв» («Новая вилла»). Здание, к сожалению, было разрушено в сороковых годах. Находилась вилла в нынешнем районе Вернье. Тогда этот район считался пригородом, неподалеку от виллы был небольшой пруд, и располагались многочисленные парники. Отсюда и прежнее название виллы — «Тропическая». Пруд «Тритонов», где так любила прогуливаться Изабель, сохранился.

Виллу купили на имя Трофимовского. Это был благородный жест со стороны Натальи Николаевны. Однако, как и во многих других отношениях, она не всегда думала о последствиях своих действий. После смерти Трофимовского это привело к долгой тяжбе вокруг прав на наследование виллы.

Александр Трофимовский был человеком, который оказал на Изабель Эберхардт огромное влияние и во многом сформировал ее личность. Он воспитывал Изабель, как свою дочь. Да и отношения у них всегда были отношениями отца и дочери. И, тем не менее, Изабель никогда не говорила про Трофимовского «отец» или «папа». Чаще всего она называла его, как и все в семье, Вава или же *vieux* (старик). Хотя, выражаясь языком того времени, сожитель Натальи Николаевны, как мы уже знаем, был отнюдь не стар, ему только недавно исполнилось пятьдесят.

Высокий, прекрасно сложенный, голубоглазый со светлыми волосами, постриженными на крестьянский манер «под горшок», он, как пишут все видевшие его, был очень красивым мужчиной. Несколько портила Трофимовского странная манера одеваться: он носил одежду темную, бесформенную, из грубой ткани. Это мало соответствовало представлению о том, как должен выглядеть европеец, к тому же отнюдь не бедный.

Вокруг его личности также много легенд. Одна из них гласит, что он родился в Америке. Откуда взялась эта версия — непонятно. Трофимовский родился на Украине, есть много фактов, подтверждающих это. В молодости он увлекся анархизмом, слыл другом Бакунина. Насколько это верно, мы не знаем, но в его если не революционное, то во всяком случае, бунтарское прошлое, верила швейцарская полиция. Так, в одном из первых докладов (от 13 мая 1897 года) о личности Александра Трофимовского, подготовленных для Департамента юстиции и полиции кантона Женевы неким агентом Коленберже, говорится о том, что «он (Трофимовский — прим. автора) должен был покинуть Россию для того, чтобы избежать ареста, будучи замешанным в процессе нигилистов». Коленберже — один из тех агентов, которые на протяжении многих лет будут самым внимательным образом отслеживать все перипетии жизни не только Трофимовского, но и всех членов этой подозрительной семьи.

Вторая легенда в отношении Трофимовского гласит, что он серьезно изучал религию, учился в семинарии, и даже был одно время священнослужителем. А потом, разочаровавшись в ортодоксальной вере, стал приверженцем ислама, и именно он привил Изабель интерес к этой религии. На самом деле, факты его жизни в Женеве свидетельствуют

о том, что Трофимовский был чужд религии вообще. Если его и можно назвать последователем какого-либо учения, то это было учение Льва Толстого. Трофимовский всю жизнь восхищался великим писателем, его идеями и пытался им следовать. Увлекался философией и некоторыми естественными науками, изучал языки. Он был настоящим полиглотом — знал латынь, греческий, турецкий, немецкий, итальянский и арабский языки. Одним словом, это был не только незаурядный, но и высокообразованный человек.

В то же время Александр Николаевич отличался весьма сложным характером. Его поведение порой было странным, многие считали его эксцентричным. Некоторые его высказывания свидетельствуют также о том, что он если и не был, то пытался казаться человеком, лишенным каких-либо эмоций. Скорее всего, его можно охарактеризовать как некий весьма распространенный тип русского разночинца, так хорошо описанного Тургеневым в образе Базарова. Чрезвычайно талантливый человек, всем увлекавшийся, во всем разочаровавшийся, ни во что по-настоящему не веривший и ничего, по большому счету, в жизни не достигнувший. Как сказала Изабель, у него «были прекрасные намерения, которые так и остались нереализованными».

Изабель получила отличное образование, которым занимался лично Александр Николаевич. Он не пустил ее в школу, считая, что там лишь калечат, а не учат, сам преподавал девочке различные предметы: географию, историю, химию, медицину. Он привил ей любовь к языкам. Изабель выучила французский, итальянский, немецкий, греческий, латынь. Русским она владела свободно — это был язык, на котором говорили дома. Несколько позднее девушка самостоятельно изучит турецкий и арабский. В итоге, по свидетельству тех, для кого арабский был родным языком, она овладела им в совершенстве. Вава приучал девочку и к физическим упражнениям, что помогло ей в дальнейшем легче переносить долгие пешие и конные переходы по пустыне. Трофимовский стремился также закалить ее волю, научить твердости и выдержке. Все это пригодилось девочке впоследствии, когда началась ее новая жизнь на просторах Сахары.

Жизнь обитателей виллы «Нёв» вызывала много кризисов у швейцарских соседей. Удивляли занятия ее обитателей, особенно главы семейства. Александр Николаевич почти все время проводил в своей оранжерее, где разводил кактусы. Он пытался даже продавать их: Изабель постоянно относилась на почту заказанные кактусы и часто получала их обратно. Бизнесмен из Трофимовского вышел неважный, а вот внимание полиции эти постоянные отправления и получения посылок интриговали: не может быть, чтобы взрослый мужчина занимался такой глупостью как продажа кактусов. Нет, за этим что-то скрывается! И слежка усиливалась.

Семья жила чрезвычайно скромно. Сохранилось свидетельство швейцарской знакомой, посетившей дом в 1896 году. «Сама оранжерее, а также кактусы и орхидеи там произрастающие поистине восхитительны, что являет собой контраст с крайней бедностью, вернее, скудостью обстановки дома, в котором довольно большие помещения обставлены двумя, тремя предметами мебели». Еще больше пора-

Вилла «Нёв» в Женеве, здесь прошла юность Изабель Эберхардт

зились она, увидев Трофимовского: мужчину «выдающейся внешности», очень напомнившего ей Толстого, одетого в «поистине отвратительную одежду». Сама того не подозревая, мадам Коссон, чей муж был дружен с Трофимовским, упомянув имя Толстого, попала в самую точку. Александр Николаевич стремился, как я уже писала, претворить в жизнь идеи Толстого. В своем доме он пытался создать нечто вроде идеальной ячейки общества. Детей он приучал к постоянным занятиям не только трудом умственным, но и физическим. Каждый должен был работать и в саду, и по дому. Жить семья должна была тоже, согласно учению Толстого, максимально просто: отсюда и та примитивная одежда, которая так шокировала их женеvскую знакомую.

В принципе, жизнь на вилле «Нёв» мало отличалась от жизни небогатой мелкопоместной семьи где-нибудь в российской провинции: малый круг знакомых, однообразное течение жизни, отсутствие развлечений, постоянная нехватка денег и воздух, наполненный меланхолией и несбывшимися надеждами. Прямо чеховская картинка. Надо сказать, что вилла «Нёв», судя по сохранившейся фотографии, чем-то напоминает дома русской провинции, в которых вполне могла бы проживать семья Мёрдер-Трофимовского.

Это были, пожалуй, самые безоблачные и счастливые годы в жизни семьи. Изабель называет этот период «бла-

гословенными часами» детства. Не случайно она употребила слово «часы», а не годы, и даже дни. Ее безмятежное детство было очень коротким.

В 1883 году старший брат Николай убегает из дома, записывается в Иностраннный легион и отправляется в Алжир. Именно тогда, а ей было шесть лет, Изабель впервые услышала об Алжире. Из Алжира Николай находит способ вернуться в Россию. Это было огромным ударом для Натальи Николаевны, которая очень любила Николая.

В 1887 году — новая драма. На вилле появляется молодой человек, некий Александр Перес, исповедующий социал-демократические идеи. Старшая сестра Изабель, Натали, влюбляется в него и, поскольку родители против ее столь раннего брака, убегает из дома. Это уже второе потрясение и для всей семьи, и для Изабель, которой всего десять лет. Когда Наталия Николаевна обращается в полицию с просьбой о помощи, Перес прибегает к весьма низкой системе обороны. Он заявил, что помог бежать Натали из дома, дабы избежать дальнейших домогательств ее воспитателя. Таким образом, Трофимовский из обвиняющего превратился в обвиняемого. Начинаются разбирательства, продолжавшиеся весьма долго. Перес, который возвратился с Натали в Женеву, устраивает постоянные скандалы, угрожает Наталье Николаевне и Трофимовскому, пытается вло-

миться в их дом. А главное — он пишет на них совершенно невероятные доносы в полицию, обвиняя Трофимовского, как я уже сказала, в посягательстве на честь воспитанницы, а также в том, что он, манипулируя Натальей Николаевной, присвоил ее деньги. Наталья Николаевна вынуждена несколько раз обращаться лично к мэру Вернье с просьбой защитить ее от нападок и оскорблений молодого человека. Когда же в сопровождении мэра Вернье Трофимовский явится на заседание гражданского суда Женевы, Александр Перес совершит и вовсе отвратительный поступок, граничащий с преступлением: он воткнет иглу, смазанную каким-то ядовитым веществом, в лавку, на которой должен сидеть Трофимовский, и тот сядет на эту иглу, что будет иметь довольно плачевные последствия для его здоровья. После этого происшествия Александра Переса, хотя и не посадили в тюрьму, но предупредили: если он не оставит в покое мадам Мёрдер и членов ее семьи, это произойдет.

В итоге Перес все-таки женился на Натали, но не переставал досаждать Наталье Николаевне и Трофимовскому, требуя выделить ему деньги на ее содержание, и еще долго продолжал писать доносы на обитателей виллы «Нёв».

Чего добивался Александр Перес, когда писал доносы? Скорее всего, таким образом он пытался выслужиться перед все той же женеvской полицией, у которой до этого был на весьма плохом счету. Интересно, что ему это удалось, и впоследствии молодой человек сделал весьма неплохую карьеру, заняв довольно приличный пост в одном из крупных женеvских банков.

Первой жертвой скандала, разразившегося на вилле «Нёв», становится Изабель. Соседи-швейцарцы, и без того с большим недоверием и даже подозрением относившиеся к этому странному русскому семейству, и вовсе прекращают с ним всякие отношения. Детям, с которыми дружила Изабель, запрещается отныне приходить к ней. Все эти события и изоляция, в которой оказывается семья, не могли не травмировать Изабель, а ведь у нее и без того почти нет друзей, поскольку она не ходит в школу. Жизнь на вилле становится все более замкнутой. Здоровье Натальи Николаевны, уже давно оставлявшее желать лучшего, окончательно подорвано. Все, кто видит ее в этот период, отмечают крайнюю бледность, изможденность еще достаточно молодой женщины. Наталья Николаевна почти все время проводит дома. В докладах полиции все чаще можно встретить сообщения о том, что Наталья Николаевна «никогда не выходит, постоянно болеет». Правда, чем болеет Наталья Николаевна, не очень понятно. Скорее всего, у нее проблемы с сердцем или же нервное истощение. Трофимовский выходит за пределы виллы тоже лишь в случае крайней необходимости. Про Трофимовского все тот же агент Коленберже пишет: «Почти не выходит, занимается столярным делом, строительством, ухаживает за садом и постоянно работает». Воистину странные эти русские, живущие на вилле «Нёв».

В 1888 году новое потрясение: Августин, любимый брат Изабель, исчезает из дома. Оказалось, что он задолжал приличную сумму денег некоему торговцу антиквариатом. Трофимовский оплатить долг отказался. Августин,

которого антиквар грозился засадить за долги в тюрьму, решил бежать. Семья обратилась в полицию, и в скором времени беглеца отыскали и вернули в отчий дом. На сей раз вопрос с его долгом был улажен, но в очередной раз Наталье Николаевне и Трофимовскому пришлось иметь дело с полицией. Это будет не первый побег Августина из отчего дома.

Чем занималась Изабель те шесть лет, что прошли с момента первого побега Августина из дома до следующего эпизода, потрясшего семейные основы в 1894 году?

Она изучала языки и читала, читала, читала. Романы, мемуары, стихи, журнальные статьи. Трофимовский не ограничивал ее в выборе книг. Книги покупались в большом количестве, сохранилось немало квитанций, свидетельствующих о регулярных покупках в женеvском книжном магазине Георг и К°, имевшем также свое издательство. В 1874 году этот магазин получил почетное название «Книжного магазина Университета». Это было популярное место встреч студентов всех национальностей. Изабель и Августин часто бывали здесь. К сожалению, книжного магазина больше нет, хотя само издательство продолжает существовать.

Кругозор интересов Изабель поражает. Девушка методично записывала все то, что покупала для чтения и занятий: название, имя автора и стоимость заказанной книги. Если судить по записям, то скорее можно назвать авторов, которых она не читала, чем тех, кого прочитала. Романы Золя здесь соседствуют с драмами Шекспира, философские трактаты Шопенгауэра с книгой «Коран, его поэзия и законы», учебник арабской грамматики в двух томах с исследованием, посвященным сельскому хозяйству Алжира. И множество учебников, пособий, словарей. Невероятно, что все это возможно прочитать и изучить одному человеку!

Но особенно любила девушка книги, местом действия которых были неизвестные ей страны. Изабель зачитывается книгами Пьера Лоти, этого создателя жанра колониального романа, и стремится подражать героям его книг. Лидия Пашкова — вот еще одна писательница, чьи книги полюбила Изабель. Лидия Александровна Пашкова (урожденная Глинская), член Французского географического общества, была не только писательницей, но и журналисткой. Какое-то время она даже являлась корреспонденткой французского журнала *Figaro* в Санкт-Петербурге. Впоследствии Изабель Эберхардт и Лидия Пашкова встретятся в Париже, будут переписываться, и Пашкова сыграет значительную роль в жизни девушки. Следует добавить, что Изабель импонировала манера письма Лидии Пашковой, и она ей в определенной степени подражала, когда начала свою литературную карьеру.

В 1894 году, после шести лет относительно примерной жизни Августин вдруг вновь исчезает, в очередной раз скрываясь от проблем. Он надеется добраться до Алжира, но из-за отсутствия денег застревает в Марселе, где его отыскали и уговорили вернуться. Трофимовский в очередной раз сумел урегулировать проблемы приемного сына, но предупредил, что это в последний раз. Он просит Изабель всерьез переговорить с братом и предупредить

его, что своим поведением он убивает мать, для которой этот последний из сыновей — самый любимый.

Не чаёт души в Августине и Изабель. Ей семнадцать лет, брат на шесть лет старше сестры, но именно она командует Августинем, к которому испытывает, по ее признанию, «странную привязанность». Они и раньше были дружны, но сейчас их не разлить водой. Изабель, у которой все сильнее развивается интерес к арабскому Востоку, заражает своей страстью брата, заставляет и его выучить арабский язык.

В 1895 году — очередной, третий, побег Августина. Сначала он скрывается недалеко от Женевы, во французском городке Аннеси, затем перебирается в Марсель и записывается во французский Иностраннный легион.

Иногда можно встретить утверждения, что он, якобы, попал под влияние довольно радикально настроенной русской молодежи, которая организовывала оказание помощи сосланным в Сибирь революционерам. На самом деле, Августин опять запутался в долгах, увлекшись не на шутку наркотиками. Изабель нашла в бумагах брата письмо владельца одной из женевских аптек, которое не оставляло сомнений в том, что аптекарь поставлял брату опиум или кокаин, а возможно и то, и другое. Письмо заканчивалось угрозами сообщить обо всем родным молодого человека, в случае если он не заплатит долг. А несколько позднее друг-владелец аптеки прямо подтвердит то, о чем сестра уже догадалась: ее брат — наркоман.

Изабель в отчаянии: «Ты сошел с ума... Ты не понимаешь, что отныне погиб... Что ты наделал, господи, что ты наделал!» — вот лейтмотив ее писем к брату. Целый месяц она никому не рассказывает о причинах побега Августина, о его пристрастии к наркотикам. Она всячески пытается разузнать подробнее, что же произошло и где точно находится брат. Вся ее жизнь этого периода подчинена одному — спасти Августина, помочь ему всеми правдами и неправдами. Изабель удается связаться с французским моряком Эдуардом Вивикорси, который, как она выяснила, имеет сведения об Августине и может передавать ему письма. От Вивикорси она получает подтверждение того, что брат действительно вступил в ряды легионеров и находится в Алжире. Для того, чтобы войти в доверие к этому моряку, она придумывает целую легенду: ее зовут Николай Подолинский (один из любимых псевдонимов Изабель раннего периода), она также матрос русского корабля «Звезда», с борта которого она сошла во Владивостоке; получила три месяца отпуска, и теперь проводит их в Швейцарии. Она знакома с Августинем и теперь хочет возобновить с ним переписку. В этом вся Изабель: придумать целую историю, чтобы получить возможность переписываться с братом!

Она забрасывает Августина письмами. Если их почитать, то невольно появятся сомнения: не так ли уж неправы те, кто не верит в простую братскую любовь между Августинем и Изабель. Вот такие фразы постоянный лейтмотив писем: «Схожу с ума от отчаяния», «Бедный мой любимый, что ты наделал!», «Господи, Господи, что мне делать?» А вот концовка лишь одного из ее писем того периода: «Прощай, прощай, прощай, мой любимый брат, мой милый, мой обожаемый, прощай, мой брат, мое сокровище, прощай навсегда. О

боже мой, о, сердце мое. Прощай милый, милый, милый...». Интересно, что письма к брату она часто подписывает Мириам. Впоследствии это имя также станет ее псевдонимом.

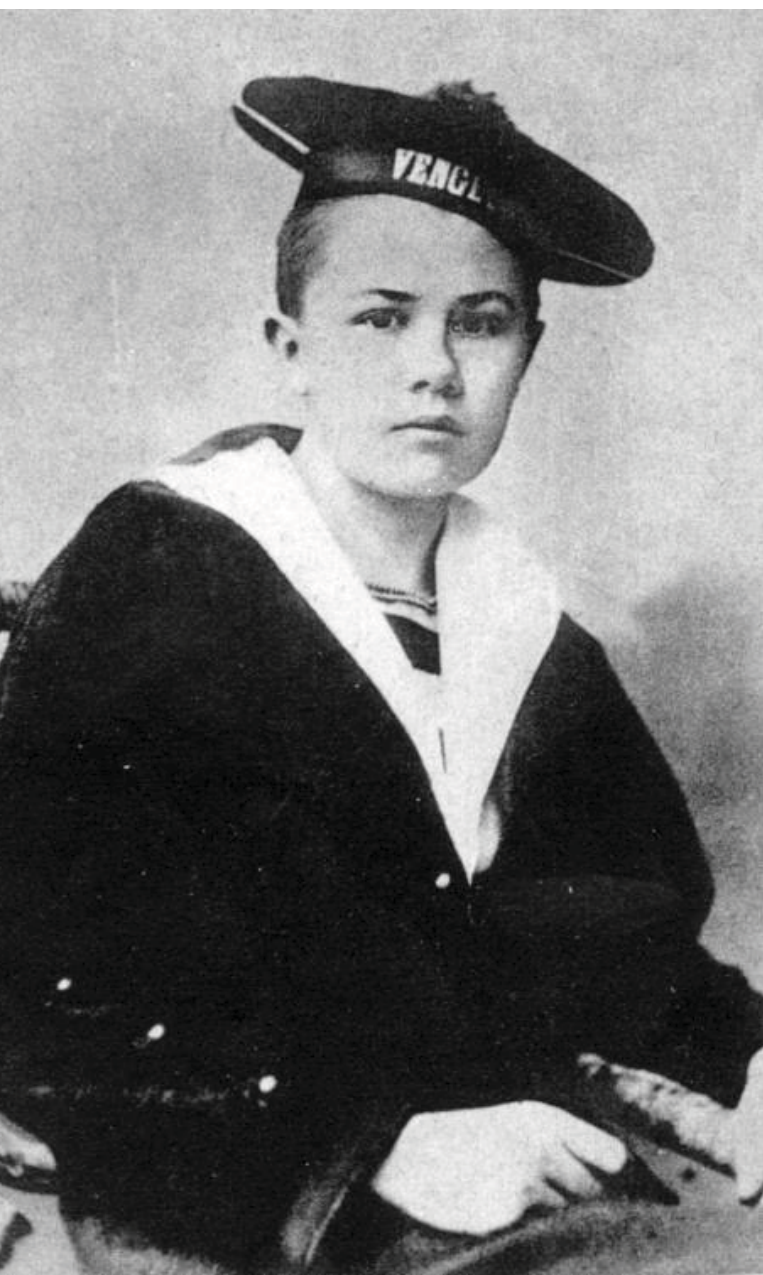
Что это, экзальтация, до сих пор несвойственная Изабель, или все же нечто большее? Не надо забывать, что Изабель и Августин были не родными братом и сестрой, а сводными. Ведь Августин был сыном генерала Мёрдера, мужа Натальи Николаевны. В любом случае, не опасаясь за свою репутацию, не оглядываясь на то, что могут сказать или подумать другие, Изабель все время отсутствия Августина продолжает писать ему письма, полные любви и тоски. А ведь она отдавала себе отчет в том, что ее письма проходят не только через руки друзей. У нее было уже достаточно примеров, подтверждавших, что женевская полиция не гнушается перлюстрацией чужих писем. Но таковой была Изабель уже в свои семнадцать лет — пылкой, откровенной, независимой! Такой она и останется на всю жизнь. Ничто — ни препятствия, ни осуждение света, ни порицание родных, ни, тем более, мнение чуждых ей людей не будут иметь значения при принятии решений, касающихся того, какой должна быть ее жизнь. И очень рано она поймет, что хочет строить ее отнюдь не в городе на берегах Лемана, где она чувствовала себя чужой.

«И БУДУ ДО СМЕРТИ ОДИНОКИМ СТРАННИКОМ»

1895 год знаменовался не только очередным побегом Августина, но и первой публикацией Изабель. В сентябре Журнал *la Nouvelle Revue parisienne* печатает под мужским псевдонимом Николай Подолинский рассказ «Infernalia», что, возможно, следует перевести как «Силы ада». В этом весьма странном рассказе, написанном вместе с Августинем, молодой человек, находящийся в одном из оазисов Алжира, занимается любовью... с трупом (!). Как удивились бы издатели журнала, узнав, что одним из авторов этого произведения является девушка восемнадцати лет, которая даже никогда не была в Алжире. Чуть позже, в декабре, также в Париже в журнале *Nouvelle Revue moderne* в нескольких номерах публикуется ее повесть «Видение Магриба». Она, еще не выезжавшая за пределы Швейцарии, рассказывает о приключениях своих героев в Северной Африке. И делает это настолько убедительно и захватывающе, что весьма солидное издание, каким был этот журнал, не задумываясь публикует произведение совершенно никому не известного автора, скрывавшегося под псевдонимом все того же Николая Подолинского.

Интересно отметить, что большинство героев ее повести — отверженные. Не отождествляла ли себя Изабель с ними? Ведь с самого начала жизни клеймо незаконно-рожденной превращало ее в отверженную. Девушка не до конца уверена в том, кто ее отец, но она и не знает другого, не менее важного: где ее корни?

Не случайно в письмах она часто мешает языки. Так, например, одно из писем этого периода к Августину начинается на русском, потом появляются французские фразы, затем греческие, а заканчивается письмо опять по-русски: «Спасайся же, возлюбленный ты мой во веки!» И это свидетельство еще одного качества, которое будет характеризо-

Первая сохранившаяся фотография Изабель Эберхардт в матроске

вать Изабель в дальнейшем. Эберхардт отказывается ограничивать себя одной письменностью, одним языком. Она будто бы демонстрирует, что принадлежит не одной культуре, а нескольким. Она как дерево баньян: хочет иметь не один корень, а несколько. По сути у нее и нет одного корня: русский — остался где-то там, в далеком Петербурге, о котором она всегда мечтала, но куда так и не выбралась, швейцарский она невзлюбила и вскоре постарается его отторгнуть; приобретенные в будущем французские корни окажутся весьма ненадежными, не смогут помочь ей укрепиться на земле. Останется только уповать на Восток, который, как она всегда верила, подарит ей то, чего не смог дать Запад: возможность быть свободной, независимой и иногда счастливой. И главное, позволит посвятить себя тому делу, которое она уже выбрала для себя.

Дальнейшая жизнь Изабель навсегда будет связана с литературным и журналистским трудом. Она пишет постоянно, повсюду, иногда у нее уходят годы на написание произведения, как это было, например, с романом «Три-мардер», рукопись которого она повсюду возила с собой. Кстати, главный герой — русский по фамилии Оршанов. И этот Оршанов удивительно напоминает саму Изабель. Его устами она выразит свою мечту того времени: оказаться там, где «женщина равна мужчине, где к ней относятся, как к товарищу, и уважают, как друга». Дописать роман она не успеет. Именно его листы найдут рядом с телом девушки под развалинами снесенного грязевым потоком дома. Всю жизнь Изабель будет также вести записи, дневники, которые и позволят впоследствии по кусочкам составить биографию этой удивительной женщины.

1895–1896 годы — это время окончательного становления Изабель как личности. Кто она, эта восемнадцатилетняя девушка? Она не красива, но обладает внешностью, которая привлекает внимание своей неординарностью. Ее образование не регулярно, но столь обширно, что редко встретишь ее сверстника, обладающего столь разнообразными знаниями в различных областях человеческой жизни. Ее взгляды, безусловно, предопределены атмосферой виллы «Нёв», царящими там идеями и настроениями: странной смесью славянофильства и западничества, приверженностью традициям и отрицанием их. К этому надо еще добавить господствовавшее в доме уважение к учению Толстого о необходимости вести полезную жизнь, о постоянном стремлении к нравственному самосовершенствованию, об отказе от светской суеты и модных увлечений. Изабель уже в этом возрасте подчеркивала, что ненавидит женщин, занятых лишь собой, своей внешностью, достижением личного благополучия, этих женщин-эгоисток, «... уверенных в своей красоте» и занятых тем, что она определила вот так: «женские делишки, женская подпольная работенка».

И еще одно поражает в этой девушке: неумное любопытство ко всему, происходящему в этом мире, и огромное желание всему научиться.

Именно стремление все познать и заставило ее, несмотря на сопротивление Натальи Николаевны и Вавы, выйти за пределы виллы «Нёв». Этому, безусловно, способствовало и отсутствие брата. Стало ясно, что так быстро выбраться из объятий Иностранного легиона ему не удастся, надо было искать новых друзей.

Вернье, где жила семья Мёрдер, был по тем временам районом довольно отдаленным и необжитым, но Изабель и раньше часто выходила в город. Сначала в сопровождении бонны, потом вместе с братом. Теперь все чаще она отправлялась в город одна. Неизвестно, когда у Изабель появилась привычка одеваться «под мальчика». Многие полагают, что это было условие, выдвинутое Трофимовским: он считал, что такая одежда избавит ее от многих опасностей. Надо сказать, что и в силу своего телосложения Изабель вполне могла сойти за юношу: она была небольшого роста, худощавая, без ярко выраженных женских форм. К тому же девушка стриглась очень коротко. В анкетах женевской полиции на вопросы о внешности Изабель даются следующие отве-

ты: роста — среднего, волосы — светлые, коротко стриженные, комплекция — худощавая, походка — мужская.

Хотя мужская одежда поначалу и была ей навязана, очень скоро Изабель полюбила ее и всегда с большой неохотой передевалась в женское платье. Безусловно, мужской костюм — это и определенный вызов консервативной женевской публике, но, прежде всего, он удобен, дает ей гораздо большую свободу, чем женские наряды. Пристрастие к мужской одежде очень пригодится ей в годы странствий.

В 1895–1896 годах на улицах Женевы можно было встретить странную девушку, больше похожую на юношу. Сначала любимый образ Изабель — моряк. Надо сказать, что это было время увлечения фотографированием, и оно не миновало Изабель. В 1896 году в ателье — скорее всего в женевской студии друга семьи, Давида — и была сделана знаменитая фотография Изабель в матросской форме. Кстати, это не какой-то костюм, что называется «на тему», нет, это настоящая форма французского матроса, которую Изабель раздобыла через уже упоминавшегося выше Эдуарда Вивикорси. Эта фотография стала ее своеобразной визитной карточкой. Она рассылает ее своим друзьям, поклонникам и тем, с кем хочет завязать знакомство. Потом страсть к фотографированию пройдет, и в последние годы жизни Изабель не будет позволять снимать себя, а того, кто ослушается, ожидает взрыв негодования.

Если сначала Изабель чаще всего ходила в одежде матроса, позже, когда в ее жизни Восток начнет играть все более значительную роль, она будет появляться на улицах Женевы в странной смеси из различных элементов арабского костюма и в феске вместо шляпки. При этом Изабель вовсе не лишена женского кокетства, у нее есть поклонники, и она вовсе не отказывает себе в удовольствии кружить им голову. Девушка постоянно с кем-то переписывается, интригует влюбленных в нее молодых людей: назначает свидание и не приходит на него, обещает серьезные отношения, а потом переводит все это в разряд шутки. Ей скучно, она ищет развлечений, и иногда эти развлечения находятся уже за гранью того, что позволило бы себе большинство девушек из ее окружения. Так, однажды, находясь у своего друга, Изабель выпила шесть кружек пива и была настолько пьяна, что на спор поцеловала приятеля, который утверждал, что она этого не сделает. После чего продолжала пить и поздно ночью с трудом добралась до железнодорожного вокзала. Обо всем этом она пишет Августину и в конце добавляет: «Мне повезло, что на мне был матросский костюм!» А я добавлю, что ей еще повезло и в другом. Ее знакомый повел себя в отношении Изабель весьма благородно. У кого-то другого мог вполне появиться соблазн заставить Изабель не просто целоваться с ним.

Изабель Эберхардт все более утверждает в своем намерении вырваться из этого дома, из этой страны туда, где ее ждет совсем другая жизнь. «Грустный зов Неведомого и Иного всегда манил меня», — напишет она позднее в дневнике. И ради этой жизни она готова пожертвовать всем, даже самой жизнью. Об этом говорит ее девиз: *Ibo singulariter donec transeat*, который можно перевести так: «И буду до смерти одиноким странником».

Восьмидесятые, девяностые годы девятнадцатого столетия — это период увлечения европейцев Азией, Востоком в широком смысле этого слова. Изабель читает книги путешественников, посетивших азиатские и арабские страны, их рассказы завораживают ее. Она начинает переписываться с некой весьма экзотической фигурой — полуслепым египтянином с еврейскими корнями, жившим в изгнании в Париже. Этот египтянин, известный под именем Абу Наддара или «человек в очках», был вынужден в свое время покинуть Египет в силу его оппозиции режиму Исмаил-Паше, ставленнику Османской империи. В Париже он преподает арабский язык, основывает журнал и быстро приобретает репутацию большого знатока Востока. Изабель сначала обращается к Абу Наддару с просьбой посоветовать, какой лучше использовать словарь турецкого языка — она как раз начала изучать и этот язык! Она пишет письмо на весьма специфическом арабском языке — смеси классического письменного языка и разговорного. Но Абу Наддара поражает не ее арабский язык, а то искреннее восхищение, которым пропитана буквально каждая строчка ее письма. Она преклоняется перед ним и не скрывает этого. Ее подкупающая искренность трогает «человека в очках», он отвечает девушке и между ними завязывается переписка. Характерна подпись, стоявшая под письмом: Н. Подолинский, а в скобках — И. де Мёрдер. Абу Наддар уверен, что к нему обратился мужчина, и в своем ответе он соответственно и обращается к нему: «Monsieur». Лишь в следующем письме Изабель решает все-таки уточнить, с кем же ее корреспондент имеет дело. Свое письмо она подписывает так: Н. Подолинский, а ниже мадмуазель И. де Мёрдер. И еще долго бедный Абу Наддар будет недоумевать: а кто же такой этот Н. Подолинский и причем здесь какая-то мадмуазель?

Сначала в письмах Изабель к Абу Наддару содержатся просьбы помочь в совершенствовании языка. Так, она просит посмотреть один из ее переводов. И что же она предлагает ему отредактировать? Ни много, ни мало как гимн Российской империи, который она перевела на арабский язык.

Позже Изабель в переписке с Абу Наддаром будет изливать ему душу. Абу Наддар становится поверенным ее проблем, ее влюбленностей, ее драм и надежд. Он станет одним из самых близких ей людей, и переписка с ним будет продолжаться многие годы.

Изабель явно пытается компенсировать недостаток родственных душ в семье. С бесконечными исчезновениями Августина вокруг нее образовалась пустота. Единственный человек, с которым она близка и может поговорить по душам, — мать, но у Натальи Николаевны много хлопот и, помимо этого, она почти все время больна.

Французский моряк Эдуард Вивикорси, арабист Абу Наддар, французский студент Евгений Летор, женевский студент Вениамин Бернштейн, чуть позже тунисец Али Абдул Вахаб — все это корреспонденты одной и той же девушки, подписывающейся Надя, Николай Подолинский, Изабель де Мёрдер, и совершенно непонятно откуда взявшимся именем Мириам. Сколько жизней проживет она лишь только в письмах? Однажды в переписке с неким русским студентом, изучающим фармацевтику в Жене-

ве, Изабель назовется Елизаветой Павловной, тем самым заявив о себе как о дочери Павла Мёрдера. Девушка явно страдает от своей незаконнорожденности, ее мучает непризнание, воспринимаемое ею как отверженность. Отверженность отцом и матерью, отверженность Родиной, отверженность русской семьей, братьями и сестрами. И в ответ на это непризнание она ищет все новых друзей, а также нового и нового признания в разных ипостасях.

Осенью 1896 года в Женеву, наконец, возвращается Августин. Ему каким-то образом удалось прервать свою службу во французском Иностранном легионе. Но радость Натальи Николаевны, Трофимовского и, конечно, Изабель, была недолгой. Пробыв всего несколько месяцев дома, в декабре того же года он исчезает из Женевы в четвертый раз. Сначала он сообщает сестре, что бежал к невесте в Марсель, но потом выясняется, что он опять вступил в ряды легионеров! Наталья Николаевна в отчаянии. А Изабель уже не знает: стоит ли огорчаться его очередному побегу. Те недолгие месяцы, что Августин находился дома, брат постоянно пил, жаловался на свою судьбу, и она опасалась, как бы он не наложил на себя руки.

К тому же Изабель в это время живет уже совсем иной жизнью, за время отсутствия брата она приобрела много знакомых. Несмотря на запрет Трофимовского, она стала регулярно бывать на Каружке, районе, который в Женеве называли еще и «Маленькой Россией», поскольку именно в этом районе селились русские студенты и эмигранты.

ИЗАБЕЛЬ УМУДРЯЕТСЯ НЕ СТАТЬ РЕВОЛЮЦИОНЕРКОЙ В ЖЕНЕВЕ.

И вот в 1895–1897 годах район Каружки все чаще видит молодую девушку, одетую в мужскую одежду. Нарушив запрет Александра Трофимовского, Изабель не просто бывает здесь, но и посещает кафе, где собираются ее соотечественники. Отправляется она туда со своими новыми русскими друзьями. Среди них было немало и тех, кого полиция относилась к разряду опасных анархистов. В те годы для женевской службы безопасности понятие «анархист» было равнозначно понятию «революционер».

Начиная с 1895 года, на вилле «Нёв» стали регулярно бывать русские юноши и девушки. Как ни странно, в желании общаться с русскими сверстниками, даже весьма радикально настроенными, Изабель поддержал не Трофимовский, которого полиция почитала за нигилиста, а Наталья Николаевна. Казалось бы, у нее не было ничего общего с молодежью с Каружки, чаще всего выходцами из совсем другой социальной среды и получивших совершенно иное воспитание, но именно она тепло принимала друзей своей дочери на вилле «Нёв». Более того, именно у нее просила денег Изабель, когда та или иная из ее знакомых русских студенток оказывалась не в состоянии оплатить квартиру или нуждалась в деньгах, чтобы оплатить дальнейшую учебу.

1895–1897 годы — «русский» период в жизни Изабель Эберхардт. Свообразная попытка девушки обрести корни. Именно русские корни. Изабель постоянно проводит время на Каружке. Она усиленно читает политическую литературу, которую ей дают новые друзья. Изабель искренне

пытается заинтересоваться политикой, она даже посещает некоторые политические собрания.

Изабель Эберхардт с самых ранних лет пыталась обрести цель жизни. И поскольку ее новые подруги были увлечены революционными идеями, Изабель также попыталась заинтересоваться политикой и обрести смысл существования, как и они, в борьбе.

Более того, Изабель, до этого оторванная от каких-либо корней, и, казалось, не страдавшая от этого, вдруг возымела желание обзавестись ими. И не швейцарскими корнями, а русскими.

Полицию, в этот период особенно внимательно следившую за Изабель Эберхардт, озадачивало то, что среди друзей Изабель вдруг оказалось множество русских студентов и студенток. К тому же весьма и весьма сомнительных. Швейцарские агенты, следящие за русской колонией, так же, как и их французские коллеги из Аннемаса, неоднократно ставят вопрос о необходимости более тщательного наблюдения за членами семьи мадам Мёрдер и месье Трофимовского, проживающих на вилле «Нёв».

Имя Изабель Эберхардт также все чаще мелькает в докладах полицейских чинов, занятых наблюдением за русскими эмигрантами. Полиция еще беспокоится о политической благонадежности мадам Изабель Эберхардт, в то время как ей самой очень быстро становится понятно, что политика ее оставляет равнодушной.

Изабель не может и не хочет сочувствовать абстрактным политическим идеям. Она человек конкретного сопереживания. Вот когда надо помочь кому-то, кого она знает, она отдаст последнее из того, что имеет, и поможет страдающему. Но переживать за какой-то абстрактный рабочий класс в целом — это не ее, ей это непонятно. В одном из первых ее незаконченных произведений «Докторская степень» есть персонаж, характер которого, как мне кажется, дает ключ к тому, что произошло с самой Изабель в те годы. Это типично для нее: почти все ее персонажи смотрят на мир глазами Изабель Эберхардт и чувствуют, как она. Действие происходит в Женеве, вот как описывается среда, в которой вращается герой: «В этом замкнутом маленьком мире русских студентов, захваченных мечтой о социализме или о чем-то не менее грандиозном — об анархизме, царила искренняя вера». Я думаю, что именно эта «искренняя вера» сначала и увлекла Изабель — человека исключительно искреннего и как раз занятого поиском веры. Но потом ей стали неинтересны эти абстрактные мечты о социализме, о благе для всех. Она так же, как и герой этого произведения, могла сопереживать лишь конкретному горю, страданию. И эту мысль она вложила в уста своего персонажа: «всякое страдание меня глубоко трогает, я страдаю, ... видя, как страдают».

Изабель все реже бывает на Каружке, перестает ходить на собрания и несколько охладевает к большинству своих русских друзей за исключением Веры Поповой, с которой будет поддерживать отношения даже после отъезда из Женевы.

Но зато русская литература и поэзия захватывают больше, чем раньше. Изабель начинает работать над составле-

Фотография в арабском костюме

нием русско-французского словаря и занимается этим со свойственным ей упорством.

Параллельно продолжает изучать арабский. Изабель перевела прозой на арабский язык несколько стихотворений Пушкина, а также отрывки из его поэмы «Бахчисарайский фонтан» и через знакомых Трофимовского ей удалось переправить свои переводы в Петербург. Она надеялась получить от Розена, который был не просто профессором арабской словесности, но членом Российской Академии наук ни много, ни мало как письменный отзыв о своем переводе. Мало кто надеялся, что ее демарш увенчается успехом. Но в итоге Изабель не только получила ответ от Розена, но профессор счел возможным, подкорректировав перевод Эберхардт, опубликовать его в одном из научных сборников.

Изабель — воистину человек всесторонне одаренный. У нее не только большие способности к языкам, явный лите-

ратурный талант, она еще и очень неплохо рисует.

Увлечение рисованием, возможно, возникло под влиянием Лидии Пашковой. Я уже говорила о том, что для девушки эта русская писательница и журналистка была во многом образцом для подражания. Пашкову во время ее путешествий иногда сопровождал фотограф, но она и сама иллюстрировала репортажи своими карандашными и акварельными зарисовками.

Изабель увлеклась живописью и, как это было ей свойственно, всерьез принялась за ее изучение. Она брала уроки в Женеве, постоянно рисовала окрестности виллы «Нёв», заставляла позировать домашних и гостей. У нее было явное дарование: один из магазинов в Женеве согласился выставлять ее акварели на продажу.

Впоследствии, во время странствий по странам Магриба, Изабель Эберхардт вела дневниковые записи *Les Journaliers*. Я долго думала, как лучше перевести это название. Мои дневники? Но по-французски есть другое слово для обозначения дневника — «*Journal*». Во французском слове «*journaliers*» есть нечто немного старомодное. И я вспомнила старое слово, которое и употребляли раньше для обозначения дневников. Ежедневники. Мода их вести пришла из Италии в середине семнадцатого века. Мне эта идея показалась больше соответствующей характеру моей героини, и я решила перевести ее *Les Journaliers*, как «Ежедневники». Правда, в ходе повествования я позволю себе, цитируя «Ежедневники», говорить о них как о дневниках.

У Изабель был и отдельный блокнот, озаглавленный *Notes, pensées et impressions* — «Записи, мысли и впечатления». В этом блокноте было немало зарисовок. Рисунки были и на страницах «Мои ежедневники». Через девятнадцать лет после гибели Изабель «Мои ежедневники» были опубликованы. Но потом все оригиналы были утеряны. Как это произошло, я расскажу позднее. Сейчас лишь добавлю: зарисовки сцен, пейзажи, лица людей — все, что иллюстрирует записки путешественницы, — свидетельствует о безусловном таланте Эберхардт и как рисовальщицы.

1895–1897 годы — это годы интенсивной учебы, поиска приложения сил и талантов, которыми бог с лихвой наградила Изабель Эберхардт. Она занимается живописью, продолжает изучать арабский язык, составляет франко-русский словарь, читает политическую литературу, поставленную русскими друзьями, продолжает писать недавно начатый роман «Тримадер». Но было и еще одно занятие, которому Изабель уделяла время. Она увлеклась поэзией Семена Надсона и решила перевести его стихотворения на французский язык. Поэт Надсон прожил очень короткую жизнь, он умер в 1887 году от чахотки, когда ему было всего двадцать пять лет. Его полные особой меланхолической грусти стихи сделали его известным в России еще при жизни, но за границей он был известен лишь среди русских. И вот Эберхардт решила восполнить этот пробел. Если Изабель что-то решала, она это делала. Девушка перевела несколько стихотворений Надсона, опять же прозой, и послала свою работу в парижский журнал *l'Athénée*, который регулярно читала. И в январе 1897 года к ее великой радости журнал опубликовал переводы. Было также опубликовано письмо,

которое сопровождало перевод стихов Надсона. Письмо, за подписью Николая Подолинского, было довольно странным: автор, несколько кокетничая, заявлял, что перевел эти стихотворения всего за двадцать четыре часа и что им руководило желание познакомить французов с русским поэтом. И далее в письме шла фраза о том, что Надсон был «...для нас, женщин Святой Руси, гениальным мучеником», который сумел «...воспеть нашу печаль, наши потайные чаяния...», а также все то, против чего восстают наши души и к чему устремляются наши горячие помыслы.

Редакция журнала была в замешательстве. Кто же он, автор переводов, человек, как было отмечено в предисловии, обладавший «благородным сердцем»? Подпись мужская — Николай Подолинский, а в письме речь идет о «тоске женщин» и их «погубленных надеждах».

В итоге в журнале решили, что стихи, скорее всего, перевела женщина, поскольку именно женщин было больше всего среди поклонниц таланта Надсона, а письмо написано мужчиной, тем более, что и заканчивалось оно весьма по-мужски: «крепко жму вашу руку, ваш Николай Подолинский».

В 1897 году закончился очень важный период в жизни Изабель Эберхардт. Окончился не так, как она надеялась. Надеялась же она обрести, как мы уже знаем, русские корни и смысл жизни.

И что же? Обе попытки закончились провалом. Русской Изабель себя не почувствовала. Политикой не увлеклась. По своей сути Изабель человек, не принадлежащий ни к одной нации, ни к одной вере или убеждению. Она должна быть везде и нигде, принадлежать всем и никому. К тому же Изабель — индивидуалистка. Да разве она могла ею не стать при том воспитании, которое дал Трофимовский? Она росла в изоляции от какого-либо общества. Стоит ли удивляться, что ей вовсе не хочется теперь становиться частью коллектива?

Изабель вернулась в определенной степени к тому, с чего начался этот период поиска себя. У нее по-прежнему нет четкого понимания, кто она, где ее корни, к чему ей надо стремиться. Отсюда и возврат к мистификации, вновь бесконечная смена имен в общении с поклонниками и псевдонимов в творчестве, все новые и новые «придумывания» своего образа и своей биографии.

Тем не менее, русский период, период Каружки оставит глубокий след в душе Изабель Эберхардт. А Вера Попова навсегда стала подругой, о которой она будет вспоминать не просто с теплом, но с бесконечным восхищением, говоря, что «она любит ее всем своим сердцем и что трудно встретить другое существо, обладающее такими исключительными человеческими качествами».

В июле 1900 года, покидая, как она думает, Женеву окончательно, единственное, о чем сожалеет Изабель, — это о своих русских друзьях. Вот запись в ее дневнике: «Несмотря на всю беспорядочность и отвратительность прошедших дней в Женеве, этот последний месяц русской жизни — без сомнения, последний в моей жизни — останется одним из самых дорогих для меня воспоминаний».

А вот, что напишет она еще раз чуть позже о своих друзьях с Каружки. Запись в дневнике от 1901 года, сделанная

в Марселе, накануне того дня, когда она покинет Европу, чтобы уже больше сюда никогда не вернуться:

«Вы, те, кто сумел разглядеть в сумраке и в беспорядке, царившем в то время в моей душе, то, что там еще тлел свет, вы, сумевшие разжечь в моей душе священный огонь. Спасибо вам, дорогие и незабвенные. Спасибо!»

...В болезненный миг страдания, в момент расставания, дорогие мне воспоминания о вас возникают в моей душе из сумрака прошлого. Сведет ли нас еще судьба?» «Марсель, 23 июня 1901 года, девять часов вечера. Я одна... Где вы, мои дорогие?»

ПЕРВАЯ ВЛЮБЛЕННОСТЬ И ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С ВОСТОКОМ

Изабель натура страстная. В этом мы имели возможность убедиться. Она уже давно ведет переписку сразу с несколькими мужчинами, мистифицирует их, выдавая себя то за молодого человека, то за девушку из аристократической семьи. Я уже писала о том, что и среди женеvских знакомых есть несколько молодых людей, ухаживающих за ней. Она кружит им голову, делает вид, что влюблена, но дальше, что называется, прогулок под луной, дело не идет. Изабель никем по-настоящему не увлечена. Но вот в 1895 году она встречает молодого армянского студента Аршавира Гаспаряна, который ей действительно понравился. По поводу этого увлечения Изабель, растянувшегося на много лет, также существуют легенды.

Во многих книгах о ее избраннике пишут как о человеке, занимавшем высокий дипломатический пост, и выходце чуть ли не из аристократической семьи. Другие расписывают страстные любовные встречи между Аршавиром и Изабель, которые происходили сразу после начала знакомства.

На самом деле, когда Изабель встретила Аршавира, он был всего лишь бедным армянским студентом, сыном священнослужителя, правда, получившим неплохое образование. Никаких отношений, помимо чисто приятельских, между ними в это время не было. Гаспаряна поначалу совершенно не заинтересовала эта странная диковатая девушка. У него была любовница-армянка. К тому же в это время у Гаспаряна было еще одно увлечение — то, которого так трудно было избежать в Женеве, — он всерьез занимался политикой, стал активным участником группы, поддерживавшей движение младотурков. Надо сказать, в это время в Женеве находилось много политических эмигрантов не только из России, но и из Турции. Это были представители движения младотурков, выступавших за либеральные реформы в Османской империи и борющихся с правящим режимом султана Абдул Хамида II.

Однако увлечение Аршавира политикой не продлилось долго. Гаспарян был намерен сделать карьеру, и он ее сделал. Немаловажная деталь: для этого ему пришлось не только отказаться от своих политических убеждений, но и перейти из одной веры в другую. Более того, он стал гражданином страны, периодически устраивавшей резню народа, к которому он принадлежал. Аршавир Гаспарян принял турецкое подданство. Интересно, что имя Аршавир символизирует нелюбовь к стабильности, склонность

к перемене мест. Хотя, конечно, это не извиняет того, что он сделал, ведь по сути, он стал предателем! В первый, но не в последний раз избранник Изабель окажется не тем человеком, который достоин любви. Переход в турецкое подданство позволит Гаспаряну сделать блестящую карьеру, он действительно будет направлен послом в одну из европейских стран. Но это будет позднее.

А пока события развивались следующим образом: влюбленная Изабель, не добившись взаимности, вновь сосредоточилась на своем главном возлюбленном — Востоке, любовь к которому будет всю жизнь превалировать над ее любовью к мужчинам.

Изабель не просто мечтает о Востоке, она продолжает изучать его, совершенствует свой арабский. И вот, наконец, появляется возможность отправиться туда, куда ее влечет.

В 1897 году, когда Августин убегает из дома в четвертый раз и опять оказывается в Алжире, Изабель удается уговорить мать поехать навестить его. Правда, и уговаривать особенно не пришлось. К этому моменту Наталья Николаевна настолько измучилась от бесконечных проблем, одолевших ее в Женеве, что хотела уехать из Швейцарии. Она и Трофимовский мечтали о стране, где жизнь была бы и дешевле, и дышалось бы легче. Они оба устали от постоянного пристального внимания полиции, а также надеялись, что в другом месте их дети будут не столь подвержены влиянию той весьма радикально настроенной молодежи, в среде которой последние годы вращались и Августин, и Изабель.

Было решено, что сначала в Алжир отправятся Наталья Николаевна и Изабель, Трофимовский же продаст виллу «Нёв», а потом присоединиться к ним.

Интересно, как судьба постоянно играет Изабель. Именно в тот момент, когда она собирается навсегда распрощаться со Швейцарией, человек, в которого она была безответно влюблена, понимает, что он любит именно ее. Аршавир уезжал на некоторое время по делам из Женевы, и вот в мае 1897 года, в день своего возвращения, он случайно встречает на улице Изабель. Молодой человек полон решимости завтра прийти к ним домой и просить ее руки. Но... То самое «но», которое так часто знаменует вмешательство то ли злого рока, то ли счастливой судьбы: Изабель сообщает ему, что завтра она покидает Швейцарию!

Сначала мать и дочь отправляются в Марсель, а уже оттуда в Алжир и поселяются в городе — Бон. Так до 1963 года называлась Аннаба, ныне крупнейший город северо-востока Алжира, столица провинции Аннаба. Город, расположенный на берегу Бонского залива, в те времена был относительно крупным портом. Поскольку в дневниковых записях и в «Моих ежедневниках» Изабель город фигурирует под названием Бон, мы тоже будем называть его так.

Почему выбран именно этот город? Дело в том, что там жила семья женевского фотографа Давида, с которым были знакомы Наталья Николаевна и Трофимовский. Именно в его фотоателье был сделан знаменитый снимок Изабель в матросской форме. Семья Давида предложила Наталье Николаевне и ее дочери поселиться в их доме и помогала организовать их отъезд из Женевы, а также устройство на алжирской земле. Все это делалось, безусловно, не беско-

рыстно, расчеты были на то, что Наталья Николаевна сможет платить приличную арендную плату.

Поначалу Изабель была несколько разочарована, оказавшись в Алжире. Вернее, даже не столько разочарована, сколько удивлена, озадачена, обеспокоена. Через несколько лет в рассказе «Майор», описывая ощущения своего героя, впервые оказавшегося в Алжире, она попытается передать то, что почувствовала тогда в Боне. «Все здесь в Алжире было для него откровением... вызывало беспокойство — почти тревогу. Слишком нежный цвет неба, слишком яркое солнце, воздух, дуновение которого навеивало томление, призывало к праздности и обволакивало негой, суровость людей, одетых в белое, в чью душу он не мог проникнуть, слишком яркая зелень растений, контрастирующая с каменистой почвой, серой или красноватой, иссохшей и явно бесплодной, и было еще что-то неуловимое, неизвестно откуда бравшееся, но вызывавшее беспокойство и в то же время упоение, все это его тревожило и пробуждало в нем эмоции, о существовании которых он до этого не подозревал».

И жизнь в Боне была не такой, какой представляла ее себе Изабель в Женеве. Дом, где они жили, находился в европейском квартале, и контакты с местным населением вовсе не поощрялись семейством Давидов. К тому же, ее поджидало еще одно разочарование. Она рассчитывала, наконец, встретиться с Евгением Летором, одним из тех молодых людей, с которым с 1896 года она активно переписывалась. Лейтенант Евгений Летор служил в Алжире: узнав, что она сюда приезжает, он обещал отпроситься со службы и познакомиться, наконец, с со своей таинственной Надей — именно под таким именем ему была известна Изабель. Но начальство его не отпустило, а место службы находилось далеко от Бона, и в этот раз он так и не увидит своей незнакомки.

Разочарование от первых дней в Алжире быстро прошло. Земля Магриба берет в плен не только Изабель — это было неудивительно, ведь она столько грезил о Востоке — но и Наталью Николаевну. Надо отметить, что не мать, а двадцатилетняя дочь верховодит в этой паре. Изабель с ее сильным, страстным, волевым характером нетрудно заставлять Наталью Николаевну делать то, чего хочется ей. Так, она уговаривает мать переехать. Ее, впрочем, как и Наталью Николаевну, раздражает та постоянная опека, которой они окружены в доме семьи Давидов. Да и Давиды не очень возражают: они ожидали, что мадам Мёрдер располагает гораздо большими финансовыми возможностями, явно рассчитывали на большие доходы, предлагая свои услуги на новом месте. Их шокирует и то, что «эти русские» общаются с арабами. Когда же Наталья Николаевна с дочерью снимают жилье в самом центре арабского квартала, тут уж шокирована не только семья Давидов, но и все европейское население Бона. Но и это еще не все: вскоре и мать, и дочь принимают ислам. Наталья Николаевна получает имя Фатма Маннубия (Fatma Mannoubia), а Изабель берет имя Махмуд.

Фатма Маннубия и Махмуд счастливы на новой земле. Изабель счастлива прежде всего потому, что обрела религию. Среди легенд, окутывающих имя Изабель, есть и та-

Более поздняя фотография Изабель в арабском мужском костюме

кая: Трофимовский исповедовал ислам и приобщил к этой религии Изабель. На самом деле Трофимовский был, как мы уже говорили, атеистом. После публикации корреспонденции Изабель не остается сомнений в том, что обрела она религию не в семье. Вот что говорится в одном из писем этого периода: «...я, не исповедующая никакой религии, дите случая, воспитанная в среде людей все отрицающих и несчастных, в глубине души я знаю, что если мне и выпало немного счастья на этой земле, то лишь благодаря милости Бога Всевышнего и Всемилостивого...».

Мы уверены в том, что именно в Боне произошло приобщение к исламу еще и потому, что позднее, в своих нескольких романизированных записках о днях, проведенных в этом городе — «Силуэты Африки», которые были опубликованы в нескольких номерах журнала l'Athénée, Изабель поведала о деталях этого события. Героиня записок, войдя в мечеть, где она уже не раз бывала, испытает некое озарение: «И вдруг, на меня как будто снизошла благодать Божья... я почувствовала необъяснимый восторг, и мою душу охватил экстаз, до сих пор не испытанный мною... Впервые в моей жизни, пересекая столь знакомый порог, я прошептала, испытывая истинную веру: Аллах и Акбар!»

В Боне Изабель работает, у нее много литературных планов. В одном из первых писем из Бона она попытается дать объяснение того, почему, по ее мнению, литература —

это ее призвание: «Я пишу, потому что мне нравится «процесс» литературного творчества, я пишу, так же как я и люблю, таково, вероятно, мое предназначение. И это мое единственное истинное утешение». Интересно, что свое предназначение она видит не только в том, чтобы писать, но и в том, чтобы любить.

Возможно, написано это не случайно: в Боне Изабель не только возлюбит Аллаха, но и полюбит простого смертного. И не так как Аршавира, скорее придуманной себе любовью, а страстно, пылко.

В их доме бывают два молодых человека, с которыми Изабель и проводит время. Оба, правда, женаты, но это не мешает им ухаживать за девушкой. Один — тунисец Али Абдул Вахаб, его имя я уже неоднократно упоминала. Поскольку этот молодой человек будет отныне постоянно возникать не только в жизни Изабель, я позволю себе впредь называть его просто Али.

Едва приехав в Бон, Изабель написала ему в Тунис, но не под тем именем, под которым он ее знал по переписке — Николай Подолинский. Нет, она назвалась русским писателем, подписалась крайне странно — Махмуд и пригласила его приехать в Бон, сообщив, что пробудет там некоторое время, жаждет лично познакомиться и завязать дружбу. Каково же было удивление Али Абдулы Вахаба, когда в Боне, как он пишет, вместо Махмуда «оказался в

обществе молодой очень элегантно одетой девушки». По его признанию, он чрезвычайно поразился тому, что молодая девушка «могла решиться на такие авантюры, на которые не рискнули бы пойти многие дерзкие мужчины».

Было бы логично, если бы избранником Изабель стал Али: он из прекрасной семьи и получил европейское образование; они уже достаточно узнали друг друга и поняли, что многое их роднит. Но нет, это было бы слишком просто для Изабель. Она влюбилась в некоего Куджу бен Абдаллу, алжирца, сироту, выходца из простой семьи. Куджа бен Абдалла был адвокатом, специализировавшимся в области арабского права, видимо, он оказывал юридические услуги двум иностранкам, оказавшимся в Боне. Именно в него она и влюбляется безоглядно.

И кому же влюбленная поверяет свои сердечные тайны? Не кому иному, как Али, который, поняв, что не он ее избранник, возвратился в Тунис. Этот верный друг Изабель во время их встречи в Боне, судя по всему, сделал попытку перевести отношения с приятельницей в несколько иное русло. И вот к нему летят одно за другим послания, подписанные то Махмудов, то Николай Подолинский, в которых Изабель пишет о том, что «безумно любит» Куджу бен Абдаллу! Более того, она заставляет своего возлюбленного фотографироваться и посылает его фотографию Вахабу! Что это — наивность? Бездушие? Скорее первое. Изабель не была жестокой. Более того, вся ее дальнейшая жизнь даст множество примеров ее удивительной способности сострадать обездоленным и оскорбленным.

Изабель понимает, что у нее мало общего с ее новым возлюбленным, которого она сама называет «самцом» и «опасным соблазнителем». Она прямо пишет о том, что у нее гораздо больше общего с Али, и признает, что ценит в нем его «интеллектуализм», которого и в помине нет у Куджи. Но это не мешает ей любить именно этого человека.

Она отдает себе отчет в том, что эта любовная история «моральное кораблекрушение»! Но в то же время признает, что даже если бы он был безграмотным простолюдином, она не могла бы устоять перед ним. Эта молодая двадцатилетняя девушка не стыдится признаться по сути малознакомому мужчине, что «Бог меня создал чувственной». И не только чувственной, добавим мы, но и не знающей, что такое осторожность и не желающей сдерживать свои порывы! И тем не менее, она может обуздать свою чувственность, если речь идет о сохранении свободы. Обсуждая все с тем же Али историю своих отношений с Куджу бен Абдаллой, она напишет следующее: «... этот человек был моим любовником, он был создан для того, чтобы дать мне то, что я искала, — чувственные наслаждения», но тут же добавляет: «...я не хочу пожертвовать ради него единственным своим богатством на земле: своей независимостью!»

Правда, напишет так Изабель чуть позднее, а в тот момент ею руководит страсть и еще неизвестно, как бы закончилась эта непростая история, но происходит трагедия. В ноябре 1897 года, Наталья Николаевна умирает от плеврита, ей всего 59 лет. С момента приезда Натальи Николаевны и Изабель в Алжир прошло чуть более полугода.

Изабель безутешна. Когда читаешь ее биографии, то часто

фигура матери там присутствует в гораздо меньшей степени, чем фигура Трофимовского. Создается впечатление, что дочь и мать не были особенно близкими людьми. Но если знакомишься с дневниками Изабель, то открывается совершенно иная картина. Трофимовский — это характер, долг, обязанности. А мать — чистота, свет, радость. Не случайно, когда после смерти Натальи Николаевны Изабель будет писать о матери, то она станет для нее «Esprit blanc». Это можно перевести как «Светлый дух» или «Чистая душа». Когда мать умирает, с ней исчезает тот, кто помогает мятежной душе дочери обрести покой, душевное равновесие. Изабель остается один на один со всеми страстями, терзаниями, метаниями, которые так мучат ее с самых молодых лет. Со смертью Натальи Николаевны она теряет не только мать, но и подругу, человека, которому она могла рассказать все, доверить все свои печали и радости, рассказать о тех вещах, которыми она никогда не делилась с Трофимовским. На страницах дневников и много лет спустя Изабель будет сокрушаться о том, что рядом с ней нет ее матери, этого «Светлого духа», умевшего утихомирить мятежную душу дочери.

И еще один немаловажный момент. Изабель переживала за мать. Она знала, что Наталья Николаевна всю жизнь страдала от того, что стала изгоем, от нее отвернулись родственники и ей не суждено было вернуться на Родину, по которой она всегда тосковала. И дочь хотела отомстить за мать. Но как? Стать известной, обрести имя и тем самым не оправдать мать, нет, в этом, по мнению Изабель, она не нуждалась. Она хотела придать смысл всем тем жертвам, на которые была обречена Наталья Николаевна. Это было мощным стимулом для девушки в ее стремлении совершить что-то значительное, не разменять свою жизнь по пустякам, добиться успеха!

Трофимовский, сумевший приехать на похороны своей подруги жизни, уговорил Изабель вернуться с ним в Женеву.

И вот в декабре 1898 года Эберхардт вновь в городе, откуда она уезжала. Изабель на грани самоубийства, о чем она прямо пишет Али. Важный момент: говоря о своем состоянии, она уточняет: «если бы не исламская вера», которой она успела проникнуться, то ее ждало бы «самоубийство или безумие».

КАК ПОДЕЛИТЬ НАСЛЕДСТВО МАТЕРИ?

В Женеве Изабель глубоко несчастна. Она никогда не любила этот город, а теперь, после потери матери, нет ничего и никого, удерживающего ее здесь. Она вспоминает жизнь в Боне и обретение там истинной веры, истинных корней. «Мне было двадцать лет. Я любила в жизни то, что на самом деле лишь обманчивый блеск... Я любила умом, а не душой, это была грустная любовь, пришедшая ко мне из огромной северной страны, где родилась моя любимая мать... Славянская земля, которую мне не дано было узнать. А здесь, в Дар-эль-Ислам, я нашла родину, о которой так мечтала. И я ее полюбила».

Она мечтает о возвращении в Алжир или в Тунис, но вынуждена будет оставаться в Женеве еще полтора года. Причин несколько. Главная — это все ухудшающееся со-

стояние Трофимовского. Его здоровье сильно пошатнулось после смерти Натальи Николаевны. Но теперь становится ясно, что он не просто сломлен горем, а еще и тяжело болен. Подозревают рак горла.

Вторая причина также немаловажная. Наталья Николаевна завещала все свое имущество Изабель, Августину и другому сыну, который жил с ней в Женеве, Владимиру. Так что Изабель должна остаться в Женеве в силу необходимости урегулировать дела, связанные с наследством. Если бы все произошло согласно завещанию, она смогла бы безбедно жить там, где и мечтала обосноваться.

Изабель несколько воспряла духом и вновь начинает строить планы возвращения в одну из стран Магриба. Еще точно не решено, куда она поедет. У нее множество идей: то она мечтает создать женскую школу в одной из стран Магриба, то решает сама поступить в университет в Тунисе. И пишет, пишет — литературное творчество стало для нее необходимым элементом жизни, особенно в трудные минуты. «Литература — моя путеводная звезда», — признается она своему верному Али.

Изабель пытается закончить роман, который начала писать еще в Боне. Роман называется сначала «Рахиль», потом «Рашель», позже она назовет его «Эль Мукадира». Роман никогда не будет опубликован: после ее смерти найдут три тетради, а четвертая безвозвратно исчезнет. В этом романе цыганка предскажет героине будущее. Рассматривая руку Рашель, цыганка говорит: «...Тебе осталось жить, возможно, четыре года... Скорее меньше... Ты погибнешь трагической смертью». Читая это предсказание, которое будет написано уже позже, когда до смерти самой Изабель останется три года, невольно задаешь себе вопрос: Изабель обладала даром предвидения? Она знала, что ее ожидает?

В конце 1897 года произошло событие, которое кардинально поменяло всю ситуацию. В декабре Владимир, сын Натальи Николаевны, который также являлся ее наследником, был вызван в Генеральное консульство России в Женеве. В этой просьбе не нашли ничего странного: наверняка надо уточнить какие-то административные детали. Когда же Владимир вошел в здание генконсульства, там разыгралась настоящая драма. Навстречу ему вышел его брат Николай, давно покинувший Женеву, живший в Петербурге и все эти годы не поддерживавший никаких связей с матерью.

Поведение Николая с самого начала было чрезвычайно агрессивным: он обвинял младшего брата в махинациях, в незаконном стремлении присвоить наследство матери, а закончил требованием отправиться с ним в Петербург для разбирательства. Он, как и другие дети Натальи Николаевны, лишённые наследства, не сомневался, что завещание было подложным, написано не их матерью, а Трофимовским, которого они обвиняли во всех смертных грехах. Владимир никогда не отличался хорошим здоровьем — ни физическим, ни психическим — на это и делалась ставка. Было решено захватить его врасплох в Женеве и увезти в Петербург. Там его уж точно заставили бы подписать все, что угодно, а затем оспорить завещание.

Однако, вернемся к встрече двух братьев. Николай все больше расходился: набросился на Владимира с руганью,

обзывая его «идиотом», «обезьяной», «подлецом» и угрожая ему расправой, если он откажется отправиться в Петербург. Владимиру стало плохо, это его и спасло. Чиновник генконсульства испугался: еще чего доброго Владимира хватит удар прямо в официальном помещении Российской империи, он перестал загораживать дверь, как делал это до сих пор, и Владимир, совладав с собой, выбежал на улицу.

Николай бросился за ним, на центральных улицах Женевы разыгралась настоящая драматическая сцена с погоней, угрозами, побоями. Но в итоге все закончилось благополучно, Владимиру удалось спастись с помощью друзей, симпатизировавших семье. К вилле «Нёв» были направлены жандармы, которые в течение нескольких дней охраняли ее обитателей от возможных попыток со стороны Николая незаконно проникнуть в дом столь ненавистного Трофимовского.

СУДЬБА ПРЕДУПРЕЖДАЕТ ИЗABELЬ: «ВОСТОК — ЭТО СМЕРТЬ!»

Николай, которому на сей раз не удалось добиться своего, остался в городе и продолжал угрожать Трофимовскому, Владимиру и Изабель. Его поддерживала находившаяся в Швейцарии и также лишённая наследства Наталья, вышедшая к тому времени замуж за того самого Переса, доставившего столько проблем Трофимовскому еще при жизни Натальи Николаевны. Теперь они пытались предъявить свои права на виллу «Нёв», доказать, что вилла не являлась собственностью Трофимовского, была куплена на деньги Натальи Николаевны (а это и на самом деле было так). Если бы они это доказали с помощью документов, то затем уже легче было бы утверждать, что и во всем другом Трофимовский манипулировал Натальей Николаевной и, таким образом, ее завещание не имело силы. С целью найти документы, подтверждающие их версию, все тот же Перес вместе с Николаем неоднократно пытались проникнуть на виллу «Нёв».

Трофимовский обратился к женевским властям с требованием оградить его и его семью от посягательств Николая Мёрдера и Натальи Перес. Началось длительное разбирательство. Изабель была в отчаянии: впервые в жизни она была действительно напугана происшедшим. К ним постоянно являлись представители власти и происходили допросы то ее, то Трофимовского, то Владимира. В одном из писем к Али она пишет, что даже сегодня утром к нам приходили «... допрашивали меня и требовали предъявить мои документы без малейшего на то повода или основания». Полиция уделяла особо пристальное внимание Изабель под предлогом ее несовершеннолетия. Визит полиции, о котором идет речь, произошел 10 февраля, полиция явно торопилась, поскольку через семь дней Изабель исполнялся двадцать один год, она приобретала полную гражданскую дееспособность, и у полиции больше не было бы оснований «заботиться» о ней.

Свое совершеннолетние Изабель встречает в состоянии крайней неуверенности относительно того, что уготовило ей будущее.

«Сегодня это свершилось, мне исполнился двадцать один год. Двадцать один год! Двадцать один год странной жизни, вдали от людей и условностей, вдали от всего, что им дорого, но и вдали от покоя...».

В это время возникли новые препятствия. Для вступления в права наследства Изабель должна была обладать российским паспортом. Она подала заявление на его получение, и, хотя ранее ей обещали его выдать, тут вдруг неожиданно заявили, что для его оформления она должна отправиться в Россию.

Изабель опасается насильственной депортации в Россию, не исключает и похищения, которое может организовать Николай. Она решает, что единственным выходом из положения является побег из Женевы в Тунис. В письмах к Али она всерьез обсуждает такие перспективы.

Не исключает она в этот момент своей жизни и другого выхода из положения: замужества. Кто же является перспективным женихом? Не кто иной как Аршавир Гаспарян, вновь появившийся в ее жизни. Только теперь он уже не какой-то там армянин Гаспарян, а подданный оттоманской империи Решид Бей. И к тому же не бедный студент, а перспективный дипломат, которому обещают хороший пост в одном из европейских посольств. Он по-прежнему влюблен в Изабель и всерьез намерен на ней жениться.

В это время в ходе дела о наследстве происходит драматический поворот. Женевские власти принимают решение о высылке Николая. Основание? Они сочтут жалобы Трофимовского и Владимира Мёрдера совершенно справедливыми, а поведение Николая Мёрдера противозаконным. Правда, Изабель не получает того большого наследства, на которое она рассчитывала. Основная часть завещания по-прежнему оспаривается. Но Наталья Николаевна имела вклады в России, которые приносили ежегодную ренту. Вот эту ренту она и завещала исключительно Изабель. Сумма небольшая, но она позволит Изабель сводить концы с концами, если она будет жить не в Европе, а, как она и хочет, в одной из стран Магриба. Изабель в восторге! Наконец-то! Она может уехать из этой опустыленной Швейцарии!

Сказано, сделано. В начале апреля 1898 года она отправилась в Марсель, а оттуда в Тунис. Там она, наконец, встретилась с Августином, которому после множества приключений удалось окончательно разделаться со службой во французском Иностранном Легионе. Из Туниса вместе с братом они поехали в Алжир, где и провели некоторое время, путешествуя по стране. Позднее Изабель описала эти очень насыщенные приключениями дни в незаконченной и нигде не опубликованной повести под названием «Ла Зауайя» (La Zaouïya). Если судить по этой повести, Августин приобщил свою сестру к ночной жизни арабских городов. Не только интригующей, экзотичной, но и крайне опасной. Брат не стеснялся делиться с сестрой опытом своих развлечений французского легионера и водил ее по весьма сомнительным притонам. Как напишет Изабель в этой повести, она «повстречала бесконечное количество полоумных и подозрительных личностей», которые были для нее, прежде всего, «объектом для наблюдения и психологического анализа». Из этой же повести следует, что в путешествиях

Изабель сопровождал не только брат. Не исключено, что и Аршавир, он же Решид Бей, сумел вырваться из Парижа, где он находился на службе в посольстве Турции, и встретился здесь с Изабель. Героиня повести переживает любовную историю с неким Ахмедом, о котором она говорит следующее: «В любви он был чувственен и утончен, как будто любой грубый физический контакт доставлял ему боль. Для него чувственные удовольствия не были высшим проявлением любви. Ему необходимо было также интеллектуальное наслаждение, оно было для него гораздо важнее».

Как видим, тема чувственных наслаждений вновь возникает в творчестве Изабель. Очевидно, что эта тема чрезвычайно волновала ее, она будет возвращаться к ней постоянно. В отношениях с Аршавиром ей принадлежала та роль, которая обычно достается мужчинам. У нее была более острая потребность в плотской, физической любви, которой не было у ее партнера. Изабель стыдилась своей чувственности, но не считала нужным скрывать ее. Во всем она была честна не только с собой, но и со своим будущим читателем. Парадоксально: если в отношении своей биографии она любила создавать легенды, то в своем творчестве Изабель была предельно откровенна. Только выворачивая душу наизнанку можно вызвать интерес читателя к твоему творчеству. Как бы больно тебе не было это делать. И молодая девушка, лишь только вставшая на писательский путь, очень четко понимала это.

Скорее всего, любовную идиллию в Алжире Изабель пережила с Аршавиром. Правда, идиллия эта длилась очень недолго.

13 апреля 1898 года в Женеве покончил с собой Владимир. Он так и не оправился после той полной драматизма истории, когда родной брат гонялся за ним по всей Женеве. С тех пор он впал в депрессию, результатом которой и стало самоубийство. Найдя тело Владимира около газовой плиты (полиция констатирует отравление газом), Трофимовский позвал на помощь соседа, швейцарца, месье Коссона. Именно тогда и была написана знаменитая записка, которая дала повод впоследствии обвинять Трофимовского в бесчувственности: «Мой любитель кактусов мертв! Приходите!» На самом деле, на мой взгляд, написанное Трофимовским свидетельствует не о чем ином, как о смятении.

То, что Трофимовский не был бесчувственным и жестоким человеком, доказывает вся его жизнь, та любовь, и забота, которой он окружал и Наталью Николаевну, и ее детей, в том числе Володю.

Смерть Владимира вынуждает Изабель опять вернуться в Швейцарию. Складывается впечатление, что каждый раз, когда она собирается начать новую жизнь на Востоке, с кем-то из близких случается трагедия. Так было, когда умерла мать, повторилось теперь со смертью брата. Судьба как будто посылает ей предупреждение: «Восток — это смерть!»

Итак, в середине 1898 года семья, вернее то, что от нее осталось, вновь вместе на вилле «Нёв». Правда, и вилла, как и семья, уже не та, что раньше. Все пришло в запустение. Александр Николаевич не в силах ухаживать за садом и огородом, участок зарастает, и кажется, что вот-вот и сам дом рухнет под натиском все наступающей растительности.

Становится очевидно: Александр Трофимовский очень серьезно болен. Во всяком случае, Изабель пишет брату о том, что Ваве все труднее говорить, и все чаще он общается с ней посредством записок. Августин, которого она буквально заставляет, наконец, приехать в Женеву, увидев Трофимовского, не может скрыть своего потрясения: перед ним, как он скажет, не человека, а его тень.

Все свое время, все свои силы умирающий отдает тому, чтобы обеспечить будущее дорогих ему Изабель и Августина. Изабель, наконец, получает русский паспорт. Это внушает ей и Трофимовскому определенный оптимизм, они надеются, что и в остальном российские власти будут впредь оказывать им поддержку в делах, связанных с наследством. И, тем не менее, Трофимовский не спокоен. Он открывает в банке, который все эти годы вел дела Натальи Николаевны, два счета: на имя Изабель и на имя Августина. На эти счета он переводит все деньги, которые у него оставались. Потом он пишет длинное письмо дирекции банка. Содержание этого письма удивительно. Оно свидетельствует о том, что Александр Николаевич, которого так часто изображают человеком без принципов, нигилистом, анархистом и еще бог знает кем, до конца жизни, несмотря на все удары судьбы сохранил удивительную веру в человеческую порядочность. В этом очень длинном письме дирекции банка он подробнейшим образом рассказывает о всех драмах, которые пришлось пережить детям Натальи Николаевны, и умоляет чиновников банка защитить их интересы. Когда он получает письмо из банка, он воспринимает вежливый и формальный ответ как подтверждение того, что его услышали и все будет сделано, чтобы помочь детям Натальи Николаевны.

28 декабря 1898 года Трофимовский составляет подробнейшее завещание, по которому виллу «Нёв» и все остальное имущество оставляет Изабель и Августину. Завещание подписывается при свидетелях. Но и этого Александру Николаевичу кажется недостаточным. Он знает, что вокруг завещания Натальи Николаевны по-прежнему идет борьба, и совершенно непонятно, когда и чем она окончится. Трофимовский завершает оформление своей последней воли весьма странным образом. Он обязывает Изабель и Августина сразу после его смерти отправить копию завещания «Ее Императорскому Высочеству Великой княгине Елизавете Федоровне в Москву». Речь идет о жене великого князя Сергея Александровича, который в то время был генерал-губернатором Москвы.

Никому до конца не понятны мотивы этого решения. Видимо, он полагал, что Наталья Николаевна знала в годы молодости Великую княгиню, и рассчитывал, что она защитит ее детей, которых незаконно пытаются лишить всего того, на что они имеют право. Возможно и другое объяснение. Зная репутацию Елизаветы Федоровны как защитницы обиженных и обделенных судьбой, он надеялся, что драматическая судьба Изабель и Августина не оставит ее равнодушной.

И еще деталь, дополняющая портрет этого человека. Он не хочет, чтобы на его похороны тратили большие деньги, более того, он требует этого: «... я обязываю их (наследни-

ков — *прим. автора*) истратить как можно меньше денег» и просит перевести его на кладбище в катафалке «четвертого класса». Если учесть, что в качестве катафалков тогда использовались отнюдь не автомобили, что же за телега могла служить катафалком четвертого класса?

Изабель в отчаянии. Как будет она жить дальше? Что с ней станет после смерти Трофимовского. Возможно, именно все эти мысли заставили ее внимательнее присмотреться к Аршавиру. К этому времени он уже превратился в турецкого подданного Решиди Бея. Но поскольку Изабель до конца жизни продолжала называть его Аршавиром, будем делать так и мы.

После возвращения Изабель в Женеву, в июле 1898 года Аршавир делает ей предложение, которое она принимает. Девушка видит в этом браке способ, во-первых, покинуть Женеву, а во-вторых, обрести, наконец, определенное положение: перестать быть неизвестно чьей дочерью, а стать женой человека, занимающего высокое положение в обществе. Пусть и в Османской, а не в Российской империи. Изабель вовсе не дорожит своими русскими корнями. Она не знает России, и кроме проблем ничего не ожидает от этой страны. Особый энтузиазм вызывает у нее и тот факт, что Аршавир скоро получит назначение в одну из ближневосточных стран, и Изабель радуется перспективе опять оказаться на столь любимом ею Востоке.

Она соглашается на предложение турецкого дипломата, но с одним условием: Аршавир должен прибыть в Женеву и получить согласие Трофимовского на их брак. Что это? Способ скрыть свои колебания? Способ потянуть время? Изабель не могла не понимать, что Трофимовский, сломленный и больной, не тот человек, который может препятствовать ее счастью, если она сама считает, что обрела его. Дальнейшие события подтверждают: именно Изабель не готова променять свободу на семейные узы. Она явно тянет время. Аршавир забрасывает свою, как он ее называет, «Душеньку» письмами, он, видимо, не без оснований, ревнует ее.

В письме к своему другу Али уже в августе, то есть через месяц после возвращения в Женеву, Изабель пишет о том, что некие обстоятельства, о которых она не хочет говорить в письме «... заставляют нас отложить наш союз на неопределенное время...». В этом же письме она признает, что Аршавир в отчаянии и близок к «полной депрессии». Заканчивает же она письмо достаточно двусмысленно: «Я вас люблю, Али, и никогда не говорите мне больше ни о забвении, ни о безразличии». Не удивительно, что Али вновь воспрянул духом и с еще большим пылом начал убеждать Изабель осуществить свое решение и покинуть навсегда Женеву.

Верность никогда не была и не будет тем качеством, которое отличало Изабель. Она сама не раз устами своих героев будет признаваться в этом. Изабель всегда будет любить глубоко и искренне, но не терпящая никакого принуждения, она отказывается и в области чувств следовать принятым нормам. И в любовных отношениях она хочет следовать лишь своим страстям и не терпит запретов. Но это не распушенность, она так создана — исключительно чувственной. И в этом ее проблема. Изабель это осознает. Так, в романе «Тримадер», его герой, Дмитрий, с которым

Изабель Эберхардт в конце жизни

автор явно себя ассоциирует, признается, что он оказался в плену у «очередного приступа чувственности», свойственных ему. Изабель всю жизнь страдает от этих «приступов» и пытается бороться с ними. Иногда ей это удается, и тогда в ее жизни наступают периоды аскетизма, полного не только отрешения от мирских радостей, но и некоторого мистицизма. В другие моменты жизни она не отказывает себе в плотских утехах, находя их в объятиях мужчин на

одну ночь. Изабель Эберхардт в любви — человек страстный, противоречивый, бросающийся из одной крайности в другую. Впрочем, не только в любви.

Когда Аршавир, наконец, приезжает из Парижа в Женеву, она просит его сначала встретиться с ней, а потом уже отправиться к Трофимовскому. И потом, прекрасно зная, что у ее возлюбленного всего три дня отпуска со службы, под разными предлогами уклоняется от встреч с ним. В итоге, так и не повидавшись ни со своей, как он считает, невестой, ни с Трофимовским, Аршавир возвращается в Париж. Вскоре его назначают на еще более ответственный пост в Гааге. Но это почетное назначение вовсе не радует Изабель, а огорчает. Она же мечтала о назначении куда-то на Восток, как изначально предполагалось, а вовсе не в Европу, оставаться в которой не входит в ее планы. Аршавир предлагает различные планы их воссоединения, но Изабель отвечает весьма уклончиво, тянет время. Вскоре именно по ее вине перспективы женитьбы сходят на нет, хотя окончательно этот человек исчезнет из жизни Изабель гораздо позже.

«... ВСЕ ОБРУШИЛОСЬ, ИСЧЕЗЛО СЕГОДНЯ И НАВСЕГДА!»

Изабель раздумала выходить замуж за Аршавира не только потому, что его направляли в Гаагу, а не на Восток. Нет, у нее у нее появились новые планы. Тоже matrimониальные, на сей раз их инициировал Августин. Частые отлучки Августина в последние годы, его поездки в Марсель во многом объяснялись его связью с девушкой из этого города. Августин почему-то решил, что брат этой девушки, некий Анри Лонг — идеальный вариант мужа для Изабель. То, что Изабель всерьез задумалась над предложением брата, доказывает две вещи: она была в отчаянии, и совершенно не знала, как ей жить дальше, и она по-прежнему слепо доверяла Августину. Августина не смущал тот факт, что этот простой рабочий паренек и его сестра не имеют ровным образом ничего общего. Он был вот уже столько лет в связи с сестрой этого молодого человека и находил ее настолько по своему вкусу, что подумывал о женитьбе. Почему же сестре не полюбить этого француза, который со своей практической смекалкой сможет помочь ей обустроиться, наконец, на этой земле, а не витать в облаках? К тому же он рассчитывал, что Анри — парень из простой рабочей семьи — сможет взять на себя хлопоты по устройству их дел в Женеве после смерти отца. Сомнения в том, что дни Александра Трофимовского сочтены, ни у кого не было.

Получив согласие сестры и потенциального жениха, Августин спешно начал готовить свадьбу. Вся эта история его явно забавляла. Для начала надо было познакомить будущих супругов. Между Марселем и Женевой завязалась активная переписка. Результатом явился приезд Анри Лонга в город на Женевском озере. И если Аршавиру не удалось даже нанести визит на виллу «Нёв», то Анри Лонг поселяется в доме будущих родственников. Дело дошло до помолвки! По Женеве поползли слухи... Друзья с Каружки не поверили в намерение Изабель выйти замуж, они знали о ее любви к мистификациям. Но слухи о помолвке дошли до Аршавира в Гааге. В Женеву полетели возмущенные письма.

На самом деле матримониальные планы Изабель расстроились не по ее воле, а по вине того, кто все и затеял. В последний момент Августин просто-напросто опять сбежал. Куда? Почему? Пожалуй, имелся ответ лишь на последний вопрос: ему невыносимо было наблюдать агонию Трофимовского.

Но Изабель, естественно, впала в отчаяние, что случилось с ней каждый раз, когда брат исчезал. И ее гнев пал на Анри Лонга. Она почему-то решила, что он был заодно с братом и помог тому скрыться. Изабель заявила об исчезновении Августина в полицию. Уже известному нам агенту Коленберже в очередной раз пришлось заняться виллой «Нёв». Что там опять произошло у этих невыносимых русских? Очередная драма? Сколько можно?

Коленберже, человек обстоятельный, весьма профессионально относится к своему делу. Несмотря на то, что он уже значительно продвинулся по служебной лестнице и получил звание бригадира, он лично продолжает заниматься делом об очередном исчезновении Августина. Возможно, он проникся какой-то симпатией к Изабель, девушке, чью судьбу как будто нарочно за что-то наказывает с самого рождения? Не знаю, это лишь мои домыслы, но во всяком случае он проводит дотошное расследование. Ясно также, что он хорошо знает привычки молодого человека. В докладе, написанном Коленберже 28 апреля 1899 года, он сообщает, что «... произвел дознание в домах терпимости «Курзал Эсперанс» и «Аламбра», но безрезультатно. Повидимому, он (Августин — прим. автора) покинул Женеву, что случилось с ним уже неоднократно».

Коленберже оказался прав. Августин нашелся в Боне, в Алжире. И сообщил Изабель об этом не кто иной, как бывший возлюбленный Изабель Куджа бен Абдалла, который и уговорил блудного сына вернуться к постели умирающего отца.

Августин возвращается в Женеву буквально за несколько дней до кончины Трофимовского.

15 мая 1899 года Александр Николаевич умирает. Почти ровно через год после смерти Владимира.

В некоторых книгах об Изабель можно найти следующую версию событий: она и Августин «помогли» Александру Николаевичу окончить свои дни, дав ему на ночь слишком большую дозу лекарства, облегчавшего страдания Трофимовского, после чего он и не проснулся. Причем, одни говорят, что это было просто ошибкой в дозировке, другие о том, что таким образом брат и сестра хотели прекратить страдания близкого им человека, то есть речь шла об акте эвтаназии. И, якобы, испугавшись содеянного, они после этого бежали из Женевы.

Не так давно была опубликована запись о смерти Трофимовского, сделанная в регистре коммуны Вернье, где находилась вилла «Нёв». Благодаря ей стало возможно опровергнуть эту легенду, связанную со смертью Трофимовского. Запись свидетельствует о том, что смерть была зарегистрирована в соответствии с заявлением «...месье Августина де Мёрдера, проживающего у месье Трофимовского, сына Павла де Мёрдера и Натальи, урожденной Эберхардт».

Изабель потеряла человека, который, даже если абстрагироваться от факта отцовства, сформировал ее как личность.

Он привил ей любовь к чтению, к изучению языков, научил ее не бояться быть не такой, как все, следовать своим принципам, а не идти на поводу идей, проповедуемых другими. Я полагаю, что Изабель, которая никогда не хотела публично признать Трофимовского своим отцом, в глубине души понимала, что это именно так. Уход из жизни Александра Николаевича стал для нее огромной трагедией.

Пройдет несколько лет, но боль от его ухода не утихнет, так же, как и боль после смерти матери. Потеря этих двух людей означала для нее конец той жизни, которая, если и не была нормальной, то могла такой казаться стороннему наблюдателю.

«Как можно сохранять хоть какие-то иллюзии после того, как белая голубка, которая была светом и теплом моей жизни, вот уже как два года спит там, в земле, на кладбище «Croyants» («Верующих» — прим. автора) Бона...», — так пишет Изабель о смерти Натальи Николаевны. И добавляет, что с уходом Вавы окончательно разрушился старый мир, «казавшийся незбылемым», и после этого ничего не осталось, на что можно опереться, «... все обрушилось, исчезло сегодня и навсегда!»

Александра Николаевича похоронили на кладбище в Вернье, там же, где находилась и могила Владимира. Упоминание о кладбище будет часто возникать на страницах дневников Эберхардт. Незадолго до своего отъезда из Женевы, когда она придет поклониться двум могилам, ее поразит надпись на одном из надгробий. Надпись гласит: «*Gia non si deve, a te, doglie ne pianto. Chi si muore nel mondo, nel ciel rinasce*». Наверное, это можно перевести вот так: «Ты уже далек от плача и боли. Кто уходит из мира сего, обретает жизнь на небесах». Ничего необычного в такой эпитафии на могильном камне нет. Удивительно другое: двадцатилетняя девушка не просто обращает внимание на эту надпись, она запоминает ее на всю жизнь и помещает на заглавной странице одной из тетрадей «*Les Journaliers*». Если вспомнить ее увлечение поэзией Надсона, невольно напрашивается вывод: Изабель Эберхардт постоянно посещают мысли о смерти, она не ждет от жизни на этой бренной земле ничего, кроме боли. Есть лишь слабая надежда на другой мир... И это не просто отражение накотившейся откуда-то тоски, которая быстро пройдет. Кто не знал необъяснимые приступы грусти в молодости? Нет, у Изабель это отражение внутреннего состояния, практически не покидающего ее. Даже при беглом просмотре ее дневниковых записей, поражает как часто на страницах тетрадей встречается слово «грусть». Да и в произведениях Эберхардт это слово постоянно сопровождает ее героев. Грусть, тоска постоянно, с самой ранней юности сопровождают девушку. Это не болезненное состояние, не депрессия, нет. Она полна интереса к жизни, к людям, к странам, к событиям. Но ее не покидает ощущение того, что все хорошее, светлое в этой жизни — не для нее. В отличие от своих сверстников, которым свойственны иллюзии, свойственно строить воздушные замки — она никогда не надеется на легкую жизнь, на то, что с ней что-то произойдет по воле благоприятного случая. Возможно, виной опыт ее жизни, жизни ее матери, Трофимовского, Владимира... Но она уверена,

что ее удел — боль, страдание, испытания и преодоление.

Смерть Владимира и смерть отца окончательно освобождают Эберхардт, больше ничто не держит ее в Женеве. Обосноваться в Тунисе, вновь побывать в Боне, посетить могилу матери, увидеться в Евгением Летором, путешествовать с ним по странам Магриба — вот о чем она мечтает в эти дни. Она морально готова окончательно разорвать с Женовой и со Швейцарией, да и со всей цивилизацией Запада.

К этому времени относятся наиболее нелицеприятные отзывы Изабель не только о Швейцарии, но и о Европе, о западноевропейском обществе, которое для нее ассоциируется с «банальной серостью чиновничьей среды и светской публики, занятых лишь пустопорожней болтовней». Ей окончательно опостытели все те, кто «доволен собой, своей судьбой, своим умом и своим сердцем». «Я ненавижу тупоголовых буржуа, глухих, немых и слепых и тех, кто никогда не сомневается в своих решениях...».

В это время происходят события, которые все более подталкивают ее к тому, чтобы покинуть Женеву. Не прошло и нескольких недель после смерти Трофимовского, как виллу «Нёв» опечатали. Изабель и Августин вынуждены искать приюта у подруги Изабель Веры Поповой. В чем дело? Оказалось, вице-консул России некий барон Цур Гоцен направил президенту Государственного совета города Женевы, являвшемуся одновременно и главой Департамента юстиции и полиции письмо, в котором говорилось, что генконсульству «в соответствии с российскими законами вменяется в обязанности защищать права отсутствующих законных наследников». Выяснилось, что отныне ряды тех, кто вел борьбу за наследство, расширились: их пополнила та самая Акулина, жена Трофимовского, и ее дети. Вот когда благородный жест Натальи Николаевны, записавший виллу на имя Трофимовского, обернулся настоящей проблемой для ее любимых детей!

Однако, чем больше российская сторона настаивала на том, чтобы Швейцария признала Акулину и ее детей законными наследниками Трофимовского, тем меньший отклик это находило у женевских властей. Это был тот самый случай, когда давление привело к противоположному результату. Изабель и Августин были признаны в качестве законных наследников Трофимовского. Изабель на седьмом небе от счастья! Вот оно, свершилось! Справедливость восторжествовала. А скоро она получит и наследство матери — доступ к тем деньгам, которые Наталья Николаевна оставила на ее имя в Московском банке. Виллу «Нёв» решено продать. Но Изабель не хочет больше ждать, она стремится как можно скорее уехать из Женевы. А дела? А продажа виллы? Делами должен заняться Августин.

Эберхардт по-прежнему доверяет Августину и, покидая Женеву, оставляет дела на него. Августин обещает ей как можно лучше продать дом. Ведь это пока все, на что они реально могут рассчитывать. Но ему тоже не хочется самому заниматься делами. Он нанимает некоего жителя Женевы по имени Самюэль, который обещает уладить все в лучшем виде. Изабель соглашается с доводами брата и тем самым совершает роковую ошибку. Но поймет она это гораздо позднее.

В тот момент у Изабель было лишь одно желание: побыстрее завершить все дела в Женеве и начать новую жизнь, ту, к которой она так стремилась. И вот, наконец, ее мечта осуществляется. 4 июня 1899 года в шесть часов тридцать минут вечера Изабель, наконец, покидает Женеву.

Заканчивается женевский период в жизни Изабель Эберхардт. Она еще вернется в этот город, но ненадолго.

Верхом на своем любимом арабском скакуне Суф, часто в одиночестве, она путешествует по Магрибу, забираясь в самые отдаленные уголки. Передвижения по странам Магриба сопряжены с постоянными столкновениями с колониальной администрацией. И местных чиновников можно понять: что прикажете делать с этой девушкой, называющей себя Махмудом Эссади, и при этом предъявляющей российский паспорт на имя Изабель Эберхардт?

Изабель умудряется даже стать членом тайного общества Кадирийа, одного из крупнейших и уважаемых суфийских братств. Суфизм — это особая форма ислама, распространенная и по сей день в Алжире и некоторых других странах Северной Африки. Это мистическое братство, adeпты которого проповедуют аскетизм и воздержание.

Как совместить бунтарский, независимый характер Изабель с вступлением в суфийское братство, отличавшееся, как и большинство религиозных сект, жестким регламентированием жизни своих членов. Но этот же вопрос можно было бы задать и в отношении принятия ею ислама — религии, где женщине заведомо отводится второстепенная роль. Ответить можно так: Изабель берет в свою жизнь из ислама и суфизма лишь то, что ей по вкусу, что отвечает ее духовным запросам. Остальное как бы выносится за скобки и объявляется необязательным или даже неприемлемым. Понятно, что такое отношение не может не вызывать, мягко говоря, неодобрения как среди ортодоксальных мусульман, так и среди консервативно настроенных братьев суфитов. Что и приводит не только к конфликтам, но и к покушению, едва не стоившему ей жизни.

Еще в детстве Изабель почувствовала, что судьбой ей уготованы странствия: «Совсем маленькой, глядя на простиравшиеся передо мной дороги, я мечтала о путешествиях; влюбленная в сменяющие друг друга горизонты, в еще не изведанные дали, я останусь кочевницей навсегда».

Оказавшись в странах Магриба, она не устоит «перед грустным великолепием Сахары», поселится здесь, будет, как и мечтала, кочевать и одновременно, занимаясь журналистикой и литературным трудом, пытаться заставить людей, никогда здесь не бывавших, полюбить эти багровые при закате и белоснежные под луной песчаные просторы, наполнявшие ее саму «меланхолией и очарованием».

Путешественница, журналистка, военный корреспондент, писательница — она так много успела сделать за те недолгие годы, что она провела на этой земле!

Гибель Изабель, когда ей исполнилось лишь 27 лет, столь же необычна, как и вся ее судьба, полная драматизма. Утонуть в пустыне! Но об этой невероятной смерти, а также о полной приключений и драм жизни Изабель в странах Магриба мы расскажем в следующем очерке. **ИБ**

Два философа России — К.П. Победоносцев и Ф.М. Достоевский

Юлия Кудрина

*К 190-летию со дня рождения, 110-летию со дня смерти
К.П. Победоносцева — философа самодержавия, наставника
монархии, создателя гражданского права в России*

*«Ну что будет с Россией, если мы, последние
Могикане, умрем?»*

(Из письма Ф.М. Достоевского К.П. Победоносцеву
24 августа / 5 сентября 1879)

Величайшие философы, писатели и ученые, композиторы и художники, творившие в России в конце XIX — начале XX вв. в «эпоху мысли и разума», оставили потомкам глубочайшие философские работы, непревзойденные до сих пор произведения культуры.

Среди выдающихся русских мыслителей того времени особое место занимает Ф.М. Достоевский, всемирно признанный писатель и пророк-философ. Рядом с ним, но в тени его, стоит ученый, философ, правовед, писатель, не оцененный современниками и потомками К.П. Победоносцев. Дружба и идейная близость этих двух людей, их влияние друг на друга, на верховную власть, а тем самым на выбор исторического пути развития России, требует пристального внимания.

К.П. Победоносцев происходил из интеллигентной семьи. Его отец был профессором словесности в Московском университете, а дед — священником Звенигородского уезда. После окончания Императорского училища правоведения Константин Петрович служил в Правительственном сенате, а после защиты диссертации был избран профессором Московского университета. В конце 50-х XIX в. он получил

известность как писатель-публицист либерального направления, а его памфлет против министра юстиции был опубликован в Лондоне Александром Герценом.

В начале 1860 г. вышел в свет первый том «Курса гражданского права». По оценке газеты «Россия» (1907), «этой книгой Победоносцев создал науку русского гражданского права, и потому он по справедливости может называться отцом и родоначальником этой науки».

Победоносцев быстро завоевал авторитет как знаток права. Крупный сановник, писатель Е.М. Феоктистов (1829–1898) писал, что Победоносцев «обладал умом недюжинным, живым и отзывчивым, все его интересовало, ни к чему не относился он безучастно; образование его было многостороннее и основательное, не говоря уже об юридических и церковных вопросах, занимавших его издавна и в литературе, и в науке, и даже в искусстве, обнаруживал он солидные сведения. Он все мог понять и о многом судил верно».

В публикациях ученых, писателей, философов и журналистов, в статьях и книгах XX в. оценки К.П. Победоносцева были очень высоки. А.Ф. Кони: «Ум острый и тонкий, непрерываемый авторитет». Б.Б. Глинский: «Явление необычайного порядка». Н.А. Бердяев: «Духовный

К. П. Победоносцев.
Портрет работы
А. В. Маковского.
1899. Русский музей
(С.-Петербург)

вождь монархической России». В.В. Розанов: «Доблестный и малопонятый государственный муж». Г.В. Флоровский: «Символ эпохи». По характеристике С.Ю. Витте это был «редкий государственный человек по своему уму, по своей культуре и по своей личной незаинтересованности». Поэт Александр Блок сказал о Победоносцеве и его эпохе в поэме «Возмездие» (1911): «Он дивным кругом очертил Россию, взглянув ей в очи стеклянным взором колдуна».

Многие знавшие его констатировали, что он отличался широкой начитанностью, выступал в печати как переводчик с латинского (сочинения Фомы Кемпийского, Августина Блаженного), английского (переводил работы Гладстона, Спенсера, Карлейля, Эмерсона), а также с французского, немецкого и чешского языков. Французский дипломат и литератор Мельхиор де Вогюэ, лично знавший Победоносцева, свидетельствовал, что тот любил весьма далеких

от православия Шелли, Суинберна, Броунинга. Последней литературной работой Победоносцева был перевод на русский язык «Нового Завета». Он также написал «Историю Православной церкви до начала разделения церквей».

Император Александр II по достоинству оценивал Константина Петровича, выступавшего в те годы в защиту реформ. С 1868 г. Победоносцев был назначен сенатором, а с 1872 г. стал членом законосовещательного органа Государственного совета, в 1880 г. — обер-прокурором Синода.

В конце 70-х годов в мировоззрении Константина Петровича произошли существенные перемены. Историческая ломка, начавшаяся в 60-х годах XIX в. с отменой крепостного права грозила России невиданными по размаху социальными, техническими, идейными и нравственными изменениями. Преобразования 60–70 гг., проведенные Александром II, породили в огромной степени еще более острые проблемы и противоречия. По словам К.П. Победоносцева, «перестройка (термин из того времени — Ю.К.), начатая Александром II и многими мыслящими людьми поддержанная, скоро продемонстрировала разрушительные последствия буржуазной эволюции». Общество стало терять равновесие. Нравственное, моральное разложение затронуло все слои общества. Кризисное состояние политической власти грозило коллапсом.

Многие видные политические и общественные деятели как консервативного, так и либерального направления (к примеру, либерал Б.Н. Чичерин) считали, что в России нет еще нужных условий для перехода к конституционному режиму, а проведение либеральных реформ возможно лишь при наличии твердой государственной власти. В 1881 г. Чичерин писал: «Казалось бы, что совершенные преобразования должны были поднять русскую жизнь на новую высоту, дать крылья слишком долго скованному народному духу. А между тем, в действительности произошло не то. Вместо подъема мы видим упадок и умственный, и нравственный, и отчасти материальный. Вместо нового благотворного порядка везде ощущается разлад. Повсюду неудовольствие, повсюду недоумение. Правительство не доверяет обществу, общество не доверяет правительству. Нигде нет ни ясной мысли, ни руководящей воли. Россия представляет какой-то хаос, среди которого решительно проявляют одни разрушительные элементы, которые с неслыханной дерзостью проводят свои замыслы, угрожая гибелью не только правительству, но и всему общественному строю. Последнее злодеяние переполнило меру; оно показало, что мы должны ежеминутно трепетать за самые священные основы народной жизни...».

Известный русский педагог С.А. Рачинский, посетивший Петербург в дни воцарения Александра III на престол, писал в своем дневнике: «Вообще чувствуется близость катастрофы. Весь Петербург снизу доверху бредит конституцией и единственный оплот против всеобщего безумия — Победоносцев. Интригам и сплетням против него нет конца. Власти нигде не чувствуется, остался только ее призрак. Если государь не возьмет всего в руки сам — потрясения неизбежны».

«Вообще чувствуется близость катастрофы. Весь Петербург снизу доверху бредит конституцией и единственный оплот против всеобщего безумия — Победоносцев. Интригам и сплетням против него нет конца. Власти нигде не чувствуется, остался только ее призрак. Если государь не возьмет всего в руки сам — потрясения неизбежны».

К.П. Победоносцев, превратившийся в это время из умеренного либерала в образцового консерватора, видел спасение России в обращении к ее историческим традициям. Философ Василий Розанов писал о нем: «Победоносцев нервно ненавидел общество и общественность, и в этом отношении произносил слова удивительной дерзости, но уже по их темпераменту и вообще по отсутствию в нем лукавства, хитрости, двуличия, притворства, заискивания, по этому свободному прекрасному в нем духу, он был наш! Плоть от плоти общества, литературы, скажу необыкновенную вещь — улицы».

* * *

«Благодарю Вас от всей души за Ваше доброе прекрасное ободрившее меня письмо... потому что я как человек всегда нуждаюсь в одобрении от тех, которым верю, ум и убеждения которых я глубоко уважаю... мнение таких людей как Вы — решительная для меня поддержка».

(Из письма Ф.М. Достоевского К.П. Победоносцеву, август 1880)

Летом 1873 г. Победоносцев становится помощником Достоевского в редакции журнала «Гражданин», работая с ним вместе над

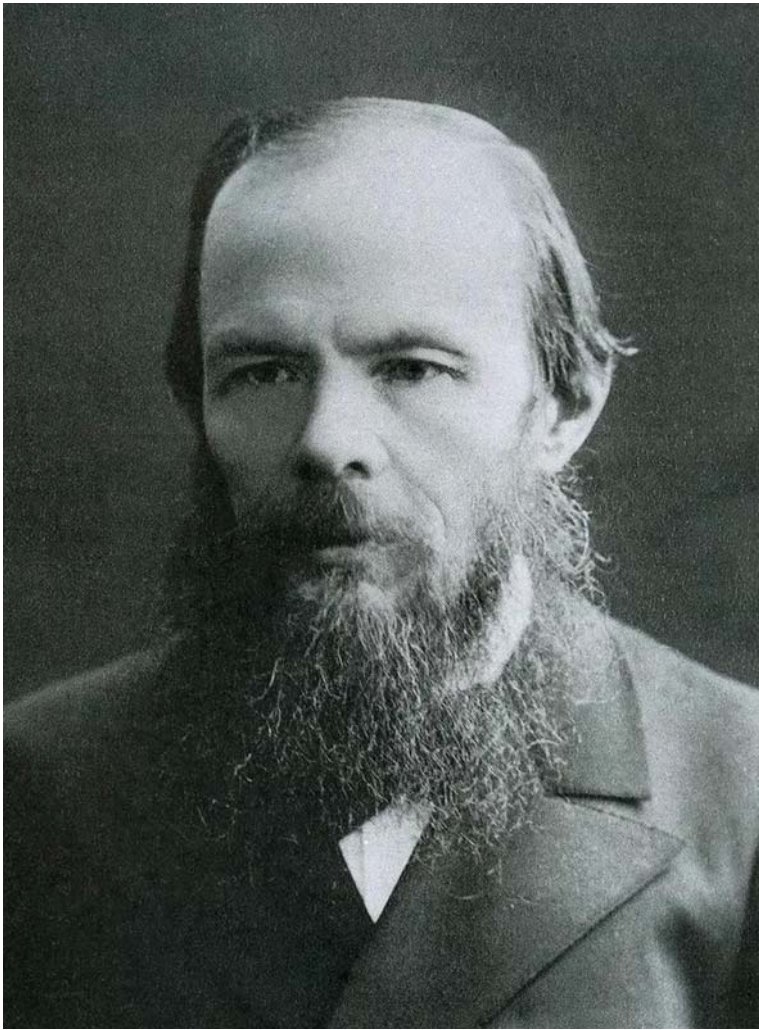
редактированием поступающих в редакцию материалов. Из письма Ф.М. Достоевского жене Анне Григорьевне от 26 июля 1873 г.: «Вчера приехал Победоносцев, был в редакции, ждал меня, но я не был, и просил запиской заехать к себе в 9-м часу. Я был у него вчера и сидел до 12. Всё говорил, много сообщил и ужасно просил опять сегодня приехать. Если же я буду болен, то дать ему знать, и он сам ко мне придет сидеть. Укутал меня пледом, и так как кроме служанки в пустой квартире не было никого, то, несмотря на выбежавшую в переднюю служанку, провожал меня по трем темным лестницам вниз, со свечой в руках, до самого подъезда. На острове Вайте читал мое «Преступление и наказание» (в первый раз в жизни) по рекомендации одного лица, слишком известного тебе одного моего почитателя, который сопровождал в Англию, следовательно, дела еще не совсем плохи».

Речи Победоносцева в Сенате и Государственном совете, отличавшиеся железной логикой и силой убеждения, приковывали всеобщее внимание. Часто они были резкими и безапелляционными, вплоть до того, что он мог заявить: ему надоело слушать «болтовню» на заседаниях Совета. Однако его ум и широкая образованность вызывали у окружающих невольное уважение. Известный юрист А.Ф. Кони писал в своих воспоминаниях, что большинство выступавших на заседаниях Совета постоянно смотрели в его сторону, «жадно отыскивая в сухих чертах его аскетического лица знак одобрения или сочувствия тому, что они говорили, поддельваясь под взгляды “великого инквизитора”, как они его заочно называли».

Дружбой с Победоносцевым дорожили многие русские писатели, поэты, художники и литераторы, в том числе И.С. Аксаков, А.Н. Майков, А.А. Фет, Я.П. Полонский, художники В.М. Васнецов, И.Н. Крамской, композиторы П.И. Чайковский, Н.А. Римский-Корсаков и многие-многие другие. Но дружба, возникшая между К.П. Победоносцевым и Ф.М. Достоевским, носила особенный характер.

На первый взгляд, эта дружба в глазах некоторых соотечественников казалась парадоксальной. Социалист и бывший каторжник, азартный игрок Ф.М. Достоевский не мог иметь ничего общего с обер-прокурором Синода, сенатором-консерватором, «противником реформ», наставником царских детей К.П. Победоносцевым. В действительности, эти два человека в столь сложный момент

Ф.М. Достоевский

Российской истории оказались в одном политическом лагере, ибо их идейная близость была чрезвычайной.

Если в 40-х годах Достоевский выступал как оппозиционер существующему строю и был даже замешен в революционной пропаганде петрашевцев, то в последующие годы, после возвращения с каторги, в его мировоззрении произошел резкий поворот.

«Если напишете мне хоть полсловечка, то сильно поддержите дух мой ... от Вас всегда услышишь живое и подкрепляющее слово, а я именно в подкреплении нуждался. Ваш совершенно преданный всегдашний слуга Ф. Достоевский».

В 70-х годах он становится активным сторонником монархии, выступая за сильную государственную власть. Редактирование журнала «Гражданин», откликнувшегося на все волнующие вопросы внутренней и вне-

шней политики, общение с руководителями правительственного курса делают Достоевского одним из влиятельнейших людей в вопросах воздействия на общественное мнение и умы интеллигенции. Он получает в России настоящую политическую трибуну. Его публицистические произведения принимают резкую идеологическую заостренность. Его философские идеи, опирающиеся на широкие исторические основы о всеславянском единении, о призвании русских в Азии и на Босфоре, о цивилизаторской роли России на Ближнем Востоке приобретают большую популярность в широких общественных кругах и в верховной государственной власти.

* * *

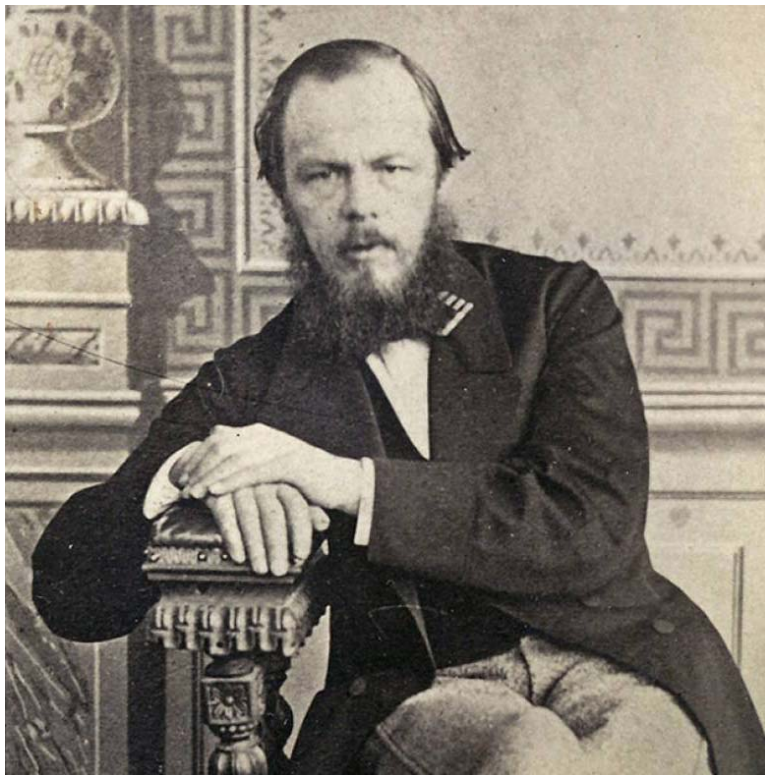
«Очень бы желал Вашего мнения ибо ценю и уважаю Ваше мнение очень».

(Из письма Ф.М. Достоевского
К.П. Победоносцеву, 24 августа / 5
сентября 1879)

Из переписки двух философов видно, что Победоносцев постоянно снабжал Достоевского материалами для его «Дневника писателя», давая в каждом выпуске обстоятельную оценку. Постепенно он становится его консультантом по вопросам текущей государственной политики. Из письма Достоевского от 19 мая 1880 г.: «С будущего же года, уже решил теперь непременно, возобновлю “Дневник писателя”. Тогда опять прибегну к Вам (как прибежал и в оны дни) за указаниями, в коих, верно горячо, мне не откажете».

«Если напишете мне хоть полсловечка, то сильно поддержите дух мой ... от Вас всегда услышишь живое и подкрепляющее слово, а я именно в подкреплении нуждался. Ваш совершенно преданный всегдашний слуга Ф. Достоевский». «Как я радуюсь полученному от Вас известию о скором выпуске “Дневника”, — писал в ответном письме 2 августа 1880 г. Победоносцев. — В добрый час и благослови Вас Боже! Лишь бы Ваша мысль стояла в Вас самих ясно и твердо, в вере, а не в колебании, — тогда нечего обращать внимание на то, как она отразится в разбитых зеркалах — еже есть журналы и газеты наши. Пусть блядословят сколько угодно: Ваша речь найдет себе дорогу сквозь весь этот лай паршивых шавок».

Они познакомились зимой 1871/72 г. в доме князя В.П. Мещерского, регулярно встреча-

Ф.М. Достоевский

лись в петербургских салонах на «средах» у князя В.П. Мещерского, на «пятницах» у Я.П. Полонского, на вечерах у великого князя К.К. Романова. Но самыми творческими были их встречи по субботам на квартире К.П. Победоносцева на Литейном проспекте. Задушевные беседы, на которых они обсуждали философские и религиозные проблемы бытия и мироздания, пути развития дорогой им России, а также сюжеты произведений Ф.М. Достоевского, длились далеко за полночь. «Для него исключительно у меня был назначен вечер субботний, — писал К.П. Победоносцев И.С. Аксакову в дни похорон Достоевского, — и он нередко приходил проводить его вместе со мной, и своего “Зосиму” он задумывал по моим указаниям: много было между нами задушевных речей». Благодаря жене Федора Михайловича — А.Г. Достоевскую — за присылку нового издания «Братьев Карамазовых», К.П. Победоносцев в письме от 10 марта 1904 г. писал ей: «В ту пору ходил он ко мне по субботам вечером и с волнением рассказывал новые сцены романа».

Во многом они были единомышленниками, одинаково смотрели на многие явления жизни, одинаково их оценивая, высоко ценили православие, верили в свой народ. 19 мая 1879 г. Достоевский писал Победоносцеву из Старой Руссы о смысле книги “Pro et contra”, о богохульстве и опровержении богохульства: «Богохульство это взял, как сам чувствовал

и понимал сильнее, то есть так именно, как происходит оно у нас теперь в нашей России у всего (почти) верхнего слоя, а преимущественно у молодежи, то есть научное и философское опровержение бытия Божия уже заброшено, им не занимаются вовсе теперешние деловые социалисты (как занимались во всё прошлое столетие и в первую половину нынешнего). Зато отрицается изо всех сил создание Божие, мир Божий и смысл его».

«В беседах Победоносцева с Достоевским, — пишет исследователь Достоевского Л. Гроссман, опубликовавший в 1934 г. сорок писем Победоносцева к Достоевскому, — было нечто, напоминающее философские диалоги, диспуты или исповеди его романов». Л. Гроссман проводит параллель между тонким стилистом старцем Тихоном, читающим исповедь Ставрогина, и Победоносцевым, читающим рукопись Достоевского».

* * *

«...Примите уверение не только в самых искренних моих чувствах, но и в глубокой прекрасной надежде на всю пользу, которой жду, да не я один, а все, от Вашей новой прекрасной деятельности. Ваш приверженец и почитатель».

(Из письма Ф.М. Достоевского
К.П. Победоносцеву)

Влияние Победоносцева на Достоевского во время работы последнего над «Карамазовыми» было очень значительным. Федор Михайлович принимал руководство над ним с благодарностью, просил отзывов, разъяснял свои позиции, искал поддержки, делился своими планами и замыслами. Из письма Победоносцева Достоевскому от 16 августа 1879 г.: «Рад душевно тому, что вы сообщаете мне о новой книге «Карамазовых». Буду ждать нетерпеливо выхода августовской книги Р.В. («Российский Вестник» — Ю.К.) ...».

«...“Дневник” Вам непременно надобно издать в следующем году ... к этому Вы нравственно обязаны», — писал Победоносцев Достоевскому в другом письме.

Федор Михайлович в своих корреспонденциях Победоносцеву открыто признавался, что приезжает к нему, чтобы «дух лечить» и «ловить слова напутствия» и особо подчеркивал «полную идейную солидарность». «Благодарю Вас от всей души за Ваше доброе

К.П. Победоносцев

прекрасное ободрившее меня письмо, — писал Федор Михайлович в августе 1880 г. — Именно ободрившее, потому что я, как человек, всегда нуждаюсь в одобрении от тех, которым верю, ум и убеждения которых я глубоко уважаю ... мнение таких людей как Вы — решительная для меня поддержка». Из письма от 19 мая 1880 г.: «Мою речь о Пушкине я подготовил и как раз в самом крайнем духе моих (наших, то есть, осмелюсь так выразиться) убеждениях, а потому я жду, может быть, некоего поношения».

«До свидания, добрейший и искренно уважаемый Константин Петрович, дай Вам Бог много лет здравствовать — лучшего пожелания в наше время и не надо, потому что такие люди, как Вы, должны жить».

24 августа/5 сентября 1879 г. Достоевский пишет из Эмса Победоносцеву о книге «Русский инок» и в конце письма замечает: «...Во всяком случае, очень беспокоюсь и очень бы желал Вашего мнения, ибо ценю и уважаю Ваше мнение очень. Писал же с большой любовью». Заключительная часть письма свидетельствовала об истинных чувствах, которые

испытывал Достоевский к Победоносцеву, глубококом его уважении к нему и полном взаимопонимании: «До свидания, добрейший и искренно уважаемый Константин Петрович, дай Вам Бог много лет здравствовать — лучшего пожелания в наше время и не надо, потому что такие люди, как Вы, должны жить. У меня порою мелькает глупенькая и грешная мысль, ну что будет с Россией, если мы, последние Могикине, умрем? Правда, сейчас же и усмехнусь на себя. Тем не менее, все-таки мы должны и неустанно делать. А Вы ли не деятель?»

Федор Михайлович в своих письмах постоянно выражает свое восхищение перед личностью Победоносцева. Из письма Достоевского от 19 мая 1880 г.: «...За Вашу драгоценную деятельность слежу по газетам. Великолепную речь Вашу воспитанникам читал в «Московских новостях». Примите, глубокоуважаемый Константин Петрович, уверение не только в самых искренних моих чувствах, но и в глубокой прекрасной надежде на всю пользу, которой жду, да и не я один, а все, от Вашей новой прекрасной деятельности, Ваш приверженец и почитатель Ф. Достоевский».

Незадолго до своей смерти К.П. Победоносцев в письме от 24 ноября 1906 г. вдове писателя А.Г. Достоевской напишет: «Немного уже осталось старых друзей его — и я еще доживаю, и думаю, что счастливы многие, не дожившие до нашего времени. Мое знакомство с ним не с ранних годов. Оно началось с вечеров у Мещерского, а потом мы сошлись ближе, и я помогал ему работать, когда свалился ему на шею «Гражданин». А в последние годы часто приходил он ко мне по субботам на беседу — и как теперь помню, как бывало, одушевляясь и бегая по комнате, рассказывал он главы «Карамазовых», которые писал тогда».

Действительно, многие персонажи, их мысли и действия в произведениях Достоевского были подсказаны ему К.П. Победоносцевым. Его критические отзывы на написанные главы писатель ждал, и часто они становились руководством для его творческого воплощения.

Не все современники знали о дружбе этих двух великих русских людей. Однако известный художник-психолог М. Нестеров в своих воспоминаниях, описывая приезд Победоносцева на открытие Владимирского Собора в Киеве в 1896 г., напишет следующее: «А вот и сам Константин Петрович подходит к нам. Его суровости как не бывало. Он весь сияет. Это его праздник. Ведь он всю жизнь искал в людях намека на идеалы, на их осуществление, и вот тут (речь идет об освящении Владимирского Собора в Киеве, в росписях которого участво-

Ф.М. Достоевский

вали Васнецов и Нестеров — Ю.К.) ему кажется, это осуществление есть... Он всячески спешит нас приветствовать, обласкать, говорит с нами совсем не «победоносцевски», а просто, задушевно, горячо, вот так, должно быть, он говорил и о многом с Ф.М. Достоевским».

К.П. Победоносцев был одним из первых, кто оценил духовную сторону творчества Достоевского, его публицистический талант, гражданский подход и высокую религиозность. По своему критическому уму, творческому анализу, идейной направленности он был чрезвычайно близок самому Константину Петровичу.

Как для Достоевского, так и для Победоносцева было характерно необычайно ясное и углубленное видение тогдашних процессов всемирно-исторического развития. Оба фи-

лософа с поразительной остротой и глубиной осознали всю грандиозность и далеко идущие последствия той исторической ломки, которая началась в России в 60-х годах XIX в., которые окажут на Россию и весь мир большое влияние. Достоевский писал, что в современном ему обществе господствует «чрезвычайное экономическое и нравственное потрясение... Препятствия, прежний порядок отошел безвозвратно... Все переходное, все шатающееся...» После написания «Преступления и наказания» он заметил: «Порассказать таково то, что мы все русские пережили в последние десять лет в нашем духовном развитии, — да разве не закричат, что это фантазия!» Оба философа были едины во мнении, что реформаторские усилия в стране направлены более на разрушение, чем на созидание.

По мнению Федора Михайловича, Россия уже тогда стояла перед революцией. «Колесилась над бездной» — так определил эту ситуацию писатель. Главная идея Победоносцева о создании сильной монархии путем восстановления в русской жизни допетровской церковности находит отклик у Достоевского. Достоевский высоко ценил в Победоносцеве глубокое понимание им роли самодержавия, религии, православия, церкви: «Для народа царь есть воплощение его самого, весь его идеал надежд и верований его». Самодержавие Достоевский рассматривал как категорию духовного порядка: «У нас русских, — писал он, — конечно, две страшные силы, стоящие всех остальных во всем мире — нераздельность миллионов народа нашего и теснейшее соединение его с монархом. Народ — сын царев, а царь — отец его».

Победоносцев считал, что самодержавная монархия гораздо более откровенна перед своими подданными, ибо в ней нет лживости представительного правления. Переключаясь с Достоевским, он в «Морском сборнике» отмечал: «Доверие массы народа к правителям основано на вере, т.е. не только на единоверии народа с правительством, но и на простой уверенности в том, что правительство имеет веру и по вере действует. Поэтому даже язычники и магометане больше имеют доверия и уважения к такому правительству, которое стоит на твердых началах верования...».

По мнению Константина Петровича, «убережет народ от невежества, от дикости нравов, от разврата, от губительной заразы нелепых возмутительных учений можно только посредством церкви и школы, связанной с церковью».

По Достоевскому, «нравственные идеи народа даются религией или формируются на-

К.П. Победоносцев

родной религией. Чтоб отвергнуть и разбить старые начала, собственность, семью и пр., надо разбить старую веру, они и объявили, что они атеисты.

«Всякий неверующий и равнодушный решительно не может понять и никогда не поймет ни русского народа, ни русской народности...»

У нас вся народность основана на христианстве. Слово «крестьянин», слово «Русь православная» — суть коренные наши основы. У нас русский, отрицающий народность (а таких много) есть непременно атеист или равнодушный. Обратное: всякий неверующий и равнодушный решительно не может понять и никогда не поймет ни русского народа, ни русской народности...».

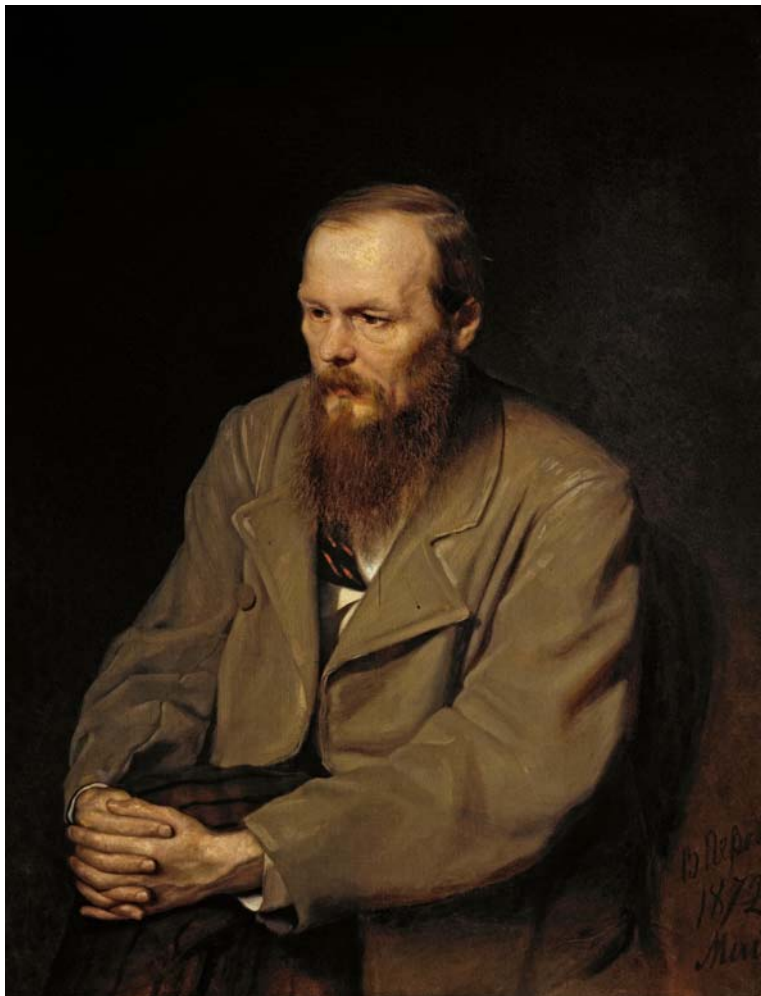
Согласно идейному наследию Достоевского и Победоносцева, союз Церкви и монархического государства определен историческими особенностями России, и по мнению обоих философов, был союзом жизненно необходимым. Монархическая власть, стоящая на православной вере, являлась главным фактором формирования и развития национального самосознания, а отсюда культурного развития в самых разных областях русской жизни.

«В Православной вере Россия нашла духовную стихию, которая ее спасла, — писал Победоносцев. — Только полная самобытность веры, от которой не должно быть никаких отступлений, спасет сейчас Россию, когда происходят столь бурные религиозные и политические события на Востоке и на Западе... Важнейший исторический долг, жизненная потребность России — сохранить Православную веру от всех нападков, с какой бы стороны они не исходили».

Федора Михайловича, как и Константина Петровича, интересовал явный и скрытый смысл таких понятий как «реформы», «демократия», «либерализм», «свобода», «народоправие», «роль интеллигенции в обществе», «нравственность». Оба философа задавались вопросом: в какую форму отольется европейский опыт в России?

«Они (европейцы — Ю.К.) признали нас чуждыми своей цивилизации, пришельцами, самозванцами, — писал Достоевский. — Они признают нас за воров, укравших у них просвещение, в их платье переодетых. Всему этому есть одна чрезвычайная причина: идею мы несем вовсе не ту, чем они, в человечество — вот причина! И это несмотря на то, что наши «русские европейцы» изо всех сил уверяют Европу, что у нас нет никакой идеи, да и впредь быть не может, что Россия и не способна иметь идею, а способна лишь подражать... Европа нас готова хвалить, по голове гладить, но своими нас не признает, презирает нас втайне и явно, считая низшими себе как людей, как породу, а иногда так мерзим мы им, мерзим вовсе, особенно когда им на шею бросаемся с братскими поцелуями».

Развивая эту мысль, Достоевский в «Дневнике писателя» размышлял: «...русская душа, что гений народа русского, может быть, наиболее способна изо всех народов вместить в себе идею всечеловеческого единения, братской любви, трезвого взгляда, прощающего враждебное, различающего и извиняющего несходное, снимающего противоречия. Это не экономическая черта, это никакая другая, это лишь нравственная черта...»

Портрет
Ф.М. Достоевского
работы В.Г. Перова.
1872. Третьяковская
галерея

В «Морском сборнике» К.П. Победоносцев напишет: «Горький исторический опыт показывает, что демократы как скоро получают власть в свои руки, превращаются в тех же бюрократов, на коих столь сильно негодовали. Демократическая форма правления — самая сложная и самая затруднительная из всех известных в истории человечества... Государственная власть призвана действовать и распоряжаться; действия ее — суть проявления единой воли, — и без этого немислимо никакое правительство...».

По мнению Победоносцева, «парламент есть учреждение, служащее для удовлетворения личного честолюбия и тщеславия и личных интересов представителей».

Особенно близким для обоих мыслителей было философское обоснование понятия «свободы», о котором так много шума подняла тогда либеральная пресса. «В нынешнем образе мира полагают свободу в разнузданности, — писал Достоевский в «Дневнике», — тогда как настоящая свобода — лишь в одолении себя и воли своей, так, чтобы под конец достигнутого такого нравственного состояния, чтобы всегда во всякий момент быть самому

себе настоящим хозяином. А разнузданность желаний ведет лишь к рабству вашему... Вот почему чуть-чуть не весь нынешний мир полагает свободу в денежном обеспечении и в законах, гарантирующих денежное обеспечение... А между тем, это в сущности не свобода, а опять-таки рабство, рабство от денег».

Рассуждая об интеллигенции, Достоевский призывал ее «на время замолкнуть», «послушать голос народа» и «поучиться у него социальному непониманию».

Характеризуя основные черты русского либерализма, Федор Михайлович писал, что это «страшное презрение к народу... Русскому народу ни за что в мире не простят желаний быть самим собой... Все черты народа осмеяны и преданы позору... вера, кротость, подчинение воле Божьей. Самостоятельный склад наш, самостоятельный склад понятий о власти». Что касается либералов, то Достоевский в подготовительных материалах к «Бесам» (1870) в их адрес делал следующие оценки: «Наши либералы — самые отсталые ретрограды... Партия национальная — лишь залог силы и будущности...»

Но главный вопрос, который волновал обоих философов, был вопрос о путях дальнейшего развития России. Такой высокий организм, как Россия, должен сиять и огромным духовным значением... «Одной материальной выгодой, одним «хлебом» — такой высокий организм, как Россия, не может удовлетвориться... Такой народ не может внушать опасения за порядок, это не народ беспорядка, а народ твердого воззрения и уже ничем непоколебимых правил, народ-любитель жертв и ищущий правды, и знающий, где она, народ крепкий, но сильный, честный и чистый сердцем, как один из высоких идеалов его — богатырь Илья Муромец, чтимый им за святого...».

По убеждению Достоевского, «нации живут великим чувством и великою, всех единящею и всех освещающею мыслью, наконец, когда народ невольно признает верховных людей с ним заодно, из чего рождается национальная сила, — вот чем живут нации, а не одной лишь биржевой спекуляцией и заботой о цене рубля». И далее: «Общество основывается на началах нравственных: на мясе, на экономической идее, на претворении камней в хлебы — ничего не основывается».

В романе «Братья Карамазовы» содержится пророчество Достоевского о путях и целях России. Законченная концепция «русского пути» была изложена Достоевским 8 июня 1880 г. в речи на открытии памятника Пушкина в Москве, написанная не без влияния Победоносцева.

К.П. Победоносцев

Царская власть высоко оценила и писателя Ф.М. Достоевского. Она признает его «как выразителя своих основополагающих воззрений и предначертаний». Среди его почитателей — члены Императорской семьи, особенно ее молодые представители. Сыновья Александра II Сергей и Павел Александровичи зачитываются

«Меня упрекают будто я тянул Россию вспять. Но это неверно, а верно то, что я смотрю на Россию как на величественное здание, построенное на прочном фундаменте, с которого разные шарлатаны пытаются его стащить, чего я допустить не желаю».

произведениями Федора Михайловича. Знает книги Достоевского и Александр II. Он высоко ценит преданность писателя самодержавию, его мысли о необходимости воспитания молодежи в православии и высоконравственном духе... Встречи с Федором Михайловичем оказались благотворными для Сергея и Павла, и приглашения Достоевского со стороны членов царской семьи приняли регулярный характер. Тесные контакты сложились у Достоевского с семьей великого князя Константина Николаевича.

Идеи Достоевского оказали большое влияние на формирование мировоззрения великого князя Александра Александровича, будущего императора Александра III.

В январе 1881 года, когда Ф.М. Достоевский умер, цесаревич и цесаревна выразили глубокое соболезнование семье покойного: «Очень и очень сожалею о смерти бедного Достоевского. Это большая потеря и положительно никто его не заменит. Граф Лорис-Меликов уже докладывал сегодня государю (Александру II — Ю.К.) об этом и просил разрешения материально помочь семейству Достоевского». На погребение писателя была выделена большая сумма. Вдове и детям Достоевского назначена пенсия в две тысячи рублей, и, наконец, у церковных властей было получено разрешение похоронить писателя в Александро-Невской лавре.

Талант К.П. Победоносцева как и талант Ф.М. Достоевского были высоко оценены императорской властью. В судьбе Победоносцева важной вехой было его зачисление в 1861 г. Императором Александром II в группу авторитетных наставников будущих российских венценосцев.

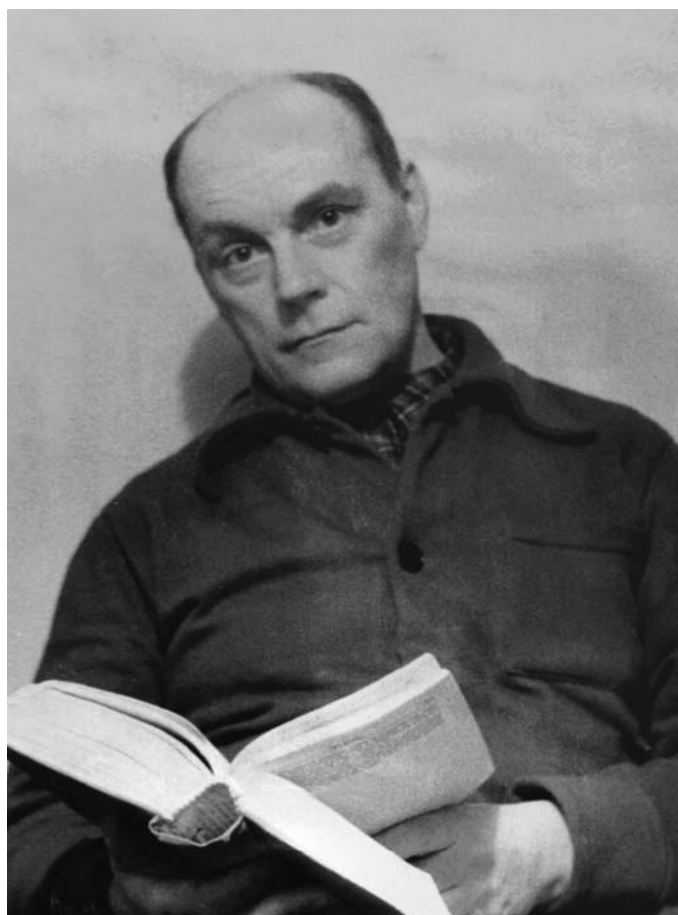
Наставничество Победоносцева длилось десятилетия. Россия благодаря Александру III приняла идеологию монархической государственности и русской национальной самобытности, в противовес радикализму и революционному космополитизму, а император Александр III стал великим миротворцем и успокоителем нации.

В последние годы жизни К.П. Победоносцев писал, что истины о совести и Боге, чести, служении отечеству и своему народу уходят, а на место их приходит — торжество прагматизма, погоня за успехом, чинами и деньгами. Отвечая на выпады своих врагов в последние годы жизни, Константин Петрович писал: «Меня упрекают будто я тянул Россию вспять. Но это неверно, а верно то, что я смотрю на Россию как на величественное здание, построенное на прочном фундаменте, с которого разные шарлатаны пытаются его стащить, чего я допустить не желаю. Фундамент этот — православие и самодержавие. Я ничего не имею против надстроек над зданием, если они отвечают фундаменту и общей архитектуре векового здания, но фундамент должен оставаться прочным и нетронутым». И далее: «Человек делает историю, но столь же верно и еще более значительно, что история образует человека. Человек может узнать и объяснить себя не иначе как всюю своей историей». **ИБ**

«И ПОЗНАЕТЕ ИСТИНУ...» *Возвращение имени Александра Солодовникова*

Елена Глебова

В издательстве «Кордис» (Магадан — Санкт-Петербург) вышла книга русского духовного поэта XX века Александра Солодовникова «Сеймчанский след». На книжном фестивале «Красная площадь» в Москве ее включили в топ десяти самых редких изданий. Это не удивительно, потому что спустя почти шестьдесят лет читателю открылся самый трагичный, колымский период жизни и творчества потомка знаменитой семьи русских кондитеров Абрикосовых, поэта и драматурга, стоявшего у истоков создания советской детской литературы.

*Александр
Солодовников.
Сеймчан. 1950*

Имя Александра Александровича Солодовникова (1893–1974), практически забытое, вернулось только в конце 1990-х. В журналах и газетах стали появляться подборки его стихов, в 1993 году, к 100-летию со дня рождения поэта был создан телевизионный документальный фильм «Слава Богу за все» о его жизни и творчестве. Первая книга «Я не устану славить Бога» увидела свет в 2006 году при поддержке Русского общественного фонда Александра Солженицына и протоиерея Николая Соколова — настоятеля храма святителя Николая в Толмачах при Государственной Третьяковской галерее. Издательство «Деоника» выпустило мультимедийную книгу-диск «Я не устану славить Бога» и диск с записью музыкального радиоспектакля по пьесе А. Солодовникова «Джон — веселое сердце», а в 2010 году была опубликована вторая книга «...В светлом саду христианства» — полное собрание стихотворений поэта, пять его пьес для домашних рождественских спектаклей, рукописный нотный сборник и воспоминания современников.

Новое издание «Сеймчанский след» посвящено 125-летию со дня рождения Александра Солодовникова и 80-летию начала массовых политических репрессий в нашей стране в 1937 году. Его главную часть составляют разделы, построенные на материалах магаданского историка-краеведа С.В. Будниковой, пред-

Обложка книги А. Солодовникова «Сеймчанский след»

Среднеканский Дом культуры. Сеймчан. 1950-е

А.А. Солодовников с воспитанниками детского сада. Сеймчан. Начало 1950-х.

ставившей архивные документы и новые факты пребывания поэта в колымском поселке. «Прошло уже более 60 лет с тех пор, как Александр Солодовников покинул Сеймчан. Казалось, что все свидетельства его пребывания на Колыме утрачены безвозвратно, — размышляет издатель С.А. Склеинис. — Но стоило проявить интерес к имени поэта, и оно вернулось из небытия. Его помнят старые колымские газеты, архивные документы...»

В общей сложности Солодовников провел на Колыме 16 лет: шесть из них в заключении, оставшийся срок на поселении в Сеймчане. В Москву смог вернуться только в 1956 году, получив справку о реабилитации. В беседах он практически никогда не касался того мучительного времени. Когда ему предлагали записать воспоминания о лагерном прошлом, отказывался. О Колыме говорил: «Я видел там все...»

«Сеймчанский след» стал частью большого научно-исследовательского проекта Магаданского областного краеведческого музея по воссозданию колымского

периода жизни и творчества Александра Александровича Солодовникова. Юность правнука «кондитерского короля России» Алексея Ивановича Абрикосова, получившего блестящее образование в Императорской Московской практической академии коммерческих наук и на юридическом факультете Московского университета, пришлось на тяжелое революционное и послереволюционное время. Таким как он редко удавалось уцелеть в стране красного террора. Первый арест, резко изменивший всю его жизнь, произошел в 1919 году. Солодовникова обвинили в принадлежности к контрреволюционной группировке и заключили в Бутырскую тюрьму. Здесь один из охранников дал ему небольшую икону преподобного Сергия Радонежского. Она сохранилась до наших дней, на оборотной стороне есть надпись, сделанная рукой Александра Александровича: «Образ пр. Сергия. В камере вн. тюрьмы ВЧК. X. 1919. Оставалась в углу от тех дней, когда здесь была гостиница. Охрана стала снимать. Я упротил отдать этот образ мне. С тех пор берег». В

Бутырке Солодовников провел полгода, затем его перевели в главную городскую тюрьму Саратова, где он отсидел два года. Знак того времени — сохранившийся карандашный портрет поэта, сделанный сокамерником Иосифом Банчувом. Под портретом художник написал слова Иисуса Христа из Евангелия: «И познаете истину, и истина сделает вас свободными».

Трижды Александра Солодовникова арестовывали по ложным обвинениям, но ему удавалось добиваться освобождения. В 1939-м все сложилось иначе: его осудили сроком на шесть лет и сослали на Колыму, на молибденовые рудники. Это чудо, что он остался жив, что не сломался, не потерял веру. «Здесь одно спасенье — молиться / И о детстве думать ночами».

Александр Солодовников писал стихи с юности. В лагере и позднее, когда жил в Сеймчане, они тоже стали для него утешением. В прошлой жизни, еще в Москве, он был членом Всероссийского Союза поэтов при Наркомпросе. По понятным причинам не мог публиковать стихи на духовные темы, поэтому сочинял для детей, печатался в книгоиздательстве Мириманова, в журнале «Искорка». Создавал пьесы, и его «Колька Ступин» шел в Московском детском театре. В условиях несвободы — в бараке, на поселении — творчество не прерывалось. В Сеймчане Александр Александрович играл в спектаклях драматического кружка местного клуба, работал в детском саду музыкальным руководителем, писал стихи и музыку.

Книга «Сеймчанский след» получила название от небольшой тетради «Сеймчанские следы» (Сеймчан. 1946–1956). В нее Солодовников клеивал вырезки из местных газет, статьи, где упоминалось его имя. Тетрадь эту Александр Александрович при жизни никому не показывал, долгое время она хранилась в его личном архиве, и только в 2015 году копию этого бесценного документа и еще ряд материалов (фотографии, личные вещи, рукописи) передала Магаданскому областному краеведческому музею троюродная сестра Солодовникова Анна Петровна Шпакова, живущая в Москве.

В новой книге представлено поэтическое наследие Александра Солодовникова, охватывающее все периоды его жизни — от 1914 до 1974 года. Получился объемный и многогранный портрет поэта, который говорил: «Моя автобиография — это мои стихи». По словам протоиерея Николая Соколова, поэзия Солодовникова очень автобиографична: «Это поэтический человеческий документ — стихи чудом выжившего узника сталинской каторги. Если даже не знать судьбу автора, то достоверность боли в его строчках не вызывает сомнения».

Каждый из восьми разделов предваряют вступительные статьи составителей — А.П. Шпаковой и заместителя директора Магаданского краеведческого музея С.П. Будниковой. В книге богатый иллюстративный материал и обширная библиография, в при-

*Александр Солодовников за рабочим столом.
Москва. 1960-е.*

ложении впервые публикуются некоторые архивные личные документы А.А. Солодовникова из фондов Государственного архива Магаданской области. Оформил «Сеймчанский след» магаданский художник Владимир Мягков.

Книга достойно начала свой путь в 2017 году и сразу получила высокую оценку. На Шестом Дальневосточном региональном конкурсе изданий вузов «Университетская книга — 2017» она признана лучшей в номинации «Историко-биографическое, краеведческое издание», на выставке «Печатный двор» во Владивостоке отмечена золотой медалью в номинации «Поэзия», на открытом межрегиональном конкурсе «Книга года: Сибирь — Евразия — 2017» — призовым местом в номинации «Лучшая краеведческая книга». Так Александр Солодовников вновь вернулся на Колыму, но уже не сидельцем ГУЛАГа, как точно подметила И. Борщевская в статье «Сеймчанский след выдающегося поэта», а нашим духовником в постижении веры, надежды и любви. **ИБ**

В материале использованы фотографии из фондов Магаданского областного краеведческого музея.

НА ПЕРЕКРЕСТКЕ ЭПОХ

Ольга Калинина

В 2002 году мне посчастливилось познакомиться с Эдвардом Васильевичем Ртвеладзе — академиком Академии наук Республики Узбекистан, доктором исторических наук, профессором, лауреатом государственных премий. Накануне его 60-летия, меня, корреспондента республиканской газеты, отправили к нему за интервью. Честно говоря, я и не мечтала встретиться с ним. Выдающийся ученый с мировым именем казался мне человеком совершенно недостижимым. Но когда я позвонила ему с сильно бьющимся от волнения сердцем, — он очень просто, без лишних слов согласился на встречу. И впоследствии никогда не отказывал в общении, ссылаясь на безмерную занятость.

Но он и в самом деле безмерно занят. Каждый час, каждую минуту. Подъем в четыре утра. Зарядка, водные процедуры. В зависимости от настроения чай или кофе и — за рабочий стол часа на три, пока все спят. Дома он редактирует работы современных ученых, исторические труды, пишет свои книги. И это лишь часть той огромной работы, которую он ведет. Потом он едет в Академию наук или Институт искусствознания АН Республики Узбекистан. На трамвае. Возвращается к ужину, поздно вечером. В 23.00–24.00 — отбой. В теплое время года всегда спит на открытом воздухе, во дворе своего дома. А утром снова за работу.

Его вообще очень сложно представлять. Это довольно внушительный перечень высоких званий и наград, исследовательских работ, монографий, тем, экспедиций. Это крупнейшие сенсационные открытия, педагогическая деятельность, своя школа, десятки учеников, работающих во многих странах мира. История, археология, нумизматика, культура и искусство Центральной Азии, Кавказа и соседних стран... Он внес неоценимый вклад в исследования истории цивилизаций и государств Центральной Азии, взаимоотношений культур и религий различных стран Евразийского материка. Автор более 800 научных

работ и монографий, посвященных фундаментальным проблемам истории, археологии, культуры, товарно-денежным отношениям Центральной Азии. Научный руководитель и основатель Тохаристанской экспедиции, ведущей многие годы стационарные раскопки всемирно известного памятника — городища Кампыртепа, расположенного в Сурхандарьинской области Узбекистана. Во многом благодаря Э.В. Ртвеладзе, на основании договора между Россией и Узбекистаном, в 2001 году была создана Международная Узбекско-Российская Тохаристанская археологическая экспедиция, в работе которой эпизодически принимают участие ученые Франции, США, Южной Кореи, Японии. Многолетняя совместная деятельность ученых из разных стран дает уникальные научные результаты, а сделанные открытия ставят работы Тохаристанской экспедиции в ряды мировых.

ЧЕЛОВЕК МИРА

... Я вглядываюсь в него, пытаюсь осознать всю его значимость как ученого. И не могу. Так же когда-то в юности я долго смотрела в ночное небо Чимгана, где горели, дрожали и словно тянули к себе — в необозримый бесконечный мир космоса — крупные яркие звезды. Сначала был восторг! Но потом стало жутко. От недостижимости вели-

Эдвард Васильевич Ртвеладзе

кой тайны, от этой страшной беспредельной красоты.

С Эдвардом Васильевичем безумно интересно говорить, вернее, слушать его — кажется, он знает все на свете и может ответить на любой вопрос. Он жизнелюбив, необыкновенно прост и обладает несокрушимой человеческой добротой и сердечной щедростью.

— Да, я прост и неприхотлив, — улыбается Эдвард Васильевич. — Меня и за электрика принимали в родном НИИ, и за подростка (со спины). Я хожу пешком, езжу на работу в троллейбусах и трамваях. И никогда не забываю, как во времена студенчества разгружал вагоны. Средства, которые зарабатывал, полностью вкладывал в науку — раскопки, издания книг.

Порядка ста его научных работ посвящено истории денег, но он совершенно равнодушен к материальным ценностям.

— Думаю, для человека главное — не материальные блага, ради приобретения которых кто-то пускается во все тяжкие, а кто-то едет искать пресловутый заморский рай. Лично я не хочу жить в раю. Я хочу жить в мире.

Для него превыше всего духовное богатство, книги, которые он не устает приобретать и которые ему присылают из разных концов земли. На сегодняшний день у него лучшая библиотека в Центральной Азии.

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ

— От какого слова происходит ваша фамилия?

— «Ртвелос» означает урожай, сбор винограда, первое молодое вино. Словом, самый большой праздник.

— Довольно символично. Многие сегодня стремятся докопаться до своих корней, чтобы выявить в роду принадлежность к «голубой крови». Как вы к этому относитесь?

— Я бы назвал это не совсем здоровой тенденцией — поиск своих именитых предков, непременно только графов да князей, в ущерб тому факту, что основу общества во все времена составляли не аристократы, а люди труда, — говорит Эдвард Васильевич. — Моя мать окончила четыре класса — было такое время и так сложились обстоятельства, что не до учебы было. Отец свои университеты проходил в высокогорном селении, куда лишь время от времени наезжал учитель. Но я этого не стыжусь. Наделенные большим природным умом и житейской мудростью, родители воспитали нас в любви и уважении друг к другу. В нашем доме всегда царил атмосфера тепла, доброты, взаимопонимания.

Эдвард Васильевич родился в 1942 году в городе Боржоме (Грузия). Через несколько лет семья переехала на Северный Кавказ — в Кисловодск. С ранних лет у него

Эдвард Васильевич Ртвеладзе на раскопках

Михаил Евгеньевич Массон

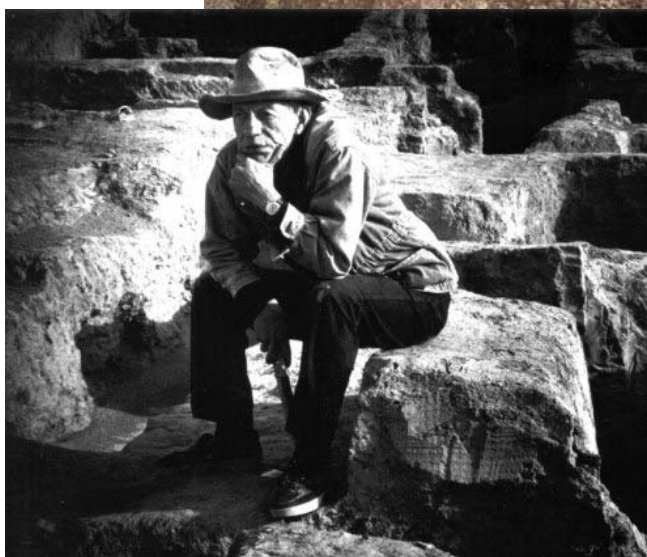
появился интерес к истории и археологии. В десятилетнем возрасте вместо сказок он уже читал серьезные книги, которые не читали его сверстники — Пржевальского, русских путешественников, азиатских писателей. В его воображении рождались образы легендарных узбекских городов — Самарканда, Бухары, Хивы... Его влекло к этому. Он записался в кружок по археологии краеведческого музея. Начал серьезно заниматься кавказской археологией, писал статьи по истории. В Кисловодске и познакомился со своими будущими учителями — профессорами Михаилом Массоном, одним из основоположников археологической школы Узбекистана и его женой Галиной Пугаченковой. Они приезжали в Кисловодск отдыхать. «Массону, наверное, понравились мои рассуждения о науке, и он предложил мне поработать в археологической экспедиции, — вспоминает Эдвард Васильевич. — Так я получил свой первый практический опыт, проработав два месяца в песках Туркмении на городище Старый Мерв, еще не будучи студентом. Сразу после окончания школы я добровольно вышел из комсомола, решив уже тогда, что

членство в комсомоле и партии несовместимо со свободой действий и суждений в науке. Думал поступать в Ростове или Москве на факультет археологии, но Михаил Евгеньевич пригласил меня на учебу в Ташкентский университет, где он заведовал кафедрой археологии. Уговорить меня не стоило большого труда. Я приехал в Ташкент в апреле 1962 года и сразу отправился в экспедицию к Галине Анатольевне Пугаченковой, которая также стала моим учителем».

В ПОХОД ЗА ЗНАНИЯМИ

Как вспоминает Эдвард Васильевич, в годы его учебы на кафедре археологии царила блестящая плеяда ученых. Четко и просто, подкрепляя положения своей невероятной эрудицией, глубоким знанием советской, русской и зарубежной литературы, читала свой курс «История архитектуры Средней Азии» Галина Анатольевна Пугаченкова. Все ее лекции были основаны на собственных полевых исследованиях, что делало материал особенно ценным. Да и экзамены она принимала в формате обсуждения научных вопросов. В отличие от многих, она считала студента не экзаменуемой единицей, а своим коллегой, собеседником, — свидетельство высочайшей культуры приема экзаменов, неведомое большинству преподавательского состава, особенно в нынешнее время.

У Михаила Евгеньевича манера чтения лекций была более строгой и даже несколько жесткой. Начиная лекцию, он неизменно запирает аудиторию на ключ, и в течение двух часов покинуть ее было невозможно. Его лекции по нумизматике Средней Азии и исторической топографии среднеазиатских городов отличались беспримечной доскональностью, использованием фактов из огромного круга источников, древних и средневековых.

Эдвард Васильевич Ртвеладзе на раскопках

Развалины цитадели Узун-Дара. Источник: ИА РАН

«Моим занятиям эпиграфикой и изучению письменных источников во многом способствовало то, что на кафедре археологии преподавался персидский язык, а с четвертого курса ввели и арабский. Все это послужило тому, что, начав на четвертом курсе писать статью «Поход Темура на Северный Кавказ», я мог читать свидетельства персидских авторов на языке оригинала. В те же годы я стал изучать различные средневековые письменные источники».

ПУГАЧЕНКОВА

Благодаря своей журналистской работе, посчастливилось мне познакомиться и с Галиной Анатольевной Пугаченковой. В январе 2003 года, накануне ее дня рождения, я оказалась у нее в гостях в знаменитом в Ташкенте доме специалистов на набережной Анхора. В квартире, где всегда царит атмосфера «творческих сумерек», — старинное черное фортепиано с медными канделябрами, картины, керамика, японские нецке, туркменские ковры и книги, книги, книги... Домашняя библиотека Михаила Массона и Галины Пугаченковой — одно из самых крупных специализированных собраний в Узбекистане.

В свои 88 лет Галина Анатольевна поразила меня подтянутостью, живостью ума, великолепной памятью и чувством юмора. Она по-прежнему встречается с коллегами, щедро делится своими знаниями — консультирует студентов и аспирантов. Поистине, легенда — вне времени, вне возрастных законов. А легенд о ней, вернее, вариаций на тему о ее жизни и творческой деятельности было порождено немало. «Отношение к ней, как и ко всякому незаурядному человеку, всегда было неоднозначным, — говорит Эдвард Васильевич, ее ученик и сподвижник. — С одной стороны — безусловное преклонение перед ее талантом, с другой — критика ее творчества, неприятие ее, граничащее порой с ревностью и завистью. Особенно этим страдали ученые мужи, ведь затрагивалось самое сокровенное — мужское самолюбие. Как же так: женщина по всем статьям опережает их».

Кандидат архитектуры, доктор искусствоведения, профессор, действительный член Академии наук Узбекистана, заслуженный деятель наук Республики Узбекистан, лауреат госпремий имени Хамзы и Беруни, почетный кавалер французских Академических пальм, почетный доктор Страсбургского университета, член-корреспондент Германского археологического института и Итальянского института Среднего и Дальнего Востока. Ну чем не легенда?!

Слушаю ее с величайшим интересом, боюсь шелохнуться. Наверное, так же, затаив дыхание, слушали ее лекции студенты — об участии в археологических экспедициях, уникальных находках, научных открытиях.

Как удивительно порой переплетаются людские судьбы! Ей было 13 лет, когда она приехала в гости к своему отцу, который жил в Самарканде. И увидела восточную сказку — Регистан, Холм Афросиаба, мечеть Биби-Ханым, Гур-

Галина Анатольевна Пугаченкова

Эмир... «Я как замороженная бродила по городу, словно перелистывала страницы живой красочной книги об истории Самарканда. В неброской витрине, рядом с Гур-Эмиром, увидела брошюры о памятниках, автором некоторых из них был какой-то М. Массон. «Какая необычная фамилия, — подумалось мне. — Может быть, его предок был масоном?» Дома рассказала об этом отцу, и он, порывшись в своей библиотеке, отыскал одну книжечку М. Массона «Соборная мечеть Темура, известная под именем мечети Биби-Ханым». Книжку открывал эпитафия — «Ее купол был бы единственным, если бы небо не было его повторением: единственной была бы арка, когда бы Млечный путь не оказался ей парой...». Как это было прекрасно, как отвечало тому настроению, с которым я утром увидела памятник! Я уезжала, увозя с собой навсегда немеркнувшее восхищение памятниками самаркандского зодчества. И еще — почему-то запавшую в память фамилию Массон. Могла ли я тогда подумать, что в ней затаена моя судьба?»

С «живым» Массоном она встретила уже в студенчестве, когда он в университете возглавлял кафедру археологии, и пригласил ее принять участие в термезской экспедиции.

— Влюбленные больше по паркам бродят, а вы по руинам Старого Термеза...

— Да, — улыбается Галина Анатольевна, — так и было. Но сколько интересного я от него услышала, сколько узнала о своей будущей работе! А сейчас... Помните, как у Померанцева: «Так унижительно стареть, так невпопад, так неумело, и, съездившись, у печки греть свое слабеющее тело?..». Успокаивает единственное — жизнь прожита не зря.

Умерла Галина Анатольевна Пугаченкова 18 февраля 2007 года. Похоронена на Домбрабадском кладбище Ташкента рядом со своим мужем Михаилом Массоном.

НАУКА КАК ПОТРЕБНОСТЬ ДУШИ

Так, начав заниматься Средней Азией еще в студенческие годы, Эдвард Васильевич навсегда связал свою жизнь с Узбекистаном.

Из интервью газете «Народное слово» 24 января 2003 года. — *Чем объясняется такой повышенный интерес к этому региону?*

— Здесь нет ничего удивительного, — говорит Эдвард Васильевич. — Среднеазиатское Двуречье — это центр, начало начал, перекресток человеческих цивилизаций. Здесь заложены богатейшие исторические пласты, привлекающие ученых всего мира. И работы — непочатый край. В общей сложности лет 20, а то и больше, провел я в экспедициях, каждая из которых стала для меня новым открытием, проверкой своих идей и знаний.

Он всегда с нетерпением ждет наступления весны — начала очередной экспедиции, встречи с «живым» материалом.

— Невозможно передать словами ощущение соприкосновения с памятником, когда дотрагиваешься до него инструментом, и тебе открывается истина, в поисках которой столетиями билась наука, — говорит Эдвард Васильевич. — Ну чем не романтика — сидишь на раскопках и вызываешь образы его обитателей. Как они здесь появились, зачем, как жили, почему покинули эти места или погибли?.. Такая романтика намного сложнее математических задач, так как связана с деятельностью

Городище Кампыртена.
Фото с сайта www.uzbekistan.travel

человека, а человек может действовать непредсказуемо. Но когда я начинаю осмысливать какой-то культурный слой, а ведь бывает, что «нарастают» они, как пироги, до 10 метров — я испытываю высочайший душевный подъем, настоящий восторг. Я живу своей работой, и, наверное, умер бы, если бы у меня это отняли.

— *Трудно представить, что Самарканду, Термезу, Хиве, Бухаре тысячи лет...*

— Уже найдены более древние слои, отражающие исторические процессы, периоды существования, свидетельствующие о более раннем зарождении здесь цивилизации. Раскопки сдвигают исторические даты вглубь тысячелетий, далеко за грань минувших эпох. Узбекистан может гордиться своей историей. Надо сказать, что Средняя Азия дала миру целую плеяду блестящих ученых, оказавших огромное влияние на развитие науки. Это Фаргони, Хорезми, Термези, Беруни, Бухари... Это все совершенно незаурядные личности. Чрезвычайно интересные, достойные восхищения. С огромным уважением отношусь к Бухари — гениальному исследователю хадисов. Не исключено, что он был одним из первых в мире, кто столько сделал в области гуманитарных наук. Высокоцитимый в мусульманском мире, он был не только священнослужителем, но и блестящим ученым-богословом. Совершенно бесспорны заслуги выдающегося полководца и государственного управителя Амира Темура. В 1966 году вышла моя работа «О походе Темура на Северный Кавказ». Спустя два года — «Клад монет Темура». В монографии, вышедшей в 1996 году, «Амир Темура в мировой истории» всесторонне исследована его деятельность и его эпоха. Действовавший в соответствии со своим временем, он

заложил основы государственного обустройства, дал развитие наукам, искусству, оживил торговлю, восстановил движение по Великому шелковому пути.

В своей деятельности Эдвард Ртвеладзе исследовал колоссальные пласты истории и культуры региона, старые и новые маршруты Великого шелкового пути. Одна из последних книг, можно сказать, открытие — «Великий индийский путь», существование которого он доказал не только своими исследованиями письменных источников, но и археологическими данными.

Монография вышла в Санкт-Петербурге к 70-летию юбилею ученого.

— В этой книге я доказываю существование Великого индийского пути, который возник гораздо раньше Великого шелкового пути, и о нем мало кто знает, — говорит Эдвард Васильевич. — Это был трансконтинентальный путь, соединявший в ту пору Европу и Азию. Истоки этого пути уходят в III–II тысячелетие до нашей эры, а его расцвет приходится на эпохи эллинизма и поздней античности. И это была не просто торговая дорога, это была связующая нить между странами и народами, по которой проходили

Городище Дальверзинтепа. Фото с сайта www.meros.org

экономические, культурные и даже политические связи. Начиная с XIX века, на эту тему в разных странах появлялись статьи и материалы, но не было ни одной монографии. Я собрал огромное количество археологических данных, очень ценных письменных источников, свидетельств путешественников, множество различных карт и рисунков.

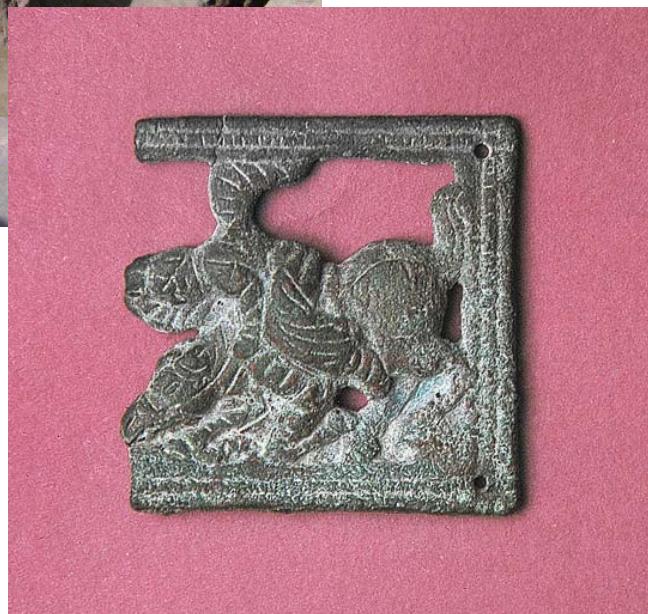
ТОХАРИСТАНСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Так называется и книга, выпущенная в 2009 году в Ташкенте. В ней рассказывается об истории экспедиции, работы которой сосредоточены на одном из интереснейших памятников Северной Бактрии — городище Кампыртепа на юге Узбекистана, включая исследования его окружи и памятников, расположенных в прилегающих районах. Организатор и бессменный руководитель ТЭА — Эдвард Васильевич Ртвеладзе, открывший городище Кампыртепа в 1972 году.

Экспедиция, без преувеличения сказать, — его детище. Именно сюда он рвется каждую весну, именно здесь проводит, без сомнения, лучшую часть своего рабочего времени. Сколько раз в этих среднеазиатских песках в 45-ти градусную жару он мысленно следовал по древним караванным путям, по следам армий Александра Македонского! Сколько часов просиживал на раскопках, размышляя об Индийском караванном пути, что проходил через древнюю Бактрию на Запад!

В первый период (1979–1991 гг.) это была экспедиция Института искусствоведения (Ташкент), а начиная с 1999 года — Узбекско-российская экспедиция (с участием ученых из других стран), работа которой продол-

Поверженный всадник – сак или юечжи. Bronze buckle. Фото с сайта marakanda.net

жается и в настоящее время. За эти годы была создана фундаментальная, по существу, уникальная база научных данных, которыми могут пользоваться ученые, занимающиеся эллинистической и кушанской археологией во всем многообразии ее проявления.

Кампыртепа — яркий пример градостроительного искусства Северной Бактрии, где материально воплощен богатый опыт строителей античной эпохи. По мере осуществления раскопок выявлялась планировка жилой застройки цитадели и жилых блоков за ее пределами, структура уличной сети. Жилые сооружения, открытые на территории городища, позволили судить о среде обитания жителей поселения, их быте и религиозных представлениях.

— Вне всякого сомнения, этот компактный памятник, имеющий приоритетное значение для науки, может стать наиболее выигрышным туристическим объектом с точки зрения его презентабельности для зарубежных гостей, — говорит Эдвард Васильевич. — Ведь это словно мини-

Знатный парфянин. Терракота.
Фото с сайта tarakanda.net

Гемма. Оттиск.
Фото с сайта tarakanda.net

атюрная копия древнего Термеза. Побывав здесь, туристы, как по мановению волшебной палочки, без помощи машины времени, перенесутся на 20 веков в прошлое нашей истории. Они смогут воочию лицезреть не только то, как были устроены античные городские крепостные стены и башни, пронизанные стреловидными бойницами, но и прогуляться по его древним улочкам, заглянуть в жилые дома и храмы этой крепости. Думаю, такое путешествие во времени никого не оставит равнодушным.

У меня в руках книга «Тохаристанская археологическая экспедиция» с автографом Эдварда Васильевича: «Ольге на добрую память. 16 сентября 2011 года»...

ЗОЛОТОЙ КЛАД

У ученого с такой богатейшей практикой есть немало приключений, интересных историй.

— Знаменитый золотой клад, — улыбается Эдвард Васильевич. — В 1973 году на раскопках городища Дальвер-

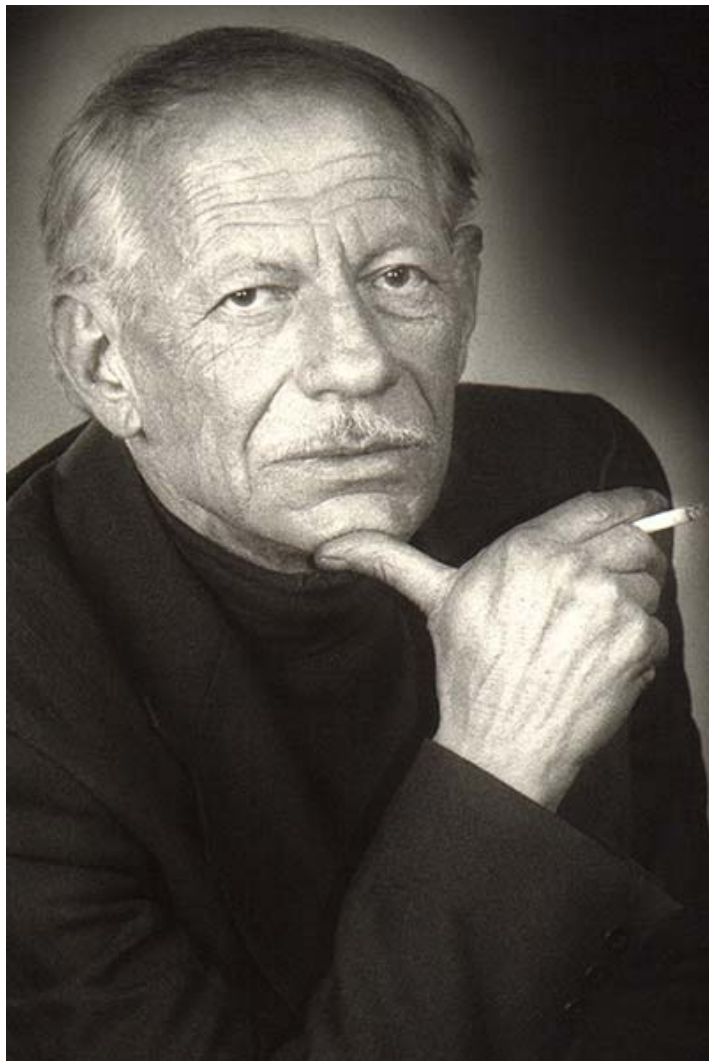
зинтепа в доме Кушанского периода был найден сосуд с золотом, монетами и высокохудожественными ювелирными украшениями. находка, весившая 37 килограммов, поистине была бесценной. Ночью я спал с этим золотом в обнимку. Чтобы не привлекать внимания, мы с коллегой разделили клад на две части и упаковали в полевые сумки. Так и повезли в Ташкент. Часть пути ехали в пассажирском автобусе, и моя сумка, как и весь прочий багаж, лежала в ногах, на полу. Ехал и думал: неужели никто ничего не чувствует, ведь рядом бактрийское золото высочайшей пробы! Конечно, здорово перереволновались, но клад доставили в Ташкент в полной сохранности. Теперь он за семью печатями — достояние государства. Но я иногда его навещаю...

И НЕ ТОЛЬКО НАУКА

... На краешке стола — две книги, которые он только что выложил из рабочей сумки. Первая: «Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья», вторая ... сборник стихов Сергея Есенина.

— У вас еще и на поэзию времени хватает?!

— Да я никогда и не замыкался в рамках чистой науки! В десятом классе прочитал почти всю классику. Очень люблю поэзию — французскую, английскую, русскую, грузинскую... Рембо, Байрон, Китс... Очень внимательно всегда читаю Киплинга. Не все, кстати, знают, что у

Эдвард Васильевич Ртвеладзе

Бальмонта есть великолепный цикл о Востоке, об Авесте. А Валерий Брюсов не только поэт, но и знаток истории, очень интересна его публицистика, посвященная великим средиземноморским цивилизациям. Обожаю русские романы. С удовольствием читаю детективы.

ВРЕМЯ СТАНОВИТСЯ ИСТОРИЕЙ

И вот, совсем недавно, в апреле нынешнего года, в СМИ вышла потрясающая информация — получен сенсационный материал, который ставит точку в споре, что ведут истории более ста лет по поводу границы Бактрии (историческая область на сопредельных территориях Узбекистана, Таджикистана и Афганистана), входившей в состав эллинистических государств восточной части Ойкумены. Юг Узбекистана входил в состав древнего государства Бактрия!

Все этапы истории Бактрии прослеживаются на примере пограничной крепости Узун-Дара, которая была открыта в 1991 году академиком Э.В. Ртвеладзе. Но из-за развала Советского Союза и связанных с ним событий повторные археологические экспедиции не проводились. Новая экспедиция в Узун-Дару состоялась только в 2013 году. Ученые Института археологии Российской Акаде-

мии наук и Института искусствознания АН Узбекистана (San'atshunoslik Instituti) исследовали цитадель бактрийской пограничной крепости Узун-Дара, построенной 2500 лет назад в горах Байсуна на высоте 1700 метров над уровнем моря (Сурхандарьинская область Узбекистана). В IV веке до нашей эры это была территория Бактрии — восточной части Персидской империи. А цитадель является главным и центральным звеном высокогорной оборонительной стены, некогда разделявшей две великие империи — Согд и Бактрию. Согдиана (Согд) — историческая область в Средней Азии в междуречье Амударьи и Сырдарьи между Узбекистаном и Таджикистаном. Центр Согдианы — Самарканд.

Крепость очень хорошо сохранилась: каменные стены на глиняном растворе до сих пор имеют до пяти метров в высоту. Это позволило воссоздать обоснованную и хронологически точную картину жизни пограничной крепости древней Бактрии со времен похода Александра Македонского до падения Греко-Бактрии под ударами кочевников в середине II века до нашей эры.

Бактрия занимала плодородную равнину с множеством оазисов и была окружена горами — горной цепью Гиндукуш на юге и отрогами Памира на востоке и севере. Центральной артерией этих земель была одна из самых крупных рек Среднеазиатского междуречья — Амударья (в античных источниках Окс), на берегах которой в древности возникли крупные города, храмовые комплексы и небольшие крепости на переправах.

К прошлому, 2017 году исследователям удалось вскрыть более 75% всей площади крепости и получить подробный план основных архитектурных сооружений внутри ее цитадели. Собрать более 500 артефактов, раскрывающих детали жизни военного гарнизона на окраине эллинистического мира — сотни наконечников стрел, фрагментов керамики с надписями, орнаментом, лепниной, а также уникальную нумизматическую коллекцию, которая теперь по праву занимает первое место в мире по количеству нумизматических находок эллинистического периода. Подобной коллекцией не может похвастаться даже Британский Музей. Эти находки дают полную картину развития денежного обращения уже в период Антиоха I (295–280–265 гг).

Эдвард Васильевич Ртвеладзе не перестает удивлять научными открытиями и творческим долголетием. То, что достигнуто этим замечательным ученым, позволило всему миру узнать Узбекистан как древнейшую и великую цивилизацию с глубокими историческими и духовными корнями. Его научно-экспедиционная деятельность служит ярким примером истинного, фанатичного служения науке, традициям великих предшественников — Михаила Евгеньевича Массона и Галины Анатольевны Пугаченковой — основателей археологической школы, ставшей той почвой, которая и сегодня питает историческую науку Узбекистана.

14 мая Эдварду Васильевичу исполнилось 76 лет. Желаем же этому выдающемуся ученому новых научных открытий, творческих озарений и долгих-долгих лет жизни!. **ИБ**

ХРАНИМЫ ПАМЯТЬЮ СЕРДЦА

Инга Радова

*Порой сталкиваешься
с настолько
уникальными людьми,
отмеченными яркой*

*индивидуальностью и почти осязаемо глубоким
внутренним содержанием, что обмануться
невозможно ни мудрецу, ни глупцу: Судьба
отметила их печатью избранности. Увидев
такого человека, всякий чувствует: перед
ним — белая ворона, некто не от мира сего...*

Смотрю на портрет Александра Столярова, режиссера, сценариста, писателя, поэта, композитора, художника-мультипликатора — и ясно вижу эту печать, эту «потусторонность», словами Владимира Набокова. Передо мной не лицо, а скорее лик. Тот случай, когда глаза, на самом деле, зеркало души. Его взгляд, всегда серьезный и печальный, даже когда шутил, — темные воды, как на моей любимой картине Поленова. Этот взгляд сканирует тебя и, наверняка, все про тебя знает. Про таких людей я говорю — бездонные. В их внутреннюю ти-

шину бросаешь камень и никогда не слышишь глухого звука его падения.

Александр Столяров родился в 1959 году в Мукачево Закарпатской области. Окончил Львовский политехнический институт по специальности «Архитектура», затем Высшие курсы сценаристов и режиссеров (мастерская научно-популярного кино А.Н. Герасимова). Много работал на киевском и российском телевидении.

Фильмография Александра Столярова насчитывает более сотни документальных и художественных фильмов. Он один из авторов

Александр
Столяров

цикла «Острова» на телеканале «Культура». Снял целый ряд фильмов для проекта «Больше, чем любовь» для того же канала. Фильмы, созданные в рамках этих телециклов, рассказывают о духовном пути гениев разных стран и эпох. Среди них: «Я — Моцарт», «Памятник Параджанову», «Нана + Ираклий=Кино», «Александр Вампилов: я буду жить долго-долго...», «Из жизни Венедикта Ерофеева», «Лу Саломе. Жизнь без любви», «Милый лжец Василий Качалов», «После Пушкина»...

Столяров — создатель и художественный руководитель детского театра «Театр Андерсена». Член Союза кинематографистов РФ и Российской академии кинематографических искусств «Ника». Номинант премий «Ника» и «Тэффи», лауреат и призер многочисленных российских и зарубежных фестивалей. Автор песен, пьес, рассказов.

Еще жить бы да жить, но, к несчастью, 26 июля 2017 года Александр Николаевич Столяров скоропостижно скончался. Ему было лишь 57 лет...

5 декабря на вечере памяти в Московском Доме кино решением Оргкомитета жюри III Международного кинофестиваля «Отцы и Дети» Александру Столярову присужден Специальный приз «За вклад в кинематограф».

Он был убежден: «Ты живешь, только когда отдаешь. Когда берешь — ты умираешь». Так что мы можем найти некоторое утешение в

мысли, что, как художник, Александр Столяров не ушел: он и сейчас беседует с нами своими фильмами, книгами — отдает себя через них.

«Алтарь современного кинематографа — касса», — говорит Столяров в своем фильме «Памятник Параджанову». Но он пришел в режиссуру не ради славы и денег: если бы захотел, и то, и другое было бы у него в избытке. «Суть профессии режиссера — вызывать у зрителя доброе чувство, свет в душе», — считал он. Подход Александра Столярова к съемочному процессу тоже был принципиально прагматический, несовременный: «Фильм снять о человеке невозможно. Можно только полюбить этого человека. И если удастся эту любовь запихнуть в кадр — кино случается».

По внутреннему складу Александр был искателем. Наверное, о таких сказано: «Блаженны алчущие и жаждущие правды». Нашел ли он свою правду? Думаю, да. Она и явилась основным содержанием его фильмов.

Нашел и свой стиль. Режиссерский почерк Столярова узнаваем: внутренняя цельность, собранность, строгая простота, как в поздней поэзии Пастернака, эlegantная тонкость, ироничное повествование, при этом ощущение сопричастности к чему-то исключительно важному, вневременному, как в фильмах Тарковского.

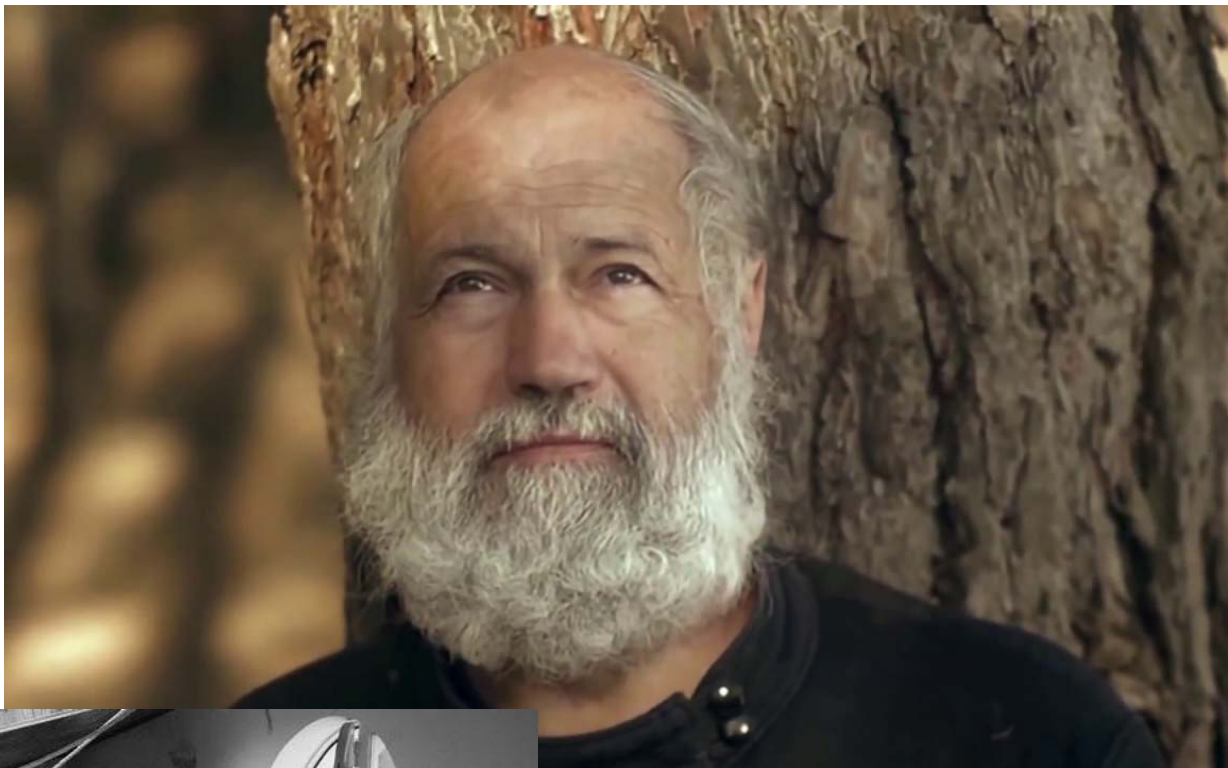
Ощущение от погружения в пространство его фильмов у меня примерно такое, как от пьес Чехова, где отсутствует «сквозное действие», зато есть подспудное внутреннее единство всего со всем; где драматизм и ирония соседствуют, взаимосочетаясь; где все главное утоплено в подтекст, в так называемое чеховское «подводное течение».

Режиссер не навязывает точку зрения — он словно стоит у кромки Леты и, наблюдая за ее неспешным течением, неторопливо беседует со зрителями.

Роман Балаян хорошо сказал: «Кино — это всегда полет в нелетную погоду». Учитывая принципиальность Александра и его нежелание делать из кино как произведения искусства медийный коммерческий продукт, можно представить, насколько нелетной была та самая погода. По сути, кино снималось ценой его собственной жизни.

«Он кино мог сделать из чего угодно: из пуговицы, из окурка, из падающих листьев, из скрипящей двери. Он тонко чувствовал природу кино и понимал, что кино делается не из текста», — вспоминает режиссер Сергей Головецкий. Александр снимал кино так, как поэт пишет стихи. Просто тут у поэта в руках

«Старец Паисий
и я, стоящий
вверх ногами».
Старец Паисий —
Сергей Соколов

«Старец Паисий
и я, стоящий
вверх ногами».
Кадр из кинофильма

было не перо и не старенькая клавиатура, а профессиональная кинокамера.

Один из моих любимых фильмов Столярова — «Я — Хармс». Полагаю, мало что есть в кинематографе интереснее того, когда поэт рассказывает о поэте. Мне кажется, так возникает уникальная форма сотворчества, которую можно сравнить с особым понятием японского искусства, наиболее полно раскрывшемся в практике коллективного стихосложения, а именно — с совместностью. Профессор-японист, искусствовед, писатель Евгений Штейнер говорит о совместности, как о некоей духовной общности, о душевной

сопричастности, когда духовные силы нескольких сердец объединяются в единое сердце, и этот опыт становится основой для их дальнейшего духовного роста.

Думается, все фильмы Александра Столярова созданы на волне этой самой совместности: Александр умел ее в себе слышать, даже если его собеседник-сомысленник, о котором он собирался рассказать зрителю, давно ушел из жизни.

Фильмы Столярова — рассказ о жизни человеческого духа. Кино было для него отчасти духовной практикой: «Дух веет, где хочет — хоть в кино, хоть в театре». Правда, утверждал, что собственно духовных картин у него немного, в основном культурологические.

Под духовным понимал такой кинематограф, где кино становится способом разговора с Абсолютом: когда можно задать вопрос, почувствовать ответ и это чувство передать зрителю.

Кино, по мнению Столярова, сильнейший способ прямого воздействия на сознание, поэтому человек, решивший называться режиссером, принимает на себя огромную ответственность: «Кино — очень опасное дело. Вы можете снять кино и изуродуете жизнь тысячам. Они будут ходить якобы живые, но вы сделали из них мертвецов». «Если ты не болеешь чужой болью, не лезь в кадр, не бери интервью».

Александр
Столяров

В фильме «Понять человека» режиссер размышляет о том, что есть любовь. Вспоминает близкого друга, ушедшего из жизни, смотрит на пожилую учительницу, которая, потеряв память, позабыла повзрослевших учеников, но продолжает их любить, и приходит к выводу: «Любовь остается в человеке даже тогда, когда его оставляет память. Любовь не зависит от человека, но человек живет ею и только ею».

Смотрит видео, на котором его покойный друг снял незнакомых иностранцев, и рассуждает: «Случайно попавшие в кадр люди. Их нельзя понять, но можно полюбить. Вот и все, что я могу. Если любовь исходит из сердца, как далеко она простирается? И что там, на окраине любви? На окраине любви — память. Когда уходит, растворяется во времени память, любовь возвращается в сердце. Когда уходит человек, остается его любовь. Любовь не зависит от человека. Нельзя понять человека без любви. Любая попытка объяснения его умом будет ложь. Но человека можно любить».

Один из самых известных фильмов Столярова — «Старец Паисий и я, стоящий вверх ногами». Это художественный фильм о старце Паисии Святогорце. По сюжету выпускник Института кино и телевидения

Петр, ставший послушником Спасо-Преображенского монастыря, в качестве послушания делает фильм о старце Паисии, который живет в этом монастыре и известен многими чудесами. Только вместо канцелярского жизнеописания у юноши выходит живое, непосредственное, ироничное, с юмором повествование о человеке, который видит земную красоту, любит ее, а сквозь нее видит красоту и мудрость мира духовного.

Столярова немало критиковали за естественность и особую душевную теплоту получившегося образа, за то, что снял не «под копирку». К сожалению, ценить человека при жизни у нас не принято; лишь после его смерти мы вдруг обнаруживаем, что рядом с нами жил гений, и его творения имеют непреходящую ценность.

Закончу очерк словами Александра Столярова о культуре: «Культуру создает наше общее желание. Это воздух, который кристаллизуется в театр ли, в кино ли. Культура, если это действительно культура, она над всеми войнами. Она не только от слова «культ»: все, что есть в нас лучшего и есть костяк культуры, ее стержень. Это лучшее надо сохранить». ИБ

ИМПРОВИЗАЦИИ НА ТЕМУ СТРАСТЕЙ

Валентина Резникова

«Жизнь в театральном искусстве начинал как актер ТЮЗа, легендой вошел в жизнь Баку 70-х как непревзойденный исполнитель роли Д'Артаньяна. Со второй половины 70-х пришел в Русский драматический театр в качестве актера на амплуа героя-любownika, да так и остался в театре, переиграв массу ролей различных амплуа. С 1993 года возглавил театр в качестве главного режиссера», — это сухое перечисление содержится в производственной характеристике главного режиссера РДТ, народного артиста Азербайджана Александра Яковлевича Шаровского.

Всего несколько строчек, но за ними прочитывается богатая творческая и неразрывно связанная с нею личностная жизнь: взлеты, падения, любовь, разочарования, предательства, измены, примирения, и снова — любовь. Все, как в жизни любого человека. С той только разницей, что часть этих страстей плавно перетекает в профессиональное русло, давая возможность прожить на сцене то, чего не довелось пережить в реальной жизни. В этом волшебство и проклятие профессии актерского призвания. Призвания, замешанного на страстях, и не понять: где та разделяющая полоса между сценой и реальной жизнью? Понять трудно, а определить — еще труднее. Но те, кто знают Александра Шаровского всю его жизнь, утверждают, что этот человек всегда жил страстями, не разграничивая профессию и реальность. Драйв, кураж, озорство, лихачество, бравада — это незначительная составляющая характеристик его героев. Сценическое обаяние Шаровского, его талант к импровизации и умению быть на сцене надежным партнером, обеспечили Александру Яковлевичу любовь и признание зрителей и коллег. Сегодня — это преуспевающий режиссер, актер и общественный деятель. 10 февраля ему исполнилось 70 лет, из кото-

рых 50 он прожил на сцене. Прожил, играя страстями: увлеченно, озорно. В нем все еще жив дух лихого гасконца Д'Артаньяна, поэтому в одном из своих интервью Шаровский искренно заявил: «Я с величайшим изумлением обнаружил, что мне исполняется 70 и не понял, что это значит. В душе я все такой же мальчишка с улицы Чадровой!». Он не лукавил. Он искренно удивлялся. А ведь и правда: что значат эти 70, если в душе по-прежнему живет трикстер, который подстрекает к озорному мальчишеству и, пусть сценическому, но тем не менее хулиганству? Да ничего не значат! Темперамент все тот же, только подретуширован условностями рамок штатных обязанностей! Куда их выплескивать? Конечно, на сцену!

Чередой персонажей с разными жизненными позициями, характерами, обстоятельствами и судьбами стали для него увлекательными опытами по препарированию особенностей каждого героя. И в каждом из них, Д'Артаньяне («Три мушкетера»), Ваське Пепле («На дне»), Юбере Дарсе («Загнанная лошадь»), Путнике («Похороны в Калифорнии»), Больного («День казни»), Жоржа Питу («Смех лангусты»), Черкуне («Варвары»), Боркине («Иванов»), Жорже Дюруа («О, милый друг!»), Бене Крике («Закат»), Аргане («Мнимый больной»), Оливье («Второй выстрел»), короле

Александр Яковлевич Шаровский

Генрихе («Королевские игры») — всегда проступал ловкач, озорно подмигивающий персонажу и его исполнителю. Он как будто брал на себя роль посредника между актером Шаровским и его героем! Объединив усилия обоих, легко брал зрителя в плен, очаровывая неожиданно и ярко проступающей смеховой природой самого Шаровского. Вот так и прятал со смеющимся, хитро подмигивающим, но спрятанным в глубинах души клоуном актер Александр Шаровский, награждая своих героев частичкой скрывающегося в нем озорника. Этот «демонически-комический дублер культурного героя, наделенный чертами плута-озорника», порой не хотел подчиняться общим правилам поведения, которые были продиктованы драматургом в пьесе или режиссером в спектакле. Он всегда как будто выходил за рамки заданного автором характера, не по злему умыслу, а потому, что интуитивно ощущал несоответствие сути игрового процесса ситуации и реальной жизни. Не сама игра «жизни», а процесс был важен для актера Шаровского! А актер все больше и больше «уходил» в исследование постановочного пространства. Игра была увлекательной и затянула настолько, что поначалу он стал «мыслить пространством» сцены, примерив на себя роль второго режиссера (ассис-

заде, Гладилина, Полякова, Гольдони позволила Шаровскому как постановщику экспериментировать с формами театра яркого площадного действия, который всю профессиональную его жизнь манил своими возможностями, заставляя превращать бытовое действие в карнавальное. Мне кажется, что, тяготя к праздничным, ярким формам, Александр Шаровский все еще ищет собственные приемы соединения содержания и формы. Отсюда — любовь к так называемым «картинкам». То есть — сочинению распределения персонажей в сценическом пространстве. Сочинять! Это, пожалуй, самая большая его страсть на сегодняшний день. Сочинять персонажей, написанных драматургом. Сочинять пространство вокруг них. Сочинять их сиюминутную жизнь на сцене. В этом для него страстная притягательность режиссуры, смысл ее. Его девиз — сочинять и фантазировать всегда: на ходу, на бегу, лежа, стоя, сидя и даже во сне. Кстати, самые яркие и самые интересные «картинки», находки и «придумки» приходят к нему именно во время сна! Игры сознания и подсознания выдают интересные, порой даже эпатажные результаты. А потом эти результаты перемещаются в реальное сценическое пространство, обретая плоть и дух конкретных героев и их жизненных ситуаций.

«Не сама игра «жизни», а процесс был важен для актера Шаровского! А актер все больше и больше «уходил» в исследование постановочного пространства. Игра была увлекательной и затянула настолько, что поначалу он стал «мыслить пространством» сцены, примерив на себя роль второго режиссера (ассистента), а уж потом — самостоятельно играть с этим пространством, стремясь привлечь к себе его взаимность. Так в его профессиональной деятельности обозначилась новая страсть — режиссура».

тента), а уж потом — самостоятельно играть с этим пространством, стремясь привлечь к себе его взаимность. Так в его профессиональной деятельности обозначилась новая страсть — режиссура.

Казалось бы условия для реализации той внутренней смеховой природы, которая не находила выхода в рамках ограниченных профессиональных прав актера, теперь может реализоваться полностью! Однако не все так просто. Во-первых, государственный репертуарный театр — не антреприза. Во-вторых, репертуарная заданность репетиционного процесса редко позволяла экспериментировать с поисками той эстетической позиции, которая лежит в основе площадного театра, театра масок, театра игровой импровизации. И тем не менее, работа с произведениями Мольера, Горина, Эльчина, Фрейна, Чехова, Ахунд-

Не все мечты сбываются, увы. У Александра Шаровского была мечта сыграть бравого солдата Швейка и Тевье-молочника. Не случилось. Актерская судьба непредсказуема, а потому предугадать: сбудется мечта или нет — невозможно! У режиссера Александра Шаровского тоже была мечта — поставить «Поминальную молитву» Г. Горина. А еще перевести на язык сценического действия прозу Бабеля и Шолом Алейхема. Тоже не случилось. Мечта так и осталась мечтой. Почему? Поначалу, казалось, что не пришло еще время приступить к постановке подобного материала. А потом жизнь внесла свои коррективы, и мечта... осталась мечтой. Но ведь еще не вечер, господа, еще не вечер... Вполне возможно, что в будущем сезоне на сцену театра выйдет Тевье-Шаровский... ИБ

РЫЦАРЬ ПЕЧАЛЬНОГО ОБРАЗА

К 80-летию Михаила Юрьевича Резникова

Наталья Старосельская

Верно говорят, что с каждым годом время ускоряет свой бег, порой оглянуться не успеешь, как приближаются один к другому юбилейные даты. Кажется, буквально пару месяцев назад праздновал свой 75-й день рождения художественный руководитель Национального академического театра русской драмы имени Леси Украинки Михаил Юрьевич Резникович, а в апреле ему исполнилось 80 лет. И хотя я давно не видела Резниковича, не общалась с ним — поверить в эту цифру просто невозможно!

Режиссер-интеллектуал, тонко ощущающий театральную природу, точно чувствующий «актерское нутро» и умеющий как немногие сегодня раскрывать его самым неожиданным образом, Михаил Юрьевич Резникович еще и прирожденный педагог, еще и умный литератор, выпустивший несколько прекрасных книг, в которых судьба его раскрывается через театры, где доводилось ставить спектакли; через артистов, воспитанных или «завоеванных» им.

Сдержанный, немногословный в общении, кажущийся порой угрюмым и самодостаточным, этот человек не просто несет, а хранит в себе целый мир — мир глубокой, подлинной духовности, напряженного размышления, чувственного восприятия людей (не только артистов и своих учеников, которым только еще предстоит выйти на подмостки) и обостренного отношения к происходящим событиям различного масштаба.

К сожалению, в связи с неблагоприятными политическими событиями, мне не довелось видеть спектакли Михаила Резниковича последних лет, но память о

пережитых давно и не слишком давно его сценических воплощениях живет во мне, не тускнея, не покрываясь паутиной времени. Они глубоко впечатались в душу, оставив поистине неизгладимый след, говорить ли о спектаклях, поставленных на сценах Московского драматического театра им. К. С. Станиславского, Новосибирского драматического «Красный факел», Ленинградского прославленного БДТ имени М. Горького, носящего ныне имя учителя Резниковича, Георгия Александровича Товстоногова, или ставшего на десятилетия единственным и родным Театра имени Леси Украинки.

После окончания средней школы Михаил Резникович, уже всерьез заболевший театром, по желанию родителей поступил в Львовский государственный университет на физико-математический факультет, проучившись два года, понял, что это — не его путь и отправился в Ленинград, пытался поступить на курс к Л. С. Вильену, но не прошел и вернулся домой. Закончил третий курс, но параллельно начал работать в Прикарпатском театре армии, создал драматическую студию, где поставил

Михаил Резникович

чрезвычайно популярную в то время пьесу Э.М. Ремарка «Последняя остановка». В главной роли блистала студентка филологического факультета университета, широко известная сегодня режиссер Львовского театра имени Марии Заньковецкой Алла Бабенко.

Но Ленинград неудержимо манил — через год Михаил Резникович вновь отправился туда попытать счастья и... поступил на курс Георгия Александровича Товстоногова. Михаил Юрьевич вспоминает, что конкурс был страшный — более ста человек на место, но главным испытанием было собеседование, которое проводил сам Мастер. Товстоногов задал Резниковичу два вопроса и был поражен, когда абитуриент не просто рассказал о Первой студии МХТ, но и подробно описал спектакли, о которых читал в книге А. Дикого.

А вторым был «вопрос на засыпку»: что такое театр Клары Газуль? И здесь Резникович изложил Мастеру подробности блистательного вымысла Проспера Мериме. Георгий Александрович был немало удивлен и решил, что из этого юноши, пожалуй, может получиться режиссер...

На протяжении трех лет постигавший во Львовском университете законы точных наук и железной логики, Михаил Резникович, как мне кажется, именно благодаря стремлению «поверить алгебру гармонией», искал тот путь, на котором эмоциональное восприятие вступает во взаимодействие с логическим — только тогда приходит навык системного анализа, волшебным образом соединяющийся с театральностью. А в результате возникает тот феномен, который прививал своим ученикам Товстоногов: профессия держится на трех китах — идея, правда жизни и вымысел. И главное здесь — умение ощутить и зафиксировать правду жизни, а значит, всегда уметь точно уловить собственные чувства и исходить из них. В соединении, в органическом сочетании с идеей произведения, идеей спектакля и границами вымысла. Только так рождается настоящее искусство.

Михаил Юрьевич Резникович полностью воспользовался щедрыми уроками Мастера: он не просто «взял», но сумел осмыслить и присвоить их, в чем-то значительно обогатив наследие главных творческих и нравственных уроков Учителя.

«Дон Кихот». 1938 год.
Санчо Панса — Д. Бабаев,
Людвиг XIV — Б. Вознюк,
Дон Кихот —
Ю. Гребельник.
2006 год

«Жирная свинья». 2011 год.

Я полагаю, что это так ценил в своем ученике Георгий Александрович Товстоногов, испытывавший к Резниковичу явную слабость. Он приходил ему на помощь спустя долгое время после окончания Михаилом Юрьевичем института — в разные этапы его творческого пути, нередко облегчая и проблемы бытового характера. Их глубинная внутренняя связь не оборвалась и после ухода Мастера из жизни — ведь Михаил Резникович по сей день проверяет себя уроками Товстоногова, профессиональными и человеческими, нравственными.

Свой дипломный спектакль, «Поворот ключа» Милана Кундеры Михаил Резникович по рекомендации Г.А. Товстоногова ставил в Театре имени Леси Украинки, еще не догадываясь о том, что именно эти стены станут его судьбой. На этом спектакле произошла встреча молодого режиссера с молодым художником Давидом Боровским, оказавшаяся судьбоносной для обоих.

Любопытно, что в экспозиции «Пространство Давида Боровского», уже много лет существующей в Театре имени Леси Украинки, организующей деталью стал огромный движущийся маятник часов. Для моего поколения это — навсегда запомнившийся знак спектакля «Час пик» в Театре на Таганке, перешедший позже в спектакль «Мастер и Маргарита», но оказывается он был придуман Давидом Боровским для дипломного спектакля Михаила Резниковича «Поворот ключа». Как и целый ряд идей художника, появившихся в Киеве, он переходил затем в спектакли московских и ленинградских театров. И, по словам Михаила Резниковича, Боровский стал для него вторым учителем после Товстоногова.

Несколько лет работы в Театре имени Леси Украинки заставили заговорить о молодом режиссере далеко за

пределами Киева — Резникович работал в русле «шестидесятничества», выбирая пьесы или инсценировки с точки зрения проблем нравственности «на фоне» времени, освободившегося, как казалось, от постыдных явлений и последствий культа личности и вступившего в новую фазу. А это требовало коренных изменений в людях — не только артистах, но и зрителях, для которых спектакли предназначались.

Прекрасная и горькая «шестидесятническая» иллюзия — искренняя вера в то, что измениться к лучшему люди нашей страны должны в одночасье. А такого не может быть по определению...

Формула Юрия Германа, которой был назван один

Михаил Резникович. 1958 год

из его романов, «Я отвечаю за все», стала на долгое время тем самым «нравственным законом внутри нас», по определению Канта. И не одно, а по крайней мере два поколения именно так стремились выстроить свою и не только свою судьбу.

Так были поставлены Михаилом Резниковичем спектакли «Иду на грозу» по Даниилу Гранину и «Кто за? Кто против?» по роману Павло Загребельного «День для грядущего». Спустя тринадцать лет после инсценировки романа украинского писателя, Михаил Резникович поставил пьесу Валерии Врублевской «Кафедра». Он появился на фоне уже изменившегося времени, когда иллюзий стало меньше, а трезвого опыта больше. Спектакль вызвал сильнейший резонанс по всей стране, увидел его и Георгий Александрович Товстоногов, пригласивший своего ученика поставить «Кафедру» в БДТ, — уникальный случай, когда Мастер пригласил молодого режиссера из другого города для работы в своем театре!

Полагаю, произошло это потому, что Товстоногов увидел воочию, чему научил своего ученика: тщательному разбору, детальной работе с артистами, когда чрезвычайно важно уметь «нырнуть» в досценическую жизнь каждого персонажа, твердо зная смысл и цель его поступка, его поведения, постижение природы автора.

Но еще до этого бывший в то время главным режиссером Московского драматического Театра имени К.С. Станиславского Борис Александрович Львов-Анохин пригласил Резниковича в столицу. С каждым из поставленных здесь спектаклей (а это были «Хочу быть честным» В. Вой-

«Насмешливое мое счастье». Книппер — Л. Кадочникова, Александр — В. Езепов. 2003 год

новича, «Однажды в двадцатом» Н. Коржавина, «Подоросток» по Ф.М. Достоевскому, «Каждый осенний вечер» П. Пейчева) Михаил Резникович все более твердо становился на определенную некогда максиму Л.Н. Толстого: «нравственное отношение к материалу», а потому каждая его работа была событием.

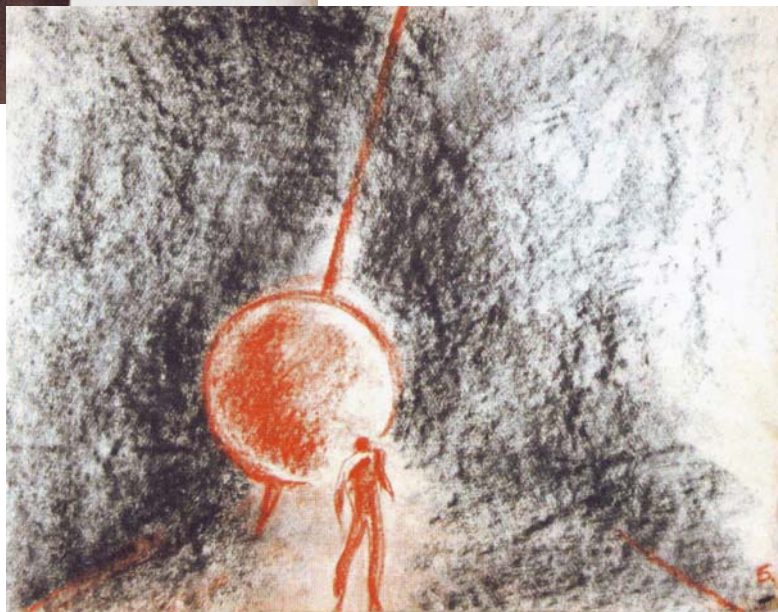
И происходило это, как мне кажется, потому что в «Подоростке» (мне он представляется самым главным в московском списке режиссера) Михаил Резникович отчетливо прочертил такую важную для него на протяжении всей биографии линию преемственности, наследования традиций не столько даже в русском психологическом театре, сколько — в первую очередь! — в мировой культуре.

Вскоре Бориса Александровича Львова-Анохина убрали из театра по причине неуютности слишком многим чиновникам. И Резникович справедливо рассудил, что лучше всего в этой ситуации — вернуться в Киев. Но обстановка в знакомом театре оказалась кардинально изменившейся: театром руководили актеры, все разделились на кланы, роли распределялись по принципу дружбы и

*«Поворот ключа».
Крутова — Е. Опалова,
Крутов — М. Розин.
1963 год*

*Эскиз Д. Боровского
к спектаклю «Поворот ключа».
1963 год*

взаимных симпатий. Надо было заняться строительством Театра-Дома, воспользовавшись еще одним уроком Георгия Александровича Товстоногова. И Резникович начал свое строительство с пьесы Леонида Малюгина «Насмешливое мое счастье», потому что именно в ней обнаружил такую важную для него (совсем не только в тот период) тоску по гармонии человеческих отношений, стремление противостоять пошлости и подлости окружающей жизни. И вот уже более четырех десятилетий с небольшими перерывами спектакль этот украшает афишу театра и горячо востребован зрителями.

Может быть, по той причине, что сформулирована в великой мудрости: «Не время проходит — мы проходим...»?

И до сей поры глубоко трогает пронзительный финал, когда Антон Павлович Чехов уходит в темное пространство иного бытия. Створки медленно смыкаются — земная жизнь завершилась. На наших глазах... И тогда мы начинаем понимать, что те крупницы духовности, нравственности, что оставлены нам в наследство, не могут, не должны быть потеряны или забыты.

Не могут и не должны...

А затем последовали поистине звездные спектакли — «Дети Ванюшина» С. Найденова, «Бесприданница» А.Н. Островского, «Как важно быть серьезным» Оскара Уайльда, множество других, потому что усталость от работы Михаилу Резниковичу неведома.

Но наступил 2005 год, когда над театром разразилась гроза и министр культуры Оксана Билозир произнесла ставшую крылатой фразу: «Мы начнем культуру с чистого листа...» Эта временщица мечтала убрать Резниковича далеко и надолго, обеспечив изматывающие финансовые проверки, обвинения в хищении миллионов гривен,

допросы, очные ставки. Досадно, что к «акции» подключилась одна из ведущих актрис театра Ада Роговцева, написавшая, что будущее видит исключительно без Михаила Резниковича, мечтавшая возглавить Национальный академический. Но гневным ответом ее не слишком убедительному монологу было открытое письмо ведущих артистов театра. Травля постепенно сошла «на нет».

Фраза Оксаны Билозир вообще весьма показательна для власти — каждый или почти каждый чиновник, начиная свое правление, считает, что все, существовавшее до него, необходимо если не уничтожить впрямую, то, по крайней мере, до неузнаваемости изменить. Это — привычная точка зрения людей амбициозных и дурно образованных. А Михаил Резникович как подлинный адепт Культуры, человек высоко образованный, думающий, постоянно анализирующий и исследующий, прекрасно знает — с «чистого листа» начать ничего нельзя.

Пространство
Давида Боровского.
Фрагмент
экспозиции в фойе
театра

К сожалению для кого-то — к счастью для кого-то, потому что у истории в запасе просто не осталось чистых листов. Какие-то из них исписаны наполовину; какие-то доведены до логического завершения на определенный исторический момент и потому особенно остро нуждаются в продолжении; какие-то приведены к абсурду... Но есть и те листы, на которых набросаны значки, подобные загадочным иероглифам или той особой азбуке, что существовала у булгаковского Лагранжа из «Кабалы святош», с множеством помарок и поправок — их надо разгадать, исследовать, проанализировать. Это кропотливая работа, сродни той, о которой говорил в пьесе Евгения Шварца «Дракон» Садовник: «Уничтожить в себе дракона — работа мелкая, хуже вышивания»...

Вот в этом уничтожении в себе (а значит — непременно и в окружающих!) лени, нелюбопытства, нежелания приложить усилия к тому, чем ты в этой жизни занят, и видит Михаил Резникович суть и смысл не только профессии режиссера, но и «профессии личности».

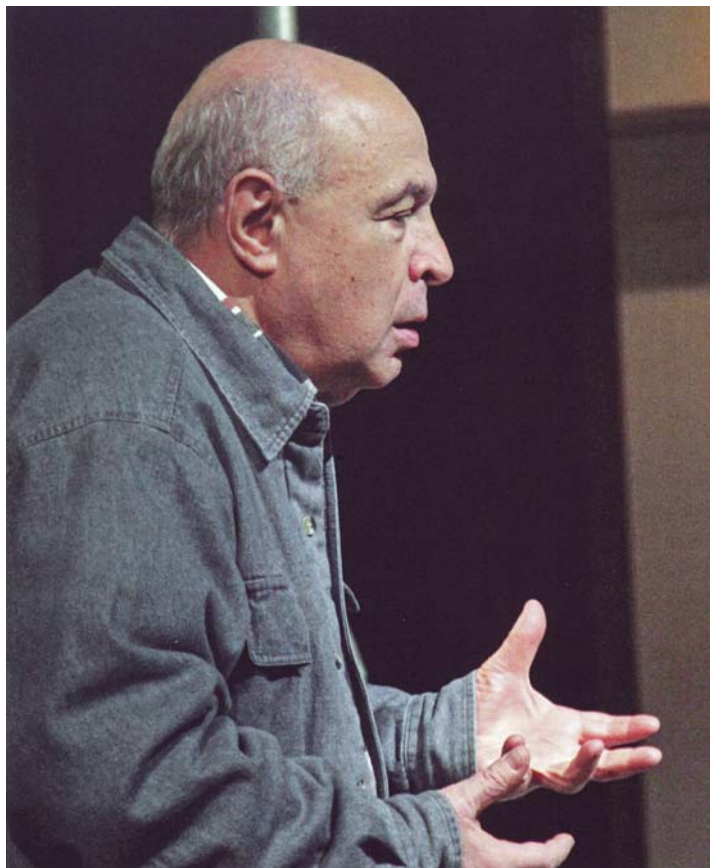
В 1996 году вышла книга Резниковича «От репетиции к репетиции». Сегодня, спустя два с лишним десятилетия после ее издания, в ней можно прочесть, как представляется, гораздо больше, чем написано режиссером, потому что с расстояния лет и десятилетий после ее выхода в свет его рассказ о том, как рождался замысел спектакля и проходил путь к его воплощению, раскрывается значительно объемнее такая важнейшая для Михаила Резниковича категория как Время. Большое историческое Время — и время, лично проживаемое и переживаемое человеком, наделенным особым и очень обременительным даром пропускать все боли и язвы этого времени через себя.

Д. Боровский и М. Резникович на сцене после премьеры спектакля «Наполеон и корсиканка». 2004 год

«Мысли, возникающие вокруг того, О ЧЕМ СТАВИТЬ, должны задеть артиста, что-то открыть ему. Не дай Бог, если они станут общим местом. Я написал «задеть» и подумал — вот выписалось слово, глагол, помощь которого необходима в каждодневной работе. ЗАДЕТЬ мыслью, действием, решением эпизода, примером из жизни, ассоциацией, проникновением во внутренний мир каждого артиста. Если режиссер не задевает — нет репетиции, нет спектакля. Умение ЗАДЕТЬ — могучее оружие режиссера.

... Очевидно, в жизни режиссер должен многое испытать, многое пережить. Собственный эмоциональный опыт всегда помогает постичь и воплотить в произведении искусства те или иные явления. Режиссура ведь, по крайней мере некоторая ее часть, — это стремление выразить свой внутренний мир через душу актера. Зна-

Михаил Резникович

чит, поставленный спектакль проявляет отношение режиссера к жизни, его социальные и нравственные критерии», — писал Михаил Резникович.

И вспоминаются невольные слова Ф.М. Достоевского из «Записных книжек»: «Прочно только то, подо что кровь протечет...» Собственная, горячая кровь современника и участника жизни.

Выскажу мысль, которая может показаться спорной и даже в чем-то парадоксальной: понятие участника жизни с годами все меньше измеряется для значительной части интеллигенции походами на митинги, выкрикиванием лозунгов, выражением своего несогласия. Оно осуществляется в служении своему делу — ежедневно, часто не броском, но опирающемся на твердые, неизменяемые нравственные позиции, на «звездное небо над нами и нравственный закон внутри нас». Это и есть кредо Михаила Юрьевича Резниковича, что с годами и десятилетиями формировалось и укреплялось все больше, крупнее, отчетливее.

В одном из наших разговоров с Михаилом Резниковичем не случайно вспомнилось стихотворение Владимира Корнилова:

*Считали: все дело в строе,
И переменяли строй,
И стали беднее втрое,
И злее, само собой.
Считали: все дело — в цели,*

*И хоть изменили цель,
Она, как была, доселе
За тридевять земель.
Считали: все дело — в средствах,
Когда же дошли до средств,
Прибавилось повсеместно
Мошенничества и зверств.
Меняли шило на мыло
И собственность на права,
А необходимо было
Себя поменять сперва.*

Михаил Юрьевич Резникович знает это твердо...

Журнальная статья не дает возможности подробно говорить о его спектаклях — тем более мне, видевшей в последний раз шесть лет назад репетицию первого акта тургеневского «Нахлебника» и ни одного спектакля с той поры. Но так часто и так живо вспоминаю я увиденные сквозь все более нарастающую толщ десятилетий работы Михаила Резниковича московского периода, очень яркого и сильного новосибирского, «краснофакельского» его этапа, спектакли ленинградского АБДТ «Кафедра» и «Дворянское гнездо», поставленное уже после ухода из жизни Мастера, киевские работы, среди которых поистине незабываемыми остались «Вечерний свет» А.Н. Арбузова, «История одной страсти» по «Письмам Асперна» Генри Джеймса, «Школа скандала» Шеридана, «Тойбеле и ее демон» Исаака Башевиса Зингера и Ив Фридман, «Госпожа министерша» Б. Нушича, «В плену страстей» по «Каменному властелину» Леси Украинки, «Настоящий мужчина в начале тысячелетия» немецкого драматурга Танк्रेда Дорста по новелле Мигеля де Унамуно «Настоящий мужчина», «Осенние скрипки» Ильи Сургучева, «Игрок» по Ф.М. Достоевскому, «Наполеон и корсиканка» И. Губача, «Дон Кихот. 1938» на основе пьесы и других произведений М.А. Булгакова, «Любовное безумие» Ж.Ф. Реньяра, «Жирная свинья» Нила Лабуята...

... Он продолжает работать напряженно, вскрывая самые глубокие и необходимые донные ручейки русского психологического театра, постоянно думая о духовном росте артистов и зрителей, придирчиво выбирая литературную основу для сценического воплощения. Стремясь быть выше тех обстоятельств, что, словно острые камни, разбросаны на протяжении его дороги. Наверное, именно поэтому я воспринимаю внешний облик и скрытый богатейший внутренний мир Михаила Юрьевича Резниковича как тернистый и благородный выбор Рыцаря Печального Образа, произносившего в пьесе Михаила Булгакова: «Человек, скитающийся по свету не ради наслаждения, а ради терний... Я иду по крутой дороге рыцарства, моя цель светла — всем принести добро и никому не причинить зла». **ИБ**

Фотографии из книги Н. Старосельская «Михаил Резникович. Штрихи к портрету». Киев. Издательский дом «Антиквар». 2013

САМЫЙ ВОСТОЧНЫЙ

Елена Бальбурова
Фото автора

Официальный день рождения Государственного музея Востока — 30 октября 1918 года, поэтому главные торжества по случаю его 100-летия еще впереди. Но уже сейчас происходят события, в которых отражается жизнь одного из крупнейших культурных и научных центров России.

ОТ ДОГОНОВ ДО САРЬЯНА

Под знаком столетия прошла конференция «Проблемы изучения восточных коллекций», где обсуждались проблемы памятников искусства Востока в отечественных и зарубежных собраниях. Специально к традиционному японскому празднику Хина мацури музей подготовил выставку церемониальных кукол, которые связаны с древними сакральными играми, ритуалами императорского двора и рассказывают об одном из самобытных явлений в традиционной культуре Страны восходящего солнца. Причем редкие куклы из собрания музея Востока, а всего их около 80, публике представили впервые за 40 лет. К числу особенных можно отнести и новый выставочный проект, посвященный художественному миру догонов — загадочного африканского этноса, населяющего территории Республики Мали, Буркина-Фасо и Кот-д'Ивуар. Керамика, фетиши, статуарная пластика, ткани и другие раритетные предметы из коллекции музея Востока и частных собраний, а также фото и видеоматериалы позволили погрузиться в древнюю культуру племени догонов.

Но, пожалуй, среди наиболее крупных событий начала юбилейного года — выставка

Государственный музей Востока

Штрих к истории музея — табличка с прежним названием

Выставочные проекты музея

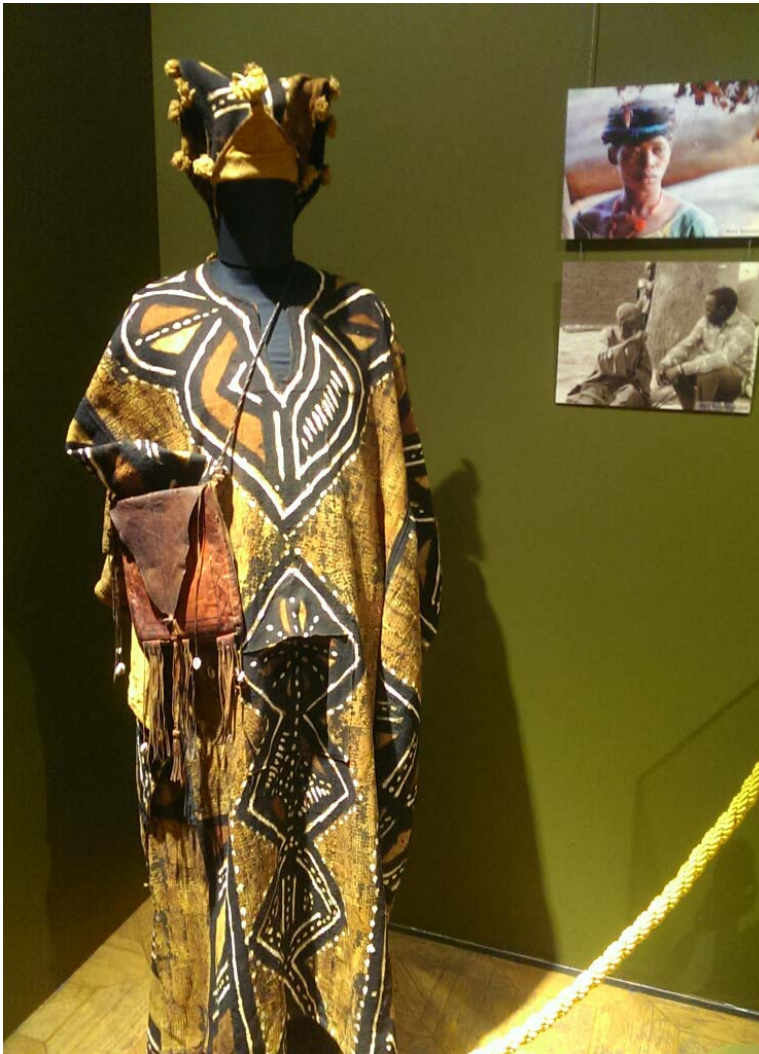
«От голубой розы к золотому гранату. Образ Востока в русском искусстве». Согласно выставочной концепции, две метафоры в этом названии отражают неразрывность художественных связей России и Востока. Образ голубой розы более 100 лет назад подарил название выставке, а затем и творческому объединению художников-символистов, ядро

которого составили Павел Кузнецов, Петр Уткин, Александр Матвеев. В свою очередь золотой гранат, отмечают организаторы, выражает потребность и способность творца вдохновляться действительностью, воспринимать ее во всей полноте ощущений и воплощать как живописную драгоценность. Представленные на выставке работы — это искренние, эмоционально наполненные диалоги с Востоком таких известных мастеров, как Мартирос Сарьян, Павел Кузнецов, Александр Волков, Роберт Фальк, Илья Машков. Здесь и другие имена, хоть и не так широко известные, но составляющие серьезный пласт российского изобразительного искусства, — Михаил Курзин, Павел Беньков, Ольга Соколова, Александр Николаев (Усто Мумин). В основе экспозиции — живопись и графика из коллекции Государственного музея Востока, а дополнили ее картины из других крупных российских собраний, в том числе Государственной Третьяковской галереи, Саратовского государственного музея им. А.Н. Радищева, Фонда поддержки и развития научных и культурных программ имени Ш. Марджани.

МУЗЕЙНЫЕ ХРОНИКИ

Государственный музей Востока — единственное в России специализированное собрание, где представлены памятники искусства и культуры более чем 100 стран и народов Азии и Африки. В пересчете на единицы хранения это около 150 тысяч предметов, причем две трети из них археологические материалы. Большинство экспонатов представляют собой оригинальные памятники истории и культуры от неолита до наших дней, скомплектованные по отдельным регионам, странам и народам. Гордость музея — и его научная библиотека, где хранится более 80 тысяч изданий по восточному искусству, в том числе редких или единственных в России.

За свой век музею пришлось примерить несколько имен. В 1918-м он начинал свой путь как *Ars Asiatica*, в 1925-м назвался Государственным музеем искусства народов Востока, через четыре десятилетия — Государственным музеем искусства народов Востока (эта табличка, как небольшой исторический штрих в портрете музея, до сих пор встречается у входа посетителей), а с 1992-го стал Государственным музеем Востока. В первое десятилетие он сменил множество мест проживания, переезжая вместе со своими уникальными фондами из Дома Гиршмана у

Фрагмент
экспозиции
«Догоны.
Небезымянное
искусство»

Облачение
персонажа
мистерии Цам.
Монголия.
Начало XX в.
Атлас, парча,
шитье, кость,
резьба

Красных Ворот в Российский исторический музей на Красной площади, из здания ВХУ-ТЕМАСа на Рождественке в Цветковскую галерею на Кропоткинской набережной, а потом на долгие годы осел в мало приспособленном здании церкви Илии Пророка на Воронцовом Поле. Лишь в 1970-м исполком Моссовета принял решение передать музею великолепную городскую усадьбу «Дом Луниных» на Суворовском (ныне Никитском) бульваре, и крупнейшее государственное собрание обрело, наконец, свои стены.

Хроника его жизни начинается с официальной даты — 30 октября 1918 года, когда постановлением Коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины Наркомпроса при Совнаркомом РСФСР было принято решение об организации музея Ars Asiatica. Через год он открыл самую первую выставку, посвященную искусству Ирана, Китая и Японии. Музейное собрание пополнялось главным образом за счет частных коллекций, принадлежавших К.Ф. Не-

красову, Н.С. Мосолову, П.И. Харитоненко, П.И. Щукину и другим. Каждый из этих людей был по-своему выдающимся, благодаря их образованности и увлеченности в России оказались по-настоящему ценные экспонаты. Летопись музея Востока сохранила не только их имена, но и сюжеты биографий, порой необычных и загадочных. Например, не так много известно о ярославском издателе и коллекционере Константине Федоровиче Некрасове, который, бывая в Иране, собрал коллекцию произведений искусства — редкие фаянсы XII–XIV веков, листы из Корана на пергаменте XII века, старинные образцы арабской каллиграфии, персидские рукописи и миниатюры. Сегодня в фондах музея 328 «некрасовских» предметов, и многие представляют огромную ценность. Не случайно отдельные из них экспонировались в 1931 году на выставке в Лондоне, а в 1935-м в Государственном Эрмитаже во время Международного конгресса по иранскому искусству и археологии.

Необычна судьба и Дмитрия Михайловича Мельникова (1864–1949), который родился в забайкальском городе Селенгинске, служил в чайно-торговой фирме и более 60 лет прожил в Китае, коллекционируя, по его собственному выражению, «редкости китайской культуры». После Великой Отечественной войны, незадолго до смерти, он решил вернуться в Россию и, к счастью, получил

Фрагмент
экспозиции,
посвященной
искусству
Бурятии

Цзонхава.
Тибет. XIX в.
Дерево, резьба

на это разрешение от советских властей. Интересный факт: уникальную коллекцию Мельников вез с собой в пятнадцати больших ящиках. Часть пути проходила по реке Янцзы, ценный груз разместили на нескольких речных судах, но одно из них, где находилось собрание предметов нумизматики, затонуло. На родине Дмитрий Михайлович прожил недолго, но успел подарить свои «китайские редкости» Государственному музею Востока — всего около полутора тысяч раритетов. Среди них бронзовые предметы XVII–XIX столетий, редкие экземпляры керамики, фарфора, каменной пластики, нефритов, которые датируются периодом Хань (III век до н. э. — III век н. э.), коллекция табакерок, составляющая основу всего музейного собрания, лаки, эмали, живопись. Один экспонат из коллекции Мельникова сотрудники музея относят к загадкам — это керамическая голова с восседающей сверху трехлапой жабой: сохранились следы си-

ней и розовой краски и странная улыбка на лице. Исследователи предполагают, что это один из даосских персонажей, а сам предмет как-то связан с древней магией. Легенда о голове известна только со слов самого коллекционера. Приобретая уникальный экспонат, Дмитрий Михайлович узнал, что он был найден в погребении обезглавленного полководца периода Хань.

И еще об одном собирателе древностей, чьи коллекции после 1917 года не только украсили государственное собрание, но и в какой-то степени стали предтечей музея Востока. Речь об известном русском коллекционере Петре Ивановиче Щукине (1853–1912), который в течение жизни собирал предметы старины древнерусского, западного и восточного искусства и в итоге создал собственный музей, построив для него отдельное здание. Для посетителей он открылся в 1896 году и сразу же привлек внимание ценителей и специалистов. Так, в Щукинский музей приходил художник Валентин Серов и делал копии с персидских миниатюр для занавеса знаменитых спектаклей Сергея Дягилева. Сам Щукин занимался систематизацией и популяризацией своего собрания, издавал тематические иллюстрированные каталоги, «Щукинский сборник», где публиковал наиболее интересные документы.

К сожалению, судьба отмерила этому замечательному человеку не слишком долгую

*«Догоны.
Небезымянное
искусство».
Предметы
статуарной
пластики*

*Фрагмент
экспозиции,
посвященной
наследию семьи
Рерихов*

жизнь: умер он в 59 лет. Возможно, предчувствие раннего ухода подвигло его к тому, чтобы передать государству всю богатейшую коллекцию вместе со всеми постройками (помимо здания музея Щукин возвел двухэтажный особняк на Малой Грузинской, разместив там библиотеку, рукописный отдел и галерею). По желанию коллекционера, его детище должно было получить статус отделения Императорского Российского исторического музея и официальное название «Музей Петра Ивановича Щукина». Свой дар он оформил в 1905 году и до самой смерти в 1912-м оставался музейным хранителем, брал на себя все административные расходы, приобретал новые экспонаты.

После Октябрьской революции щукинская коллекция хранилась в Историческом музее, потом ее расформировали по разным музейным собраниям, и часть предметов попала в музей Востока. С той поры его собрание украшают образцы шелковых тканей,

шитья и ковров Ирана и Турции XV–XVIII веков, редкие образцы керамики, изделий из дерева, металла и эмали, серия миниатюр «Бабур-наме», выполненных в художественных мастерских Акбара в конце XVI века и связанных с основателем династии Великих Моголов — Бабуром, а также шедевры книжного искусства, среди которых рукописи Низами.

На начало XX столетия пришлось кардинальные перемены в России. Задачи музеев тоже стали иными. В 1930 году на Первом Всероссийском музейном съезде упор делался на то, чтобы представлять коллекции «в марксистском освещении». Так появились передвижные выставки: щиты с фотографиями восточных раритетов, памятников архитектуры, портретами партийных руководителей и ударников пятилеток путешествовали по городским и сельским домам культуры, фойе кинотеатров, школам, рабочим общежитиям и казармам. Когда началась война, экспозиции и фонды музея упаковали в ящики, а самые ценные экспонаты отправили в Новосибирск и Соликамск. Но музейщики не только сохраняли богатства, они читали увлекательные лекции в госпиталях, эвакуационных пунктах, клубах, готовили передвижные выставки, издавали фотоальбомы.

Пришло мирное время, музей вернулся в свой дом, жизнь заиграла новыми красками. В 1950-е возникли новые экспозиции, рас-

Чайная церемония.
Фрагмент
экспозиции.
Япония.
Середина XX в.

сказывающие об искусстве Советского Востока, Китая, Японии, Тибета, Ирана, Индии и Монголии, начали работать реставрационные мастерские. 1960–1970-е связаны с большим числом археологических и закупочных экспедиций, с развитием научно-исследовательской работы и культурных связей со странами Азии и Африки. Появилась постоянная экспозиция, посвященная наследию семьи Рерихов, а в 1979 году открыли Мемориальный кабинет Н.К. Рериха. В 1980-х состоялись новые археологические экспедиции на Северный Кавказ, Чукотку, в Среднюю Азию, а в Майкопе приступили к созданию Северо-Кавказского филиала музея. В 1987 году Государственный музей Востока получил статус научно-исследовательского учреждения первой категории, а в 1991 году

указом Президента РФ его включили в список особо ценных объектов национального культурного наследия России.

ВЫПИТЬ ЧАЮ, ПОГОВОРИТЬ О БУДДЕ, ОТМЕТИТЬ ДЕНЬ ВОРОНА

Музей Востока — место притягательное. Можно бродить по его лабиринтам и часами рассматривать экспонаты. Или записаться на курсы игры в го и постичь законы древнекитайской логической игры. Интересно послушать лекции об искусстве эпохи Великих Моголов или грузинской царицы Тамары, узнать о жизни Будды и о создававших шедевры безымянных мастерах Индии. Наконец, отметить День ворона — традиционный праздник коренных народов Крайнего Севера и заглянуть в Чайную комнату, чтобы стать участником нефритовой церемонии, которую называют жемчужиной чайной культуры Поднебесной.

Сегодня Государственный музей Востока выступает в не только в роли крупного научного и просветительского центра, но и образовательного. Его обучающие программы рассчитаны на взрослых и детей, охватывают самые разные области — от этнической перкуссии и искусства составления икебаны, до хатха-йоги и уроков японской и китайской живописи. Специально для подрастающего поколения здесь организовали детско-юношеский театр восточных сказок и легенд «Золотой шар». Яркие страницы из жизни археологов и самобытных культур восточных стран открывает образовательная программа «Белый журавль», а кружок «Юный востоковед» погружает в глубины истории и этники. Добавим сюда интереснейшие встречи с путешественниками, коллекционерами, искусствоведами, художниками, и картина будет почти полной.

Все эти направления важны, востребованы и подтверждают главное: Государственный музей Востока — не застывшее во времени собрание древностей. Это живое и творческое пространство, где сохраняют бесценные зерна прошлого. Они всходят и дают крепкие молодые побеги. **ИБ**

В статье использованы материалы официального сайта Государственного музея Востока

ИСКУССТВО СВЕРХПРОВОДИМОСТИ

Ассоль Овсянникова-Мелентьева

Фото автора

В Доме-музее А. Н. Островского на Малой Ордынке в рамках юбилейной программы «Эстония—100», посвященной 100-летию независимости республики, открылась выставка «Владимир Аншон. Культурный транзит Таллинн — Москва».

Владимир Аншон — член Союза художников и Союза театральных деятелей Эстонии, Лауреат премии UNESCO, Лауреат государственной премии Эстонии, участник многих международных театральных проектов. Ко всему этому он еще самобытный, оригинальный, неповторимый Художественный мир во всем его разнообразии. Один из ведущих театральных сценографов на постсоветском пространстве, живописец, дизайнер, книжный иллюстратор, реставратор, архитектор и иконописец. Все эти грани органично объединены в одном человеке. Попытка вписать их все в концепцию небольшой по размерам относительно масштаба всеобъемлющего таланта художника персональной выставки, на которой продемонстрированы инсталляции, макеты декораций, классические портреты, графика, фотографии, видеоматериалы и иконы, удачна.

По праву Владимир Аншон — человек мира. Он родился в Нижнем Новгороде, учился в ЛГИТМиКе у выдающегося сценографа Марта Фроловича Китаева. А потом волею судьбы молодой театральный художник по распределению оказался в Эстонии, в Таллинском Русском драматическом театре. Но, как это принято, конечно же, не ограничился только его стенами. Он работал и продолжает работать в театрах Санкт-Петербурга, Таллинна, Тарту, Москвы, Екатеринбургa, Риги, а в репертуарном листе Владимира Аншона А.П. Чехов («Вишневый сад», «Пianoла»), Л. Пирранделло («Это так»), М. Кыйв («Возвращение к отцу»), Ж.-Л. Лагар («Мы — герои»), Ф.М. Достоевский («Преступление и наказание»), Б. Брехт («Трехгрошовая опера»), Г. Лорка («Чудесная башмачница»), А.С. Пушкин («Сказки», «Пиковая дама»), Э. де Филиппо («Филумена Мартурано»), Г. Горин («Кин IV»), П. Шеффер («Три О») и многие другие.

Владимир Аншон

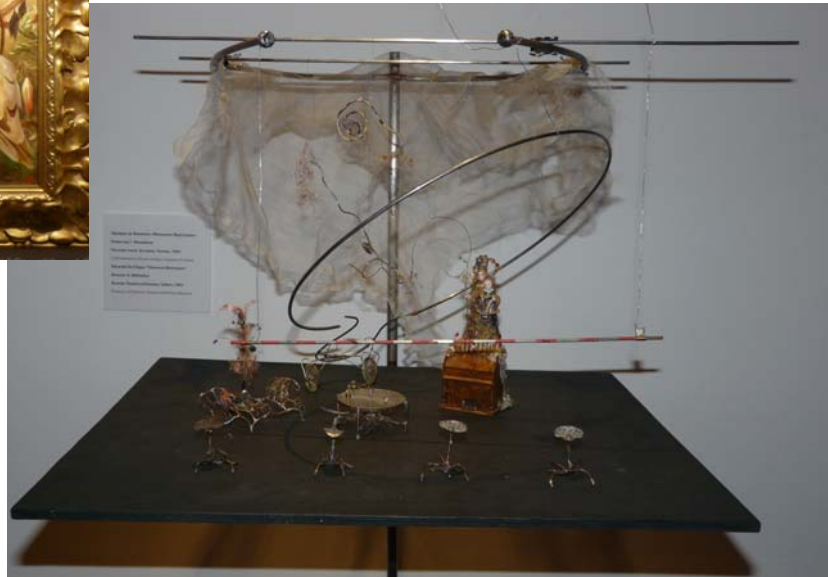

«Пианола» (реж. Э. Нюганен)

Портрет актрисы Ану Ламп

Портрет актрисы Анне Рееманн

«Филумена Мартуруано» (реж. Г. Михайлов)

«Голова Иоанна Предтечи»

«Лес»
(реж. Н. Лапина)

Одной из знаковых в биографии Владимира Арвидовича как театрального художника стала постановка Эльмо Нюганена «Пианола» по пьесе А.П. Чехова «Платонов». Тогда, по мнению критиков, в результате тандема режиссера и художника произошло настоящее чудо. Удивительным образом сценограф, найдя решение пространства, «разместил» зрителя как бы внутри дома Анны Войницевой, дав таким образом ему, зрителю, прочувствовать весь мир чеховских героев.

Несмогли откликнуться критики и на «Преступление и наказание», назвав постановку «очень Достоевским миром, пропитанным сырым туманом Петербурга». Был еще «Лес» Русского театра, в котором «пространство одновременно было и разоренным храмом, и разоренной усадьбой — от леса остались одни пеньки — и некой суетной адской машиной, которая приводила в действие интригу...».

На открытии выставки режиссер и педагог Театра «Чеховская студия» Музея-заповедника «Мелихово» Владимир Байчер откровенно признался, что «с Аншоном работать не просто сложно, а невыносимо. Чудовищный и ужасный человек». Конечно, все это говорилось с известной долей юмора, но и... правды. Один тот факт, что художник живет в Таллинне, а спектакли оформляет и в Москве в том числе, усложняет жизнь и режиссеру, и художнику. А второе, что «возмущает» Владимира Байчера, так это то, что когда ни позвонишь художнику, он все время работает с... Адольфом Шапиро, который в свою очередь отозвался об Аншоне как о самобытном художнике: «Сегодня существует кинематографическая мода, она агрессивна, она подчиняет не только режиссеров, но и художников, и критиков. А Аншон остается самобытным. Он представляет Эстонию, замечательную страну, где комфортно работать художнику: тихо, спокойно, умиротворенно и где мало говорят».

Как человека и личность Владимира Аншона характеризует и такой факт. В свое время он оформил «Трехпро-

шовую оперу» для постановки Адольфа Шапиро. Какое-то время спустя Адольфа Яковлевича пригласили поставить спектакль по этой же пьесе в Тель-Авиве. На приглашение продолжить сотрудничество Владимир ответил: «Эту пьесу на Святой земле я не могу оформлять».

«Культурный транзит» представляет галерейное пространство, в котором удивительным образом органично, дополняя друг друга, разместились различные формы материальной культуры.

Выставка разделена на два пространства — быденное и сакральное. Первое — это мир театра: макеты, эскизы, портреты, фотографии, видеoverсии спектаклей Таллиннского городского театра, которые можно посмотреть, надев наушники и присев на деревянные ящики. Сразу оговорюсь, что экраны, закрепленные на деревянных поддонах, представляют собой инсталляционную композицию, условно объединяющую прошлое и будущее.

Большинство макетов и эскизов созданы в течение последних 25 лет в Эстонии и уже вошли в Золотой фонд сценографии. Среди них, «Пианола» (режиссер Э. Нюганен), «Филумена Мартурано» (режиссер Г. Михайлов), «Лес» (режиссер Н. Лапина), «Пятидесятница» (режиссер М. Киселов), «Венские каникулы» (режиссер М. Чумаченко), инсталляция «Дядя Ваня» (режиссер Л. Петерсон) и другие.

Зрителям или критикам зачастую свойственно «приписывание» тайных смыслов режиссерской работе или работе художника, которые, как правило, не только не закладывались, но даже и не предполагалось, что именно так могут быть расшифрованы «тайные послания». Поэтому чрезвычайно интересно, когда сам Художник приоткрывает завесу своего внутреннего творческого процесса.

Как признался Владимир Аншон: «Главное для художника — создать атмосферу сверхпроводимости, которая будет положительно воздействовать и на зрителя, и на

Портрет «Надежда»

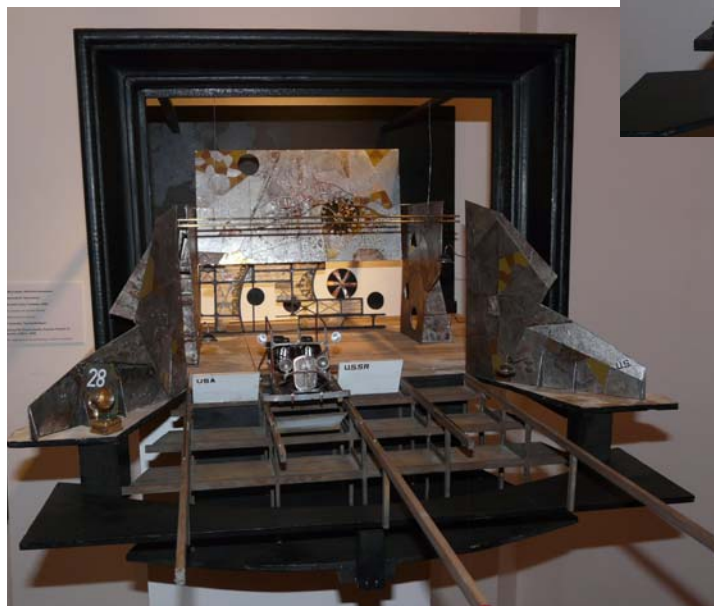

Икона «Архангел Михаил»

«Пятидесятница» (реж. М. Киселов)

Икона «Христос в терновом венке»

«Венские каникулы» (реж. М. Чумаченко)

Владимир Аншон и Адольф Шапиро

«Аз емь Альфа и Омега»

актера. Я стараюсь вкладывать в свою сценографию внутренние глубокие концептуальные смыслы, и не важно, если они не читаемы. Важно, что это создаст правильное взаимодействие зрительного зала и сцены. Ведь какое самое ценное открытие в театре? То, что происходит внутри зрителя, когда у него появляется ощущение восторга от понимания происходящего на сцене. Моя задача — способствовать такому открытию. Порой этого можно добиться одной-единственной вещью, которая сработает на сцене сильнее, чем актеры».

Сакральная часть — это работы из цикла «Слово в пустоте. Малевич № 10.1», которые выполнены в размере «Черного квадрата». Речь идет об иконе «Христос в терновом венке», графических работах «Аз емь Альфа и Омега», «Корень слов», «Рождественская звезда», «Я — пустота» и другие. В этот же цикл включена инсталляция «Субстанция Света», посвященная 100-летию образования Эстонской Республики, одним из символических смыслов которой является духовный вклад эстонской культуры в общее пространство европейской и мировой цивилизации.

По словам художника, ему всегда была интересна тема пустоты, поскольку «всякий художник, особенно театральный, стремится к выразительности и простоте. Пустота — предел выразительности».

Цитаты из разных интервью:

«Сценограф не может дать актеру конкретное задание. Но он способен помочь актеру уловить сквозное действие, создать пространство, в котором чуткий актер будет двигаться именно так, а не иначе. Обстоятельства, выраженные в объеме. А задача режиссера — суметь понять смысл этих обстоятельств и вложить их в актера».

«Пространство, на котором встречаются режиссер, художник, актер — это пространство художественной идеи, и здесь не должно быть места конфликту».

«Театр — это сфера борьбы смыслов. Но сейчас это порой борьба с бессмыслицей. А иногда — борьба (и увы, победоносная!) бессмыслицы со смыслом».

«Мы живем в эпоху церковного ренессанса. Ренессанса церковного искусства. Если Бог даст нам жить далее, и если пройдет 100 лет, то об этом периоде будут вспоминать как о периоде, когда воскресало вновь церковное, храмовое искусство, живопись — то, что было закрыто для всех на 70 лет».

«Человек — не стул. Он — одухотворенное существо, и мы родились для того, чтобы найти диалог с тем, кто создал этот мир и кто нас в этот мир пустил. Время жизни нам для этого и дано. Если мы этого не осуществляем, тогда всякий смысл нашей жизни пропадает». **ИБ**

СКРИПКИ И СУДЬБЫ

Российско-итальянский выставочный проект «Миф Страдивари» в Центральном музее музыкальной культуры

Елена ГЛЕБОВА
Фото автора

Фрагмент экспозиции

Голоса скрипок, сделанных великим Антонио Страдивари, специалисты называют ангельскими и вот уже более 300 лет безуспешно пытаются разгадать секрет их звучания. Считалось, что он владел особым рецептом лака, приготовление которого напоминало магический ритуал.

Скрипка Андреа Амати, созданная для короля Франции Карла IX. 1566. Из коллекции музея скрипки в Кремоне

Оборотная сторона скрипки Карла XI с сохранившимся изображением герба династии Валуа. 1566. Из коллекции музея скрипки в Кремоне

По одной версии, Страдивари узнал его состав у аптекаря-алхимика, а потом усовершенствовал с помощью порошка из крыльев неизвестных насекомых и пыли с пола своей мастерской. В другой утверждается, что в состав лака входили смолы деревьев, произрастающих когда-то в южнотирольских лесах, но со временем полностью вырубленных. И главный миф: Страдивари, так же, как и другие прославленные мастера, делал свои скрипки из обломков Ноева ковчега.

На выставке в Центральном музее музыкальной культуры были представлены пятнадцать музыкальных инструментов, сделанных руками великих мастеров кремонской школы — Амати, Гварнери, Страдивари, Черутти. Десять из них принадлежат Государственной коллекции уникальных музыкальных инструментов России, пять — Музею скрипки Кремоне, что в Ломбардии. Трудно сказать, какой из этих экспонатов наиболее значим, потому что каждый из них, будь то скрипка или альт, представляет собой инструмент мирового уровня. Но самая ста-

ринная, без сомнения, — скрипка Андреа Амати, созданная им в 1566 году для короля Франции Карла IX и украшенная гербом династии Валуа. Шедевр прибыл в Москву из Кремоне и стал символом удивительного итальянского города, где на протяжении нескольких столетий формировалась одна из самых мощных скрипичных школ. Традиция не прерывается, и сегодня здесь действуют международная школа скрипичных мастеров, известные во всем мире реставрационные мастерские. Не так давно при содействии российского правительства кремонские мастера отреставрировали два старинных инструмента из Госколлекции — скрипку венецианского мастера С. Серафина (1749 год) и виолончель П. Гварнери (XVIII век). Не исключено, что скоро и у нас появится Центр реставрации музыкальных инструментов. Во всяком случае, работа в этом направлении ведется.

Несколько слов о Государственной коллекции уникальных музыкальных инструментов Российской Федерации, которой в 2019 году исполнится 100 лет. Она насчитывает 285 экспонатов, созданных выдающимися мастерами в XVI–XX

ВЫСТАВКИ

«Мастерская скрипичного мастера».
Фрагмент экспозиции «Миф Страдивари»

Шаблон для скрипки с точками промеров.
Из коллекции музея скрипки в Кремонe

Формы для скрипок.
Из коллекции музея скрипки в Кремонe

столетиях, и является лучшей в мире, поскольку наиболее полно представляет все европейские школы смычковых инструментов. Есть среди них образцы мирового значения — скрипки братьев Антонио и Иеронима Амати, скрипка Николо Амати, которую считают лучшей работой этого мастера, альт Андреа Гварнери, несколько скрипок Антонио Страдивари. Одна из них, созданная великим итальянцем за год до смерти, вошла в экспозицию «Миф Страдивари».

Речь идет о скрипке 1736 года. Это по-настоящему редкий и ценный инструмент, потому что в последний год своей жизни 92-летний Страдивари сделал их не более четырех. Специалисты

отмечают некоторую тяжеловатость ее формы и грубоватость очертаний, но при этом выдающиеся акустические свойства. Словно бы это голос мудрого старца, не утратившего энергии юности. Творчество Антонио Страдивари принято делить на три периода — «amatise», когда он работал в стиле своего великого учителя Андреа Амати, а затем экспериментировал над типом скрипок; «золотой», во время которого создавал собственные модели; «поздний», направленный на поиск особого тембра. Такое деление условно, потому что каждый инструмент Страдивари, подчеркивает музыковед, старший научный сотрудник ВМОМК им. М.И. Глинки Ирина Новичкова, являет собой совершенство звука и формы. Эту скрипку, поступившую в Госколлекцию почти столетие назад, называют «юсуповской». Она была приобретена в первой половине XIX века в Италии князем Юсуповым и хранилась в семье вплоть до эмиграции из России последнего представителя этой фамилии. Считалось, что ее вывезли из страны, но потом случайно обнаружили в тайнике в родовом дворце Юсуповых на Мойке в Санкт-Петербурге и передали в Госколлекцию.

Ирина Новичкова рассказала еще одну знаковую историю, связанную с этой удивительной скрипкой. В 1937 году бельгийская королева Елизавета организовала международный конкурс скрипачей, и его победителем стал Давид

Памятник скрипке на железнодорожном вокзале Кремоны

Памятник Антонио Страдивари в Кремоне

Ойстрах из СССР. Играл он на той самой «юсуповской» скрипке, выданной ему для такого случая из Госколлекции. Королеву потрясла игра музыканта из молодой страны Советов, долгое время они переписывались (эти письма хранятся в собрании Центрального музея музыкальной культуры), а в конце жизни Елизавета, превосходно игравшая на скрипке, завещала Ойстраху свой инструмент. Так творение рук Страдивари 1671 года оказалось в России, а после смерти легендарного скрипача было передано в Госколлекцию. Скрипка королевы Елизаветы также стала частью экспозиции «Миф Страдивари».

Эта выставка, строгая и сдержанная по форме, охватывающая почти пять столетий, словно сплетена из невидимых лучей, которые соединяют поколения и судьбы выдающихся мастеров — альт работы основателя кремонской школы Андреа Амати и скрипка его сына Антонио, далее скрипка внука Андреа Амати Николо, принявшего в ученики Антонио Стради-

Концерт Светланы Степченко в Музее им. М.И. Глинки

вари, которому было суждено превзойти своего великого учителя.

Отдельная часть выставки — «Мастерская скрипичного мастера», где во всей простоте и величии предстали рубанки, пилы, напильники и плотницкий стол со специальными зажимами; заготовки выдержанной древесины и шаблоны деталей скрипок, чертежи с множественными точками промеров, автографы из мастерской Антонио Страдивари и Энрико Черутти — эти экспонаты привезены из Музея скрипки в Кремоне.

Конечно, главных секретов выставка не раскрыла, но позволила прикоснуться к судьбам великих мастеров и их творений. И стать свидетелем подлинного чуда — услышать голоса старинных инструментов. Возможно, это тоже один из мифов, но считается, что они со временем набирают красоту и звучат даже лучше, чем при жизни своих создателей. Поэтому важной частью выставочного проекта «Миф Страдивари» стал цикл лекций-конcertов с участием ведущих российских музыкантов Федора Белугина, Сергея Поспелова, Гайка Казаряна. На одном из завершающих концертов в Музее им. М.И. Глинки в руках заслуженной артистки РФ, солистки Национального филармонического оркестра России Светланы Степченко пел альт Страдивари, созданный в 1715 году. **ИБ**

ГЕНИЙ РУССКОГО БАЛЕТА

Ассоль Овсянникова-Мелентьева
Фото автора

В Музее-квартире Галины Сергеевны Улановой, что в одной из пяти знаменитых московских высоток, состоялась выставка одного экспоната — портрета балерины кисти заслуженных художников РСФСР, чьи работы представлены в разных музеях как России, так и за рубежом, Ольги и Леонида Тихомировых.

С Большаком

Выставка одного экспоната — явление достаточно редкое. Свидетелем такого события можно стать в двух случаях: когда экспонат имеет удивительную легенду или когда он может заменить всю коллекцию. И по словам заведующей музея Оксаны Карнович, в данном случае имели место оба эти условия.

Чем же интересна эта работа художников? Во-первых, это единственный портрет великой балерины, написанный с натуры. На его создание художники вдохновились после встречи с Улановой в фойе Большого театра: «Помнится, мы стояли в нижнем фойе и смотрели, как по широкой центральной лестнице стекала шумная, нарядная толпа, — вспоминали Тихомировы. — Мы сразу заметили в ней Уланову, привлекающую внимание светлой простотой своего костюма и какой-то застенчивой естественностью». Во-вторых, не секрет, что люди творческие очень редко и неохотно соглашаются позировать, поскольку процесс этот длительный, и времени, как правило, для сеансов нет. И то, что Галина Сергеевна дала свое согласие после двух-трех (!) уговоров (а потом трудились над портретом еще семь лет), большая удача не только для художников, создавших действительно уникальное произведение, а поистине жемчужину в своем наследии, но и для нас, имеющих счастье увидеть великую балерину такой, какой она была в повседневной жизни, — не под лучами софитов, не в окружении поклонников, а самой собой, такой, какой ее видели самые близкие люди, в число которых попали и Тихомировы. Последнее, конечно, мое личное предположение,

Портрет

которое я сделала исключительно судя по портрету. В нем нет пафоса, позы, когда «персонаж» хочет предстать перед потомками лучше, чем он есть, нет «искусственной красоты» и внешнего лоска, а есть устремленный вдаль задумчивый взгляд и простота в угадывающихся движениях... души. Сдержанные тона, нежная палитра. На героине нет украшений, серое платьице, свидетельствующее о ее необычайной скромности, деликатности, трогательности и простоте, и в то же время строгости и изящности, о которых говорят все, кто знал Галину Сергеевну лично. И без преувеличения, портрет стал своеобразным мостиком от нее к художникам, а от них — к нам.

В свое время Леонид Тихомиров в одном из интервью на вопрос, почему именно Галина Сергеевна привлекла их внимание, ответил: «...А как, скажите, мы могли не написать гениальную балерину, нашу современницу, — это же все равно, что не сохранить для потомков Шаляпина или Ермолову, живи они в наше время».

Спустя 50 лет портрет вернулся в пространство, в котором он создавался. Рядом тот же диван, то же покрывало... Мы как будто попали в зеркальную комнату, где предметы, многократно отражаясь в галерее зеркал, множатся бесконечно. Но если быть точной до конца, то писался портрет в другой квартире, немного меньшей, нежели та, в которой сегодня расположена музей-квартира. Она находилась в этом доме, но в другом крыле. Была на одну комнату меньше. Переезд Галины Сергеевны стал возможным благодаря усилиям корреспондента газеты «Комсомольская правда» Татьяны Агафоновой,

Статуэтка «Лебедь»

Коллекция лебедей

которая стала не только близкой подругой Улановой, но и ее помощницей, устроив ряд квартирных обменов.

По словам представителей семьи Тихомировых, художники написали триптих. Точно известно, что одна из картин была куплена в 70-е годы британским коллекционером и вывезена в Англию. Где сегодня находятся две другие неизвестно, но организаторы выставки надеются, что рано или поздно местонахождение обнаружится и появится возможность их «воссоединить».

В квартире, где сегодня располагается музей, балерина жила с 1986 года. Судя по сохранившейся обстановке, жила она очень скромно, без излишеств, а вот одевалась очень стильно и с большим вкусом. Сегодня каждый предмет мебели, декора, интерьера — бесценен, поскольку хранит свою неповторимую историю.

Первое, на что обращаешь внимание, переступая порог гостиной, — большое «вольтеровское» кресло и огромное, в полстены зеркало.

Кресло XVIII века Галина Сергеевна называла «орудием пыток», спинку которого она по наставлению мамы использовала как станок для растяжки. Напомню, что родители Галины Улановой Мария Романова и Сергей Уланов были артистами Императорского Мариинского

Во время сеансов

Статуэтка Фонтейн-Уланова

Спальня

театра, поэтому первым педагогом стала мама, и первые свои па юная Галина делала под звуки музыкальной шкатулки. Это уже намного позже у нее появится маленький «дорожный» станок, который она всегда возила с собой на гастроли (его тоже можно увидеть в экспозиции).

Уже очень скоро девятилетняя Галина Уланова вышла на сцену Петроградского театра оперы и балета в одноактном балете Мариуса Петипа «Капризы бабочки». Балет, поставленный по случаю свадьбы великого князя Павла Александровича и дочери греческого короля Александры Георгиевны в 1889 году, сохранялся в репертуаре театра до 1922 года. А перед креслом стоит небольшая подставка, подарок актрисы Татьяны Пилецкой, снизу которой написано: «Чтобы вашим ножкам было спокойно». А эти ножки, ох как они трудились всю жизнь... К слову, в другой экспозиционной комнате находится молоточек, которым балерина разбивала свои пуанты. В свое время она

отдала его своей первой ученице Екатерине Максимовой, которая потом вернула молоточек в музей.

У зеркала тоже своя интересная история. Оказывается, это только его половина! Эту, без преувеличения, семейную реликвию балерина привезла из Петербурга в Москву, когда в 1944 году ее пригласили в Большой театр. Вторая же его половина осталась у матери. А приобрела Мария Романова это зеркало на эрмитажных распродажах для того, чтобы заниматься со своими ученицами.

В квартире очень много статуэток и сувениров. Сложно не заметить на трюмо перед зеркалом изящную статуэтку сидящей на скамейке Марго Фонтейн в образе Жизели, сделанную на Королевском фарфоровом заводе Доултона. Но совершенно неожиданно снизу вы прочитаете «Galina Ulanova Covent Garden — 1956 г.». Один из экземпляров статуэтки хранится в Лондонском музее V&A под именем Galina Ulanova. Такая путаница объясняется... успехом Улановой во время гастролей Большого театра в Лондоне. Он был так велик, что ее имя нанесли на уже изготовленные фарфоровые фигурки Марго Фонтейн. Именно после тех гастролей за труппой Большого театра закрепилось название «Большой балет», а его символом стала Галина Уланова.

«Дорожный»
станок

Платье из
«Шопенианы»

«Вольтеровское»
кресло

Практически все фарфоровые статуэтки, находящиеся в квартире, выполнены поклонницей таланта Улановой, скульптором Еленой Янсон-Манизер. Среди них особое место занимает ставшая впоследствии памятником в Стокгольме «Лебедь». К слову, это единственный на сегодня в мире памятник, установленный балерине при ее жизни.

Невозможно не задержаться и около балетного платья Улановой, в котором она последний раз вышла на сцену в балете «Шопениана» 29 декабря 1960 года. Мистика ли, судьба ли, но именно этот балет был ее выпускным спектаклем. И этот сценический «цикл» ее творческой жизни длился ровно 50 лет!

Как известно, Галина Сергеевна очень любила животных и много лет рядом с ней был пудель благородных кровей, названный в честь... Большого театра, Большиком. История его появления в доме балерины заслуживает отдельного рассказа. Однажды, прогуливаясь по парку во время гастролей в Лондоне, Уланова обратила внимание на пуделька. Его хозяйка узнала балерину, поскольку во всех лондонских газетах были ее фотографии. Прошло какое-то время, и в Москву прилетел частный самолет с маленьким щенком на борту.

К нему прилагалась записка: «Москва, Большой театр, Улановой». К слову, сначала пуделя называли... ГАБТиком (от аббревиатуры Государственный академический Большой театр), а потом переименовали в Большик. Галина Сергеевна невероятно любила животных, но Большик был ее единственным питомцем, после смерти которого она так и не смогла никем его заменить.

Отдельная страница — это фотографии, которые рассказывают о жизни человека больше всего. На них Галина Сергеевна запечатлена в жизни, на сцене, в репетиционных залах со своими учениками. Здесь же фотопробы к фильму «Иван Грозный» Сергея Эйзенштейна, который видел Уланову в роли царицы Анастасии. Но, к сожалению, не случилось. Впоследствии эту роль сыграла Людмила Целиковская. Совместные фото с Ольгой Спесивцевой, с дочерью Льва Толстого Александрой, которая помогала беженцам и эмигрантам в Америке... Обо всем этом и многом другом увлекательно рассказывает на экскурсиях по музею-квартире Оксана Карнович.

Галина Уланова никогда никого не обременяла просьбами, хотя так до конца жизни и не научилась пользоваться стиральной машиной. Сама ходила в магазин, сама стирала, убирала. Первый инсульт она пережила после смерти помощницы Татьяны, второй — 21 марта 1998 года. После него балерина уже не оправилась. **ИБ**

Родился в 1966 году, в Москве. Участник семинара Кирилла Ковальджи.

В молодости писал много, но, к счастью, избежал соблазна публикации.

С 1995 года живет в Дании, ученый и преподаватель в Датском Техническом Университете (Копенгаген).

Автор книги «Стихи для Альтер Эго» (Водолей, 2007). Входил в редколлегию журнала «Новый Берег» (Копенгаген).

Публиковался в различных сетевых и бумажных изданиях: «Кольцо А», «Арион», «Дети Ра», «Новый Берег», «Вечерний Гондольер» и других.

Александр Шапиро

БРАЗИЛИЯ

П.Б.

В краю, где не ступала нога, одетая в шерстяной,
где нет товарища, нет врага, а только море и зной,
где обреченная беднота, как мох, обжила холмы,
где признают лишь язык перста расслабленные умы,

в краю, где жизнь означает власть прекрасных бездумных тел,
куда подростком мечтал попасть, и песни об этом пел,
а ныне край, не вообще края, и мука моя и месть —
Зачем здесь я, отчего здесь я, какого чёрта я здесь? —

в краю, должно быть, краю Земли — кругом океан стоит,
и величавые корабли отчаливают в Аид,
и грифы плятятся свысока, глотая залива вонь,
как града старческая рука ершит шевелюру волн —

в краю, где слишком легко постичь, чем край этот нездоров,
где мяч взмывает, креста опричь, толпа испускает рев,
а я совсем из другой семьи, не в силах забыть родни, —
но здесь окончу я дни свои — и хором: окончим дни.

Окончен день. Задержись слегка на побережье. Читай
контекст куста, письма на песка, созвучия скал и стай.
Своей походочкой воровской уйдет в океан закат,
и захлебнется ночной покой извечной тоской цикад...

***

Разучился доверять посулам
видимости. Вижу, скажем, дом.
Кто бы этот морок ни подсунул,
всё равно ведь заберет потом.

Отвернусь — и ничего не станет,
не останется со мной.
Занесет косматыми песками.
Скроет коркой ледяной.

Как назвать таинственное, что-то
большее, чем заводной бубнёж,
что сотрется в ходе отворота:
и вернешься — не вернешь?

Пахло старыми коврами в доме,
ночью распахнулась дверь в чулан —
и исчезла. Всё исчезло, кроме
формуляра радостей и ран.

Всё почистили, поубирали,
подравняли нашу ерунду.
Как ходил я этими дворами.
Как сейчас иду.

***

Выйдешь с утра освежиться
лицо остудить на ветру
сорвется с балкона нездешняя птица
канет в дыру

Листвы неопрятная ветошь
дырявая сплошь
травы торопливая ретушь
мурашная дрожь

Смотри эти дырки повсюду
глазуют из темных углов
и специалисты по сьюру
латают их сетками слов

они хитроумны и прытки
и не замечают когда
запутываются их нитки
как дырчатая борода

Там вроде заплатку нашили
а тут прорвалось
проткнула прореху пошире
небесная ось

Вот я стою на балконе
гляжу на кусты
общее место в законе
густой пустоты

я исповедаюсь тополю
а человеку совру
падаю штопором штопаю штопаю

самую темную самую теплую
в мире дыру

БАЛЕТНАЯ БАЛЛАДА

наш театр представляет премьеру
мировая война в па-де-де
энергичную танца манеру
знатоки оценили везде

поглядите и вы понарошку
пусть наполненный зал поглядит
как вращает изящную ножку
офицер перед тем как убит

перед тем как красиво красиво
словно стая обугленных птиц
разлетается брызгами взрыва
перепуганный рой танцовщиц
как гвардейцы роняют винтовки
ах вальсируют падают ах
а вокруг чудеса джигитовки
на игривых картонных коньках

а по воздуху пульною пылью
балеринки легко мельтешат
а по полю танкетки поплыли
венценосные как падишах

ненавижу искусство балета
обожаю балетную прыть
мимолетный рассказ пируэта
как погибнуть или как убить

вы смотрели премьеру впервые
досмотрели финал до конца
браво браво ликуют живые
и погибшие кланяются

***

Когда она лежала легка,
легка, потом тяжела,
казалось: медленная река
через неё текла.

Ей нравилось отдавать займы
реке, возлюбля врага,
свои пещеры, свои холмы,
покатые берега.

Тогда, приливами черноты
исследуя каждый штрих,
река смывала ее черты.
Или промывала их.

***

1.
Когда несолоно хлебавши
мы возвращаемся домой,
потрепанные вещи наши,
тахта глухая, шкаф немой,
глядят на нас неблагосклонно,
поблескивают без огней,
лишь вздрагивает дверь балкона
тому упреком, что за ней.

2.
Из дальней комнаты сфумато
боится выглянуть на свет.
Оно ни в чем не виновато,
но вечно usual suspect.
То будто щурится спросонок,
то засыпает дочерна.
Когда-то там рыдал ребенок,
но тягостнее тишина.

3.
У книжки пошлые соседи.
Она не хочет отвечать
на болтовню энциклопедии,
где нет ни слова про зайчат.
Ее любитель был в печали,
а мы сваяли дурака:
лет двадцать пять не замечали
заставленного корешка.

4.
На блюде тронутая сдоба
лежит, как судно на мели.
С утра уходим мы из дома,
как дети из него ушли.
Заглянет облако несмело,
и тени бродят от угла
к углу, покуда не стемнело
и не заснули зеркала.

***

Это рай — а может, это раннее
утро. Золотое вещество
заливает дыры над окраиной,
за которой нету ничего.

Побережье выросло и вымерло.
Поплавки играют в бильбоке.
Мы с тобой гуляем по периметру
мира, мочим ноги в молоке.

Неуклюжий, очевидно заспанный,
южный ветер тычется в баркас.

Осень наступает. Станет пасмурней.
Есть еще две жизни про запас.

***

Топчешь себе, топаешь тропкою горной
или пусть равнинной, через поля, —
всюду это облачко, темное, бесформенное
ходит за тобою, чуть траву шевеля.

Кустики дорожные, садики дачные —
стоит лишь расслабиться и взгляд отвести —
потускнеют, скроются за полупрозрачное
стекло — потом очнутся и продолжат цвести.
Неба ведь не вырезать и корней не вырвать.
Что же так темнеет и мертвеет в груди?
Вынй большой смартфон, попробуй сфотографировать
это... только близко лучше не подходи.

***

Мы в кафе попросили
воду
соль
дом.
Здесь немного России,
пепельницы вверх дном,
кофе гуще мазута
в чашках с крапом берез —
все как будто
как
будто.
Но всерьез.

МОНЖУИК

Это песня неопытности, и она же — вины.
Это путь по периметру пропеченной на солнце стены.
Это кислое счастье туриста: бреди да потей,
коль ворота закрыты, и нет ни дыры для незваных гостей.

Переимчивый Кэнон, приподнятый над головой,
заглянул через стену и видит пейзаж неживой:
полустертые строки, занесенные пылью торцы,
непростые постройки, в которых покойничают мертвецы.

Мы бредём по периметру. Нас наблюдают в упор.
Я попал в обрамленье. Я пойман, хоть, вроде, не вор.
Убежать невозможно, лишь друг друга в руках унести.
Я давно уже позван, зачем же по кругу брести.

От стены сквозь репейник мы спешим, мы спускаемся
вниз.
Мы заросших ступенек не заметили, так пробрались.

Снова травы застыли. Сухостой от бессилия желт.
Мы здесь были. Мы были. Пережженного Бог бережет.

***

Песенка, написанная палачом.
О любви, конечно же, а то о чем.
Искренняя песенка, не без грустинки.
Видится как будто вечер, и весна,
и в синеем предместье, из окна —
бормотание заезженной пластинки.

Видится еще, как где-то наверху
вызревает смысл, как ягода во мху,
а потом, из глубины мохнатой тучи,
выбирает наобум проводника,
и записывает музыку рука,
приспособленная убивать и мучить.

Что ж, признаемся: и мы не без греха.
Мелочевка, человечья trebuха
коммуналок, и не в каменных палатах
зачинались, и не в золоте росли,
и с усилием прорастали, как могли,
сквозь чащобу из таких же — виноватых.

Как нам ни бреши, на чем нам ни брэнчи, —
Благодетели себе и палачи,
Всё мы рады, всё мы любим, как умеем,
а не любим — поминаем лишь добром
это небо над рисованным двором,
эту песню, сочиненную злодеем.

ПЕСЕНКА

Вещи, расставленные по местам,
прячут, подпольно и запотолочно,
мир настоящий. Расскажем, что там,
там, где не важно, и там, где не срочно.

За декорациями говорит
море, скрывая в своем габарите
остров, и в центре его лабиринт.
Море бессмысленно. Смысл в лабиринте.

Из подземелья потянется нить,
Следуй за нею, куда-нибудь выйдешь.
Все, что увидел, сумей полюбить.
Что не полюбишь, то возненавидишь.

Если нахлынет животная жуть,
хочется выключить, дальше не надо, —
глубже попробуй еще заглянуть,
не отводи пораженного взгляда.

*Выйдешь наружу — не стоит темнить,
прятаться в тень, уходить от ответа:
Главное в песенке — мир изменить.
Мир изменился, и песенка спета.*

*Книжная полка, родное вдвойне
кресло, в которое с книжкой канешь.
Чудище, виденное в глубине,
стало тобою, но ты им не станешь.*

***

*Одни кричат: это наша земля.
Другие кричат: это наша земля.
Мы сорные травы на спорной земле.
Меньше нуля.*

*Одни хотят народной войны.
Другие хотят народной войны.
Но корни народа глубоко в земле
переплетены.*

*Одни говорят, что воюют за нас.
Другие твердят, что воюют за нас.
Но если б они ворвались в твой дом,
никто бы не спас.*

*Когда не останется яств на столе,
когда не останется искры в золе,
они уберутся. Останемся мы
на выброшенной земле.*

ПЕСНИ ВОСТОЧНЫХ ДАТЧАН

***

*Помню все
Кроме главного. Помню
Собака бежит по полю
В контр-ажуре
Дом на опушке*

*Моргает детским глазом
Помню что там за лесом
Все кроме
Острога счастья
Неуловимого как
Вкус соленых ryzhiк'ов
Которыми угощал
Один русский*

***

*Вода
Вода
Вода
Наконец встаем
В гулкой церкви
Жужжим псалом
Небо над буками
Солнце над побережьем
Так и мы Господи
Волны фальшивят
Четверо выносят
Гроб. Маленькая толпа
Ручейком вытекает
За пастором. Опускаем
В песок*

***

*Если возможна
Песня без слов
Значит возможно
Фото без света
Главное рамка
И то что немного
За ее пределами
Не видно
Но можно догадаться
Обо мне например*

XX «Встречи в России». 2:0 в пользу театра

Этери Кекелидзе

Фото предоставлены организаторами фестиваля

XX Международный фестиваль русских театров зарубежья был посвящен русской классике, но девиз его звучал «2:0 в нашу пользу», напоминая зрителям о предстоящем Чемпионате мира по футболу, который этим летом пройдет в России. И в оформлении огромного центрального фойе театра-фестиваля «Балтийский дом» тоже главенствовали мотивы будущих футбольных битв: на остроумных плакатах наши классики — Пушкин, Лермонтов, Чехов, Достоевский, Толстой — поддерживают будущий чемпионат не только цитатами из собственных произведений, но и манипулируют футбольными мячами. А 2:0 означает 20 лет как этот фестиваль в этих стенах родился, рос, вырос и стал признанным крупнейшим фестивалем русских театров зарубежья.

ПЕРВАЯ ГОДОВЩИНА НОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Год назад здесь была создана Ассоциация деятелей русских театров зарубежья, и фестиваль открылся II съездом этой организации, которая уже объединила 84 человека более чем из 30 стран мира, в том числе таких далеких, как Коста-Рика и Австралия. Это люди, чьим делом жизни является сохранение русского языка и традиций русского театра. Создан сайт Ассоциации, издан буклет, в котором зафиксирована вся работа, проделанная за год, в том числе, сколько, где и по каким специальностям проведено мастер-классов в ответ на просьбы членов Ассоциации повысить квалификацию сотрудников русских театров зарубежья «на местах». Все выступающие отмечали, что русские театры из стран Балтии, Белоруссии, Казахстана, Киргизии, Армении, Грузии, Молдовы, Узбекистана и дальнего зарубежья имеют свой дом в Балтийском международном фестивальном центре, который вот уже 20 лет под руководством Сергея Шуба принимает русские театральные коллективы из разных стран, где им живется совсем непросто, в том числе и по причине зависимости от политических отношений властных структур той или иной страны с Россией. Тем не менее, Россотрудничество при российском Министерстве

тве иностранных дел оказывает им посильную помощь, в частности, оплачивает дорожные расходы приглашенных экспертным советом театров на фестиваль «Встречи в России».

Ассоциацию деятелей русских театров зарубежья активно поддерживает Министерство культуры РФ, Межпарламентская Ассамблея государств-участников СНГ, СТД РФ и комитет по культуре Санкт-Петербурга. Число желающих стать членом Ассоциации растет, и объяснение этому простое — с одной стороны, это защита творческих прав, с другой, благодаря Ассоциации, можно послать на курсы в Москву на базе СТД РФ своих артистов, пригласить к себе специалистов по речи и сценическому движению. Но самое главное — при возникновении каких-то сложных проблем есть куда обратиться за советом, можно пригласить критиков, режиссеров, получить поддержку новым художественным проектам.

20 ШАГОВ ЗА ГОРИЗОНТ

За прошедшие 20 лет на фестивале «Встречи в России» выступили 72 коллектива из 24 стран мира и было сыграно более 200 спектаклей. Высшей наградой для участников фестиваля является премия

«Демон». Фото
Н. Кореновской

имени народного артиста СССР Кирилла Лаврова — раньше ею отмечался отдельный спектакль, но уже несколько лет премию получает коллектив русского театра за рубежом за творческие достижения. В этом году этой премии был удостоен Государственный академический Русский театр драмы имени М. Горького из Астаны (Казахстан).

Программа нынешних «Встреч» включила 10 спектаклей из разных стран — Израиля, Грузии, Латвии, Эстонии, Литвы, Казахстана, Узбекистана, Киргизии, Молдовы. Заметим, что было много спектаклей для большой сцены, крупного формата, многонаселенных, что делает фестивалю особую честь.

Программа была очень сильной, как минимум о четырех спектаклях можно было говорить по самому высокому счету — это «Демон» Киргизского русского театра из Бишкека, «Евгений Онегин» Русского театра драмы из Астаны (Казахстан), «В небеса» по Хармсу «Театра с улицы Роз» из Кишинева (Молдова), и «Голый король», представленный Даугавпилским театром из Латвии.

Это не значит, что остальные спектакли были слабыми и провальными, совсем нет, критики особо отмечали удачную, внимательную к деталям постановку «Ревизора» в Карагандинском русском театре из Казахстана, в котором наивный романтик Хлестаков вызывает не только подхалимский ужас и восхищение, но становится для мужской половины уездного общества иконой стиля — его красные носки ввели в городе новую моду, обязательную для всех (режиссер Станислав Васильев).

Но, на мой взгляд, именно четыре спектакля составили событийный ряд фестиваля.

ЧТО ОБЩЕГО МЕЖДУ ЛЕРМОНТОВЫМ И «МАНАСОМ»

«Демон», поставленный Владимиром Панковым в Бишкеке, является ко-продукцией театра и Международной конфедерации театральных союзов при поддержке Межгосударственного фонда сотрудничества государств-участников СНГ. Такое сотрудничество — благо для любого русского театра зарубежья, потому что позволяет осуществлять постановки, которые одному одолеть не под силу ни по масштабу, ни по возможностям.

«Демон» был впервые показан в прошлом году на Чеховском фестивале в Москве на малой сцене Театра Наций. На фестивале в Минске, как сообщил на обсуждении спектакля наш коллега из Белоруссии, спектакль тоже шел на малой сцене.

Удивительное, какое-то гуттаперчевое пространство придумал и выстроил художник SounDrama Сергей Агафонов: на огромной сцене «Балтийского дома» сценография смотрится как родная, подчеркивая огромность расстояний — где-то вдалеке справа видны отблески степного костра, огромная куча щебня в центре не мешает пластическому рисунку, включающему даже рукопашные бои, слева на сцене европейский камерный ансамбль — виолончели и скрипки, справа этнические инструменты, где главный — кыл каяк, похожий на половину груши, в руках настоящего Манасчи, исполнителя казахского эпоса «Манас».

Действие поэмы «Демон» и романа «Герой нашего времени» перенесено с условного романтического Кавказа в условный же Восток. Гора щебня — и реальная гора, и условная высота, с которой можно обратиться к высшим силам. Свет прожекторов направлен в зри-

«В небеса». Фото Ю. Богатырева

тельный зал, создавая световой занавес, и когда становится видно сцену, мы видим сразу три плана: белая обнаженная мужская фигура появляется над этой горой словно ниоткуда (Демон?), на первом плане у женщины в национальном костюме с массивным головным убором начинают разматывать эту чалму, и длинное белое узкое полотнище никак не кончается, а из кулисы слева появляется высокая фигура в военной форме царского времени — Максим Максимович возвращается в свою часть... «Демон» — та точка пространства, где встретились и переплелись Вселенная, Миф и Реальность. И белая, словно бестелесная фигура делает первый выбор: начинает примерять офицерский мундир, Демон становится Печориным (эти роли исполняет замечательный актер Марат Амираев).

Спектакль, созданный Владимиром Панковым на стыке русской и киргизской культуры, на мой взгляд, явился шагом вперед от ставшей уже традиционной для него саунд-драмы — это не просто смешение языков и музыки, это поэтический культурный текст, где взаимодействуют разные национальные театральные и визуальные культуры. В стилистике «Демона» чувствуется и влияние литовского театра, и кинематографа Тарковского — например, девочка-ангел с одним оторванным крылом, которая везде своя, и в поэме, и в романе, и в «Манасе», напоминает и Дурочку из «Андрея Рублева», и девочку-судьбу из «Маленьких трагедий» Някрошюса, а отец, который привозит погибшей дочери ангельские крылья на крестьянской тачке, тоже привет от поэтики Някрошюса. И в то же время это совершенно оригинальный сценический текст, с собственными правилами, со сплавом разных театральных традиций и направлений. Мощнейшая сцена объяснения в любви Демона и Тама-

ры, абсолютно точная психологически — и очень эротическая, хотя актеры совсем не сплетаются телами! — по тексту создается из повторений фразы «на что тебе душа моя?», звучащей на двух языках. Русский и киргизский языки в спектакле существуют на равных, но это не прямое переложение лермонтовской поэмы на киргизский язык, я бы даже сказала, что русский лермонтовский стих здесь страдает, но появляется новый звуковой ряд, сплав из двух языковых культур, не потерявший главного — поэтического звучания, выдерживающий сосуществование с настоящим манасчи, сказителем эпоса. (Как в Казахстане сохраняют эпос — это особая история, актеры потом рассказали, что каждый год проходит неделя «Манаса»: со всей республики собираются сказители, и зрители сравнивают их мастерство.)

Можно спорить о том, насколько убедительно сплетены воедино горы Кавказа, военный гарнизон, светское общество на водах, история Азамата и Казбича, Бэлы и Печорина, Тамары и Демона, но в том, что действие безупречно продумано, сомневаться не приходится.

Отличный спектакль, который может украсить фестиваль любого уровня, и «Встречи в России» открыли его не только для петербуржцев.

ПОЛЕТ В СТИЛЕ ХАРМСА

Таким подзаголовком сопровождается афиша спектакля «В небеса» «Театра с улицы Роз» в постановке Юрия Хармелина. Действительно — полет, легкий, свободный, союз масок-характеров, при этом актеры абсолютно органично существуют в абсурдистском тексте. На первый взгляд бесхитрое решение — просто разыгрываются коротенькие хармсовские тексты от простых замечаний до

«Евгений Онегин»

анекдотов. Но с точки зрения вербальной вся хитрость в отборе текстов, их компоновке, сочинении композиции. С точки зрения сценической картинке Юрий Хармелин построил эдакий дворик обернутов, похожий на итальянский патио, куда и поселил всех хармсовских героев. И оказалось, что при таком подходе становится совсем нелишней и эстетика, и законы Commedia dell'arte, позволяющей соеденять маски в самой разной комбинации.

Клоунский, подчеркнуто гротескный грим совсем не мешает обаятельной маске-милиционеру наводить порядок по идиотским правилам, маске-комиссарше железной рукой разруливать ситуации, маске-интеллекту находить прекрасное в виде женской ноги, обтянутой соблазнительным чулком, в самых неожиданных местах и так далее... Персонажи этого дома-дворика по-хармсовски нелепы, но по-человечески так понятны! Они влюбляются, ругаются, получают письма (чтение письма с бесконечными повторами и уточнениями, в котором мысли никак не связываются в один понятный текст, один из самых лучших эпизодов), дерутся, наконец. Эдакий замкнутый мирок, где обитают необычные индивиды по-особому воспринимающие мир, но способные делать вполне здравомыслящие замечания. Вот после вселенской драки милая девушка философски замечает: «Хорошие люди дерутся. Все мы хорошие люди, но никак не можем поставить себя на крепкую ногу». А вывод из другой миниатюры просто просится в сборник великих мыслей: «...так и мы иногда, упавая с высот достигнутого, ударяемся об унылую клеть нашей будущности...»

Молдавский «Театр с улицы Роз», уже не раз удивлявший фестиваль «Встречи в России» замечательно интересными работами по пьесам мировых драматургов (вспомнить хотя бы «Сиротливый Запад» МакДонаха или «Леди Макбет Мценского уезда»), на этот раз уди-

вил и обрадовал тонким прочтением одного из самых загадочных русских авторов.

РУССКАЯ КЛАССИКА ГЛАЗАМИ НЫНЕШНИХ ДЕНДИ

«Евгения Онегина» в Государственном русском театре драмы в Астане поставил молодой российский режиссер Юрий Квятковский.

Театр прочитал роман как «энциклопедию русской жизни», но — современной жизни русской золотой молодежи. Оказалось, что стих Пушкина прекрасно укладывается в рэп, два актера — один, помоложе — Евгений, постарше — Онегин — ухаживают за своей внешностью в барбер-шопе, перед зеркалами и со стилистами. Ленский объясняется Ольге в любви в ночном клубе, и не сам, а поручая сказать «я люблю вас, Ольга» солисту эстрадного шоу. Дуэль Ленского и Онегина происходит во время матча в настольный теннис, и ритм ударов шариков диктует ритм всей сцены и так далее. Все сделано очень лихо, слова от автора доверены современному блогеру, который, собственно, и ведет прямой репортаж событий — причем, что особо интересно, текст романа практически не сокращен. Но забавно услышать в стиле рэп сентенцию: «Кто жил и мыслил, тот не может в душе не презирать людей». Кстати, и от собственного комментария романа типа «Москва не сразу строилась...» авторы спектакля тоже не отказываются... Вполне современный мальчик, следя за разворачивающимся действием, время от времени задает вопросы своему смартфону о незнакомых словах: «Алло, Гугл, что такое занемог?». Разнообразных гаджетов — неотъемлемой приметы современного денди — в спектакле хватает.

Очень современно, очень темпераментно, очень выразительно по картинке, актеры работают выше всяческих

«Голый король». Король — О. Шапошников

похвал, и все адресовано глазу и слуху, но никак не сердцу. Этот спектакль не про «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет», он останется в памяти блестящим примером современного «искусства представления», но никак не искусства переживания. Очень характерная тенденция для современного театра, и совсем не только российского. Впрочем, некоторые режиссеры с пеной у рта доказывали мне, что современному зрителю никаких «ума холодных наблюдений» не надо, «пиплу» нужно именно динамично, именно громко, именно эффектно — и больше ничего. Сомневаюсь, «пиплу» ли это не нужно, может, просто эти режиссеры таким образом утешают себя. Но спектакль Квятковского действительно очень здорово сделан. Только, на мой взгляд, не очень вянет финал, когда Онегин густо мажет себя какой-то глиной, может даже косметической — возвращается в доисторическое состояние или так на него подействовали горестные заметы сердца?

Замечательно красивое зрелище представил зрителям спектакль Даугавпилсского театра «Голый король». С живой музыкой, очень стильно одетый и не менее стильно раздетый (костюмы и сценография Агнесе Лейланде и Инги Бермака Апиах), с красивыми, (почти) обнаженными мужскими телами. В начале спектакля два роденовских «Мыслителя», смотрящих в разные стороны, сначала соревнуются друг с другом, кто круче может расположиться в пространстве, а потом оборачиваются Генрихом и Христианом. Сюжетно к Андерсену и Шварцу добавлен сюжет из сказки Вильгельма Гауфа «Обезьяна в роли человека», но текст во многом дописан, первое действие практически подается как политическая сатира («в нашем демократическом государстве свое мнение нужно выражать очень осторожно»), рисуется образ некоего государства, где король-деспот всех своих придворных учит родину любить,

а они с восторгом учатся. Когда во втором действии звучит много именно шварцевского текста, он кажется чужим на этом празднике жизни. Разумеется, используются современные гаджеты, очень выразительный и красивый дрон летает прямо над головами публики.

Все замечательно, и режиссер Олег Шапошников, исполняющий главную роль Короля, вполне реалистично рычит на всех придворных, но последняя реплика делает спектакль настоящим открытием.

«А король-то голый!» — кричит толпа. И голый — в прямом смысле слова, умело закамуфлированный разными причинами, король спокойно отвечает: «Да, голый. Ну и что?».

Это фиксация современной тенденции разрыва с прошлыми идеалами, разрушения всех моральных принципов, начиная от Общественного договора Жан-Жака Руссо и заканчивая вековой традицией считать абсолютной правдой взгляд ребенка на суть вещей. «А король-то голый!» — кричит ребенок, и все взрослые словно бы прозревали, прячась за спину невинного малыша. Сегодня малыш может надорваться в крике — никто и ухом не поведет. Сегодня ПРАВДА ничего не доказывает (цитата из телевизора от польского политолога «Неужели вы думаете, что ВАША правда заставит кого-нибудь отказаться от СВОЕЙ выгоды?»), а ЛОЖЬ ничуть не стесняется быть схваченной за руку («Да, голый. Ну и что?»). Две формулы, в пространство между которыми помещается вся нехитрая современная философия сытости. ... Sic transit gloria mundi...

Два спектакля — казахстанский «Евгений Онегин» и даугавпилсский «Голый король» — являются яркими примерами как современной театральной эстетики, так и современной жизненной идеологии, и это доказывает старую неоспоримую истину о том, что искусство лишь беспристрастно отражает жизнь... ИБ

ТРЕТИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТЕАТРАЛЬНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ В ШЕКИ

Валентина Резникова

Один раз в два года в городе мастеров Шеки Министерство культуры Азербайджана проводит Международный фестиваль театрального искусства. Обычно в сентябре, когда краски осени превращают окружающий мир в выразительное художественное полотно. В этом году фестиваль провели в мае, когда граница между весной и летом начинает размываться, и природа, поигрывая цветом, нежится в уверенно разливающихся потоках солнечного тепла.

«Зов начал». Актер Нурбек Батулла. Творческое объединение «Алиф»

По мере того, как фестиваль закрепляет позиции творческого форума, все больше коллективов из ближнего и дальнего зарубежья изъявляют желание принять в нем участие. На II фестивале было много театров из России, Украины и Грузии. В этом — помимо коллективов из России (Казань, Владикавказ), Грузии (Тби-

лиси), участниками стали — театр «Титовак» из Южного Ирана (провинция Хормозган, г. Бандер-Аббас) и Колумбии («Акто Театро», Богота). Театр «Квинта» из Мексики, заявивший свое участие в фестивале, приехать не смог. Участниками стали и азербайджанские театральные коллективы — Шекинский государственный драматический театр, Шушинский музыкально-драматический театр (Баку), Русский драматический театр им. С. Вургуня (Баку).

Фестиваль превратился в единое государственное творческое мероприятие, в рамках которого азербайджанские репертуарные театры сыграли лучшие спектакли сезонов 2016–2018 гг., дав театрам-участникам международной программы коллегиальную поддержку, а также сделав Театр предметом пристального внимания всей страны.

Особым явлением фестиваля, по мнению критиков страны, стал молодой коллектив из Казани «Алиф». В группу творческих дерзких молодых художников входят трио музыкантов, трио вокалисток, композитор, хореограф, актер и режиссер-постановщик. Они создали спектакль, который в апреле 2018 года получил «Золотую Маску» в номинации «Современный танец —

мужская роль». Обладателем премии стал актер Нурбек Батулла (ученик Вениамина Фильштинского, выпускник Санкт-Петербургской Академии Театральных искусств). Постановочная идея принадлежит режиссеру-постановщику Туфану Имамутдинову (выпускник РАТИ, мастерская Олега Кудряшова.) Имамутдинов — автор спектаклей в Театре имени Вл. Маяковского, в «Современнике», в Театре Наций, Национальных театрах Румынии, Венгрии, Татарстана; лауреат фестивалей в Страсбурге, Лодзи (Польша), Шеки (Азербайджан). В качестве главного режиссера с 2014 года возглавляет Казанский ТЮЗ. В репертуарном листе режиссера пьесы М. МакДонаха, Б. Брехта, А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, И.-Б. Зингера, Т. Уильямса, Ж. Сиблейраса, А. Камю...

Идея постановки спектакля «Алиф» («Зов начала») навеяна творчеством классика татарской литературы Габдуллы Тукая. А точнее — его частичным исчезновением. Неожиданно для себя режиссер обнаружил, что подлинное творчество поэта, творчество в том его первоначальном объеме, которое могли изучать татары на своем языке до 1927 года, — больше недоступно. Потому что, начиная с 1927 года, язык, азбука которого переводилась с арабской вязи на латиницу, а потом на кириллицу, «потерял» по дороге к сегодняшнему исчезновению несколько букв алфавита, а потому колоссальная часть литературного (и не только!) наследия татарского народа оказалась утраченной безвозвратно! Так возникла идея «возродить» утраченные буквы (азбуку) в пластическом и звуковом сценическом образе.

Ведь каждая буква — это прежде всего звук. А у каждого звука — своя сила звучания. Точнее — сила вибрации. Наши предки знали силу звуковой вибрации и умели использовать звуки для восстановления внутренней гармонии и гармоничных отношений с окружающим миром.

Идеей режиссера «зажглись» актер Нурбек Батулла и хореограф-постановщик Марсель Нуриев. Потом присоединился композитор Эльмир Низамов. В результате родился эстетически красивый, эмоционально завораживающий спектакль, где в сценическом пространстве царят драматургия звука, ритма, пластики тела, создающие мощную энергию заново обретенного — благодаря сценическому искусству — языка, который доступен всем, невзирая на национальную принадлежность. Это — гимн эстетической и постановочной мысли, гимн профессионализму и любви к своим корням, гимн культурной преемственности поколений, которая жива несмотря ни на что. Туфан Имамутдинов начинает действие спектакля, отдавая пространство телу актера, которое живет, заполняя его собой без остатка. Плотность выразительной пластики и динамики настолько велики, что возникает ощущение, будто каждая буква алфавита вырастает до гигантских размеров. Потом постановщик включает в действие трио национальных инструментов и женских голосов. С этого момента каждая из пластически созданных букв обретает свое, орфоэпическое звучание. Складываются в слова и целые предложения. Язык обретает силу и

могущество. Он живет и развивается. Это — кульминация действия: сильный, уверенный, красивый актер Нурбек Батулла, сливаясь с ритмами и звуками трио, становится не просто человеком-актером, но проводником вибрирующей энергии, мощным потоком перетекающей в зал. Но вот в какой-то момент этой гармонии врывается нечто незримое, что начинает «стирать» буквы. Буквы теряют свою выразительную хореографическую законченность. Их поглощает Время, покрывающее песком забвения все — даже человеческую память...

Туфан Имамутдинов, Марсель Нуриев, Нурбек Батулла, Эльмир Низамов и трио музыкантов и вокалисток создали уникальное сценическое полотно, в котором органично и талантливо соединили все виды искусств, заставив забыть о старой истине: Театр — искусство синтетическое. Забыть, чтобы с ощущением первооткрывателей постичь эту истину заново.

Традиционный театр был представлен на фестивале сценическим опытом гостеприимных хозяев — Шекинским государственным драматическим театром. Главный режиссер Мирбала Салимли поставил спектакль «Голос давула» по пьесе турецкого драматурга Х. Саина. В центре

«Автор спектакля исследует природу женской обиды, переходящей в месть, стараясь найти точку отсчета и понять: есть ли такая обида, которую нельзя отпустить и простить?»

его сценического исследования судьба женщины, брошенной мужем, который, уехав в другую страну на заработки, обзавелся новой семьей, навсегда забыв о прежней. Банальная история завершается трагическим финалом: мать любит свою дочь и не хочет, чтобы ее когда-нибудь постигла такая же участь. Когда дочь захочет уйти с молодым человеком, который ухаживает за ней, мать убьет ее из ружья выстрелом в спину. Автор спектакля исследует природу женской обиды, переходящей в месть, стараясь найти точку отсчета и понять: есть ли такая обида, которую нельзя отпустить и простить? Что сильнее в женской природе — любовь или ненависть? И почему чувство возвращаемой ненависти к мужу-предателю оказывается гораздо сильнее любви к дочери? Что греховнее: гордыня, ненависть, месть или обида? В рамках традиционного психологического театра Мирбала Салимли, исследуя жизнь отдельно взятой героини, замечательно сыгранной Лалой Мамед, под занавес действия оставляет героиню на грани помешательства среди людей, которые боятся посмотреть ей в глаза.

Режиссер отправляет вопрос в зал: что с нами со всеми происходит? Почему мы становимся все дальше и дальше друг от друга? Почему люди ее деревни, люди, среди которых прошла вся ее жизнь от рождения и до этого трагического момента потери, не захотели оказаться рядом?

Русский государственный драматический театр им. С. Вургуна из Баку представил на фестивале спектакль главного режиссера Александра Шаровского по пьесе Гольдони «Синьор Тодеро — хулиган». Эта классическая версия, претерпевшая много интерпретаций со времен вольного перевода пьесы Михаилом Храповицким, обрела новую, более современную и убедительную. Режиссер-постановщик, тяготеющий последние годы к театру масок, театру площадной импровизации, превратил историю злобствующего старика-зануды, в историю 60-летнего человека, который чувствует себя и ведет себя, как мальчишка-забияка, мечтающий о любви. А вредничает по причине неистового желания обратить на себя внимание. Поэтому запирает кофе в шкафчике, поэтому хочет внучку выдать замуж за слугу... Тодеро (Мабуд Магеррамов) делает все, что уважающие себя мужчины в его возрасте делать не должны. В этом доме все немножко странные и все немножко недолюбленные: и невестка Тодеро Марколина (Мелек Абасзаде), и Пилигрин (Фуад Османов), и внучка Занета (Тамилла Абуталыбова). Все начинает преобразаться, как только в доме Тодеро появляется синьора Фортуната (Наталья Шаровская), а вместе с ней и ее племянник (Олег Амирбеков). События с калейдоскопической быстротой сменяют друг друга, пока не наступает финал и все персонажи, к восторгу зрительного зала, женятся и выходят замуж. И, конечно же, хулиган Тодеро становится кротким и покладистым под воздействием чар Фортунаты!

Как минимум раз в сто лет театр переживает кризис идей и эстетических принципов. Если мы поднимем статьи вековой давности, то убедимся, что проблемы театра 1918 года очень похожи на те, о которых мы говорим сегодня. Кризис идей, идеалов, художественной мысли. Поэтому когда на общем фоне идейного и эстетического обнищания появляется театр, который находит собственный стиль художественного, идейного и эстетического самовыражения, мы понимаем, что есть свет в конце тоннеля, несмотря на засилье подмен нравственных и этических идеалов. Об этом в XX веке размышлял Гордон Крэг, утверждая: «Восток еще может похвастаться театром, но западный театр находится на последнем издыхании. И все-таки я надеюсь на возрождение». После спектакля «Макбет-Зар» по пьесе У. Шекспира «Макбет» Театра «Титовак» (Юж-

«Синьор Тодеро — хулиган». Тодеро — М. Магеррамов, Менегетто — О. Амирбеков. Русский драматический театр им. С. Вургуня

ный Иран), я подумала: «Что сказал бы Крэг, увидев этот спектакль? А Ариана Мнушкина?» Думаю, что они были бы заинтригованы! Режиссер-постановщик этого зрелищного, эстетически и интеллектуально притягательного спектакля Ибрагим Пошткух, поставив европейскую классику, насытил действие спектакля поэтикой ритуалов и обрядов своего народа, превратив спектакль в экзотическое действо. «Зар» — означает дух. Духов приносят ветры. А ветры, по преданию южных иранцев, откуда родом режиссер, — это «силы, владеющие всем миром: и под землей, и на земле. Все силы, существующие в воображении и не видимые глазом: пери, дивы, добрые и злые духи, — все это ветры, или наваждения, или воздух. Каждый может стать пленником и добычей ветров, может попасть во власть доброго или злого ветра» (Голамхосейн Саэди). Макбет, по версии постановщика, становится добычей ветров. Он просто одержим ветрами. Поэтому перестает быть просто человеком — с душой, сердцем, сомнениями. Макбет становится Духом, а его душа — пристанищем: то для красного ветра, именуемого заром, то для черного — именуемого джином. Джин — это злой дух. А зар — неверный (немусульманин). Ветры прилетают из разных стран. В том числе из Европы...

На юге Ирана до сих пор живет языческая вера в то, что у каждого ветра есть свой дух. Там верят,

что ветры, прилетающие из пустыни, делятся на семь видов, и самые коварные — это так называемые красные ветры или ветры-зары. А самые злые и опасные — это ветры-джины. Вот они-то — эти джины и зары — проникают в тело и душу шекспировского Макбета. Он становится Макбетом-э-Зар. То есть тем, в ком живут духи ветров.

Всего 65 минут длится действие спектакля, в котором духи борются за власть над душой человека, а сам человек, становясь одержимым, превращается в машину-убийцу. Макбет рвется к власти, сметая на своем пути всех, кто так или иначе может помешать этому. Постановщик в борьбе за спасение души героя сталкивается с духом и тех, кто при помощи ритуальных действий пытается освободить душу героя из плена джинов. Папа (аналоги шекспировских ведьм) прибегают к традиционным ритуалам по изгнанию — пению, танцу. Барабаны и пение, барабаны и речитативное заклинание направлены на освобождение Макбета из плена зара. В какой-то момент герой, оказавшись под красным полотном, становится кровавым исполином. Зрелище страшное и завораживающее. Автор спектакля использует красное полотно как художественный образ красного ветра и магического пространства всех таинств происходящего. Это отдельный персонаж — трансформер, который становится то простой ширмой-занавеской, то подвижной морской

«Макбет – Зар».
Театр. «Титовак».
Южный Иран

глядью, то замирает барханами песков, то обретает скульптурные формы человеческого тела или лица, то становится погребальным саваном или мантией, то средством для перемещения в пространстве очередной жертвы Макбета. Мама ритуала очищения Макбета от джина красного ветра, постоянно подкладывают ему под ноги или вкладывают ему в руки сплетенные из волокон дерева хурмы свернутые ленты. По преданию — это один из способов изгнания из тела и души подселившегося вместе с ветром джина. Потому что именно это дерево обладает мощной очищающей силой, чистой энергией, дарованной Всевышним.

Известный мировой сюжет превращен режиссером-постановщиком Ибрагимом Поштухом в ритуально-сакральное действо: эстетически красивое, пластически выразительное, психологически убедительное, экзотическое и эмоционально захватывающее. Режиссер-постановщик не изобретает ничего искусственного для того, чтобы сделать свой театр интересным. Он создает театр не для себя, а для людей, используя культуру собственного народа, ее традиции и обряды. Получился театр-праздник, театр-ритуал. Театр восточной экзотики с абсолютно европейским звучанием и финалом: Макбет, убивший всех, остается один на один с вожделенным сосудом, до краев наполненным жемчугом. Вот она — вожделенная власть! Вот она сила денег-богатства-власти! И вот он, мир, с которым Макбет теперь наедине! Он озирается по сторонам, но никого больше нет. Есть он, лунный свет, оглушительная тишина и кувшин жемчуга. Поразмыслив, Макбет разбивает сосуд, и жемчуг, поблескивая перламутром горошин, рассыпается по полу, образовав вокруг героя красивое бездушно-мертвенное пространство. А он

стоит, смотрит на несметное богатство под ногами, как будто не понимая, для чего ему все это? Из-за кулис под ноги герою скользят хурмовые ленты, свернутые в круг (читай — абсолют!). Тело и душу Макбета покидают зары, и он медленно опускается на мерцающий жемчуг.

Вспышка белого света на мгновение заливает сцену и возникает ощущение, что тело Макбета в черных одеждах парит среди мерцающих звезд, уносящих его в иное пространство. И весь огромный мир, которым так недолго владел этот человек, сузился до размера жемчужной горошины. Макбет перестал быть проводником Злого духа, перестал быть его орудием. Он умер человеком, который успел понять, что все это ему не нужно. Так стоила ли эта маленькая горошина тех жизней и пролитой им крови?

Ибрагим Поштух задает этот вопрос не только себе и своим актерам, блестяще владеющим актерской техникой, но и зрителям в зале. Он предупреждает нас: будьте бдительнее! Не позволяйте джинам овладеть вашими душой и разумом! Ведь каждый может стать проводником джина, дав ему место в своей душе. И тогда пожар войн охватит планету: брат будет убивать брата, и наступит момент самоистребления...

Спектакль Театра «Титовак» стал прологом к фестивалю, концепция которого и заключалась в том, чтобы гуманистические идеалы отстаивали наши общечеловеческие ценности, в основе которых — мир, добро и любовь. Это — послание сегодняшнему миру, который так нестабилен и в котором так много зла, несправедливости и крови.

Завершал фестиваль «Акто Театр» из Колумбии (Богота), сыграв спектакль «Простодушная Эрендира» по повести Г.Г. Маркеса «Невероятная и грустная история о простодушной Эрен-

«Простодушная Эрэндира». Бабушка — Д. Солано, Эрэндира — Л. Родригес. Актно Театр». Колумбия

дире и ее жестокосердной бабушке». Режиссер Джон Марио Ривера, художник по свету Вайнер Санчес, звукорежиссер Даниела Кинтеро.

Труппа театра интернациональна. Здесь служат актеры из разных стран. Большинство из Испании. В репертуаре театра нет спектаклей развлекательного жанра. Здесь не любят «заманивать» к себе зрителя дешевым пиаром, обещая интригу, или вставными номерами хореографии. Здесь предпочитают серьезный диалог на «неудобные» темы.

Д.М. Ривера: «Репертуарная направленность наших спектаклей связана с серьезной драматургией и направлена на борьбу с коммерческим началом в театральном искусстве. Мы ставим произведения авторов, которые

«Наивный театр колумбийцев куда проникновеннее по степени эмоционального воздействия на зрителя, чем спектакль другого театра, поднаторевшего в сценических пассажах по обслуживанию зрителя. Режиссер не использует хореографию и пение, чтобы хоть как-то «завести» публику».

отражают сегодняшние серьезные проблемы жизни Колумбии и других стран».

История, рассказанная Маркесом в его повести о бедной девочке Эрэндира, — тому подтверждение. Наивный театр колумбийцев куда проникновеннее по степени эмоционального воздействия на зрителя, чем спектакль другого театра, поднаторевшего в сценических пассажах по обслуживанию зрителя. Режиссер не использует хореографию и пение, чтобы хоть

как-то «завести» публику. Наоборот! Он шаг за шагом исследует трагическую историю 14-летней девочки, которую Бабушка превратила в проститутку. Фигура Бабушки нарочито утрированная, карикатурно-страшная. Одним своим видом внушает неприязнь — с накладными выпуклостями, набеленным лицом, на немыслимой высоте сабо, с механическим голосом, лишенным человеческого тепла, — она напоминает химерическую фигуру из страшного сна. Бабушка в прошлом проститутка из борделя. А потребительское, варварское отношение к родной внучке вызывает ненависть зала, граничащую с желанием немедленно прибить эту мерзкую старуху. Поэтому в самый криминальный момент действия, когда влюбленный в Эрэндиру юноша попытается освободить ее из сексуального рабства, отравив бабушку мышьяком (согласитесь, акт требующий нравственного порицания и гражданского осуждения!), зрительный зал взорвется одобрительными аплодисментами. Зрители поддержали героя, расценив его действия как акт справедливого наказания за нравственное преступление. Вот она — сила настоящего искусства. Не надо мудрить, чтобы вовлечь зрителя в постоянный диалог и заполнить театральные залы. Надо просто уметь общаться с ним на языке искусства. Как это сделали колумбийцы, представив нам образец наивного, но искреннего театра.

III Международный театральный фестиваль в Шеки завершился, прозвучав мыслью гуманистической направленности: мы — люди и нам по-прежнему важны и нужны наши нравственные ценности, так же, как важен и нужен мир во всем мире. Коллективы театров вернулись в свои страны, увозя с собой впечатления о фестивале, городе мастеров Шеки, городе ветров Баку, о гостеприимном Азербайджане.

Видади Кафаров, театровед, доктор философии искусства, доцент:

«Такого рода фестивали важны и нужны нашей стране. Они являются действенным способом нашего интегрирования в мировое театральное пространство. Фестиваль — это праздник, и он состоялся, подарив нам такие открытия, как иранский театр «Титовак» и казанский «Алиф».

Айдын Талыбзаде, театровед, доктор философии искусства, профессор:

«Фестиваль для меня был знаменателен прежде всего тем, что он дал возможность увидеть движение, прочувствовать вибрацию современной театральной мысли одновременно в нескольких странах мира и еще раз убедиться в том, что искусство театра абсолютно не признает никаких границ, обладая магической силой объединять людей». **ИБ**

ПОСЛЕДНЯЯ РОЛЬ

Рустам Ибрагимбеков

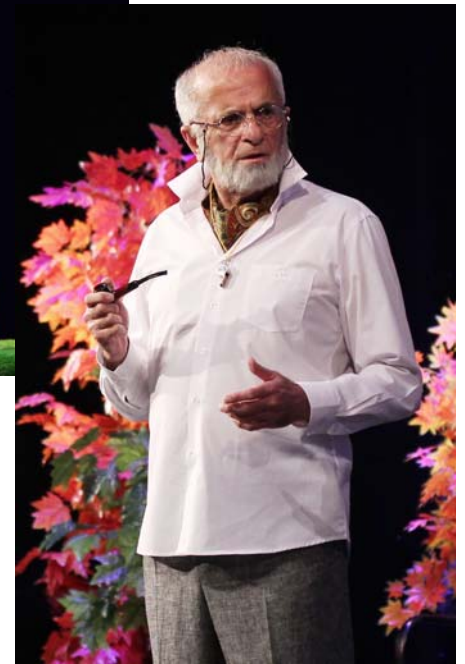
Не дожив двадцать дней до своего семидесятилетия, ушел из жизни всенародно почитаемый в Азербайджане актер Фуад Поладов.

Родившийся и выросший в Баку, он вобрал в себя все лучшие качества многонациональной бакинской среды и, сыграв на сцене и киноэкране множество соотечественников разных возрастов, эпох, интеллектуального уровня и классовой принадлежности, в пятьдесят пять лет блестяще справился с главной ролью в спектакле «Последний поединок Ивана Бунина». Подлинные тексты великого русского писателя звучали в его устах с такой убедительностью, что ни у кого, ни в Баку, ни в Москве, ни в других городах, где гастролировал наш «ИбРус», и сомнения не возникало, что именно так мыслил и говорил Бунин.

В Азербайджане немало талантливых актеров; есть они и в поколении Фуада Поладова. Но он обладал качествами,

отчетливо выделяющими его среди коллег. В Баку все знают, что Поладов никогда не рвался в первые ряды, не искал одобрения начальства, не жаждал наград. Даже смертельно заболев и не имея возможности получить лечение за границей, он не обратился за помощью к государству. А у нас не помогают тем, кто не просит, и не приходят на похороны тех, кто отваживается публично говорить правду и защищать права молодых коллег. (На похоронах Фуада не было ни одного представителя власти.)

Будучи гордым человеком, он был прост в общении; очень серьезный на вид любил пошутить. Но всегда ощущалась невидимая граница, через которую никому не позволялось переступить. Он был моложе меня на девять лет и вел себя со мной как младший со старшим.

Но однажды на гастролях я довольно резко одернул его. Вернувшись в Баку, он ушел из «ИбРуса» ни словом меня не упрекнув. (Я был прав, но недостаточно сдержан.)

Конечно же, я нашел ему замену. Бунина прекрасно сыграл Юра Балиев. Талантливый актер, получивший качественное образование в России, он легко вписался в спектакль, и те, кто не видели в этой роли Поладова, хорошо его принимали. Но пропало чудо — азербайджанец, закончивший азербайджанскую среднюю школу и азербайджанский театральный институт, существовал на сцене так, будто вырос в России в конце девятнадцатого и начале двадцатого веков, пережил революцию и остаток дней своих прожил нобелевским лауреатом в Париже.

Я не знаю, в какой семье родился Фуад и кто по роду занятий его родители, но он обладал безукоризненными манерами потомственного интеллигента благородных кровей. Он и умер как жил, восприняв смерть как роль, к которой готовился с рождения.

Последние два года он знал, что скоро умрет. Начал пропадать голос. Порой невозможно было понять, что он хочет сказать. И он на время замолкал. Но как только сквозь хрип пробивались слова, он возвращался к зрителю. Стихи стали текстом его последней роли — перед пришедшими

на встречу с ним, он представал в образе Фуада Поладова, не дрогнувшего перед смертью и знающего о ней то, чего другим знать не дано.

Мы не были друзьями, но проведенные в совместной работе 10 лет дали возможность ощутить суть этого довольно закрытого человека — еще молодым он понял, что смерть обесмысливает многое из того, что при жизни кажется главным. И не тратил время на преходящее и суетное. Фуад Поладов отдал своему призванию всего себя без остатка, и профессиональное с человеческим слилось в нем в нерасторжимое целое.

Через несколько лет после закрытия «ИбРуса» я спросил у Фуада, сыгравшего за это время ряд значительных ролей в разных бакинских театрах, видели ли эти его работы где-либо еще кроме Баку? Он печально усмехнулся и сказал: «Я играл перед зрителями других городов и стран только когда работал в «ИбРусе». Казалось бы, какое это имеет значение сейчас, когда его нет? Но существует театральная память и то, что зрители Москвы, Петербурга, Тбилиси, Праги, Марселя и многих других городов увидели на сцене выдающегося азербайджанского актера Фуада Поладова, важно для страны, в которой он родился и работал. **ИБ**

«ПЫЛАЮЩИЙ КОСТЕР АНТИБОЛЬШЕВИСТСКОГО НЕГОДОВАНИЯ»

Тимофей Прокопов

*Всё, что ни пишет Арцыбашев, полно мужественной
скорбью о России, неумолимой ненавистью к ее
случайным — да! случайным! — порабитителям и к их
добровольным прислужникам, тоской по России, а стало
быть, и великой любовью.*

А.И. Куприн

*Он из тех авторов, которых понимание возрастает чрез
отдаление из эпохи в историческую перспективу: истинную
оценку им дает не современность, но потомство.*

А.В. Амфитеатров

Эмигрантский подвиг Михаила Арцыбашева

Много повидавшая Варшава такого еще не знала: мирные, тихие, скорбные похороны на ее Вольском православном кладбище обернулись шумной политической манифестацией, продолженной затем паломничеством изгнанников из России к могиле соотечественника.

Таких посмертных почестей, демонстративных и, может быть, чрезмерных, удостоился наш прозаик, драматург, публицист Михаил Петрович Арцыбашев (1878–1927). По словам Евгения Шевченко, могила его соратника и друга «стала святыней русской эмиграции и алтарем, на котором она произносит клятву продолжать борьбу» («У могилы». За свободу! 1927. 13 марта).

Узнав печальную весть, и русские парижане прервали свое заседание в «Зеленой лампе», чтобы почтить память ушедшего минутой молчания, а руководители этого главного эмигрантского кружка Д.С. Мережковский и З.Н. Гиппиус послали в Варшаву срочную телеграмму: «Слава Герою, умершему за свободу России!» Парижская газета «Борьба за Россию» в числе первых напечатала некролог, подписанный богословом и публицистом А.В. Карташёвым (эмигранты его помнили еще и как министра Временного правительства): он назвал Арцыбашева «блестящим бел-

летристом», разжегшим в изгнании «пылающий костер антибольшевистского негодования». А далее написал: «Как бы хотелось вернуть это правдолюбивое сердце и это могучее слово освобожденному русскому народу, когда надо будет добивать последствия коммунистических обманов и очистить народную душу от засорения всякой поганью!»

Вслед за Карташёвым некрологи, воспоминания, статьи о творчестве писателя, а еще стихи, ему посвященные, опубликовали в те дни десятки деятелей эмиграции, в том числе А.В. Амфитеатров (Италия), А.И. Куприн (Франция), друг его детства художник Е.А. Агафонов и критик П.М. Пильский (оба США), Д.В. Философов (Польша)... Из Таллина Игорь Северянин прислал сонет «Арцыбашев», позже им включенный в знаменитый цикл «Медальоны»:

*Великих мало в нашей жизни дней,
Но жизнь его — день славный в жизни нашей.
Вам, детки, солидарные с папашей,
Да будет с каждым новым днем стыдней.*

*Жизнь наша — бред. Что Санин перед ней? —
Невинный отрок, всех нас вместе краше!
Ведь не порок прославил Арцыбашев, —
Лишь искренность, которой нет родней.*

М. Арцыбашев

*Людей им следовать не приглашая,
Живописал художник, чья большая, —
Чета не нашим маленьким, — коря*

*Вас безукорно, нежно сострадая,
Душа благоуханно-молодая
Умучена законом дикаря.*

В стихах свою скорбь и восхищение им выразили также жена, актриса Елена Ивановна Арцыбашева (под псевдонимом Найденова; «Вождь правды и любви! Ты поднял светлый стяг...») и «Вдохновенна весна! Как дитя в голубом!...»), соратники по журналистскому цеху Владимир Бранд («Его слова о родине большой...»), А. Закржевская («Не плакать, а стонать нам хочется от боли...»), князь Лев Лыщинский-Троекуров («Многое, многое мы пережили...»), Лео Бельмонт («Я Михаилу Петровичу греческим метром сегодня...») и другие. Поэт Константин Бальмонт, выступая в те дни в Варшаве на вечере, посвященном «Ордену рыцарей России», назвал Арцыбашева рыцарем и «стойким принцем» (как отважный герой из одноименной трагедии испанца Кальдерона). Тогда же, в 1927-м, в Варшаве были спешно подготовлены, а в мае изданы сборник очерков памяти ушедшего

«Неугасимая лампада» и книга его публицистики «Черемуха» (третий том «Записок писателя»). Газета «За свободу!» и ее продолжательница «Меч», отмечая и далее траурную дату, печатали ежегодно (вплоть до закрытия в 1939-м) мемуарные тексты о своем главном сотруднике, приходившие из всех центров эмигрантского рассеяния.

Заметили и в СССР кончину своего бывшего гражданина. Но как? Журнал «Огонек» опубликовал его портрет, а под ним поместил слова, которые сегодня нам, отмечающим девяностолетие со дня смерти писателя, стыдно читать, настолько кощунственны они и безнравственны. Вот эти фразы: «За границей умер М.П. Арцыбашев. Вряд ли кто-нибудь из русской читающей публики горевал о смерти этого знаменитого в свое время русского беллетриста». Уж лучше бы промолчали, чем вот так из непристойных анналов того, что за пределами морали. (Как живуче такое же бесстыдство, демонстрируют нам, сегодняшним, фашиствующие властители Украины: когда страны соболезовали России, хоронившей двух своих погибших на посту дипломатов-миролюбцев, только они обрадованно не сдержали враждебный выкрик: «Туда им и дорога!»)

ПИСЬМО ЛЕНИНУ

Уезжать в эмиграцию, на чужбину, как и большинство из россиян того безвременья, Арцыбашев не хотел и потому не торопил себя с решением, которое ему все чаще навязывали друзья. «Мы, петербургские, — вспоминает Куприн, — часто спрашивали наезжих москвичей: “Как Арцыбашев?” — “Одинок, редко где показывается, бедствует. Был у него обыск, унесли все сбережения”. Приезжая на день-два в Москву, спрашивали у тамошних литераторов: “Ну что Арцыбашев?” — “Бедствует, нигде не печатается, ни на какие компромиссы с большевиками, даже самые косвенные, невинные, не соглашается. Не хочет идти ни в Госиздат, ни во “Всемирную литературу”, ни в брюсовское общество. В частных разговорах так ругает большевиков, что страшно за него становится”».

В каком положении оказались писатели в России после 1917-го, рассказала также Зинаида Гиппиус, уже приготовившаяся бежать за рубеж: «Голод, тьма, постоянные обыски, ледяной холод, тошнотная, грязная атмосфера лжи и смерти, — все это было несказанно тяжело. Но еще тяжелее — ощущение полного бессилия, полной невозможности какой бы то ни было борьбы с тем, что вокруг нас происходило; мы все точно лежали где-то, связанные по рукам и ногам, с кляпом во рту, чтоб и голоса нашего не было слышно».

Да и сам Арцыбашев слепцом не был, видел, как все более редел круг его общения: одни уезжали по своей воле (узнав об угрозах ссылки или расстрела, добивались всякими путями выездных разрешений), других стали высылать насильственно, группами, «философскими парходами», по ленинским приказам «Всех их вон из России!» (см. под таким названием нашу публикацию: Иные берега. 2013. № 3. С. 90–97).

М. Арцыбашев

Что и над ним черные тучи сгущаются, Михаил Петрович ощутил к 1920 году, особенно после того, как побывал под устрашившим его арестом. А еще — все чаще стали одолевать его хвори, особенно главная из них — застарелый туберкулез (последствие юношеской трагической попытки покончить с собой), требовавший и лечения постоянного, и питания не полуголодного. Преодолев гордыню, он-таки заставил себя написать прошение, да не кому иному, а самому Ленину. Вот это не очень-то поклонистое, совсем не униженное его письмо:

«Владимир Ильич, обращаюсь к Вам потому, что, как я убедился, все другие пути ведут только к бесконечной бумажной волоките. Я очень болен, устал, мне необходимо серьезно полечиться, и я прошу Вас разрешить мне поездку за границу. Элеонора Диксон взялась передать Вам это письмо, и я просил бы ответить через нее же, могу ли я рассчитывать на исполнение моей просьбы и что должен сделать, чтобы получить формальное разрешение на выезд. М. Арцыбашев. 1920 г. 19 июля».

Копию этого письма Ленин отправил Луначарскому. И завязалась переписка вождя с наркомом вовсе не бюрократического, а скорее политического свойства, что увидим, читая эти малоизвестные, сохранившиеся в архивах, тексты. Луначарский ответил на третий день, 22 июля:

«Председателю Совнаркома тов. В.И. Ленину.

Мною получена от Вас копия письма писателя М. Ар-

цыбашева, в котором он просит через некую Элеонору Диксон отпустить его за границу. Копия прислана мне с отметкой “на усмотрение”.

Мне известно, между тем, что Вы были осведомлены Гуковским (полпредом Советской России в Эстонии, Литве, Латвии. — Т.П.) о поведении выпущенного мною за границу при таком же соображении Бальмонта. Я до сих пор не получил еще официального ответа от Гуковского, у которого затребовал данные по поводу Бальмонта. <...> Если Вам угодно в данном случае взять на себя ответственность, то я буду последним, кто стал бы протестовать против отъезда Арцыбашева.

Но после скандала с Бальмонтом, повторяю, еще не совсем для меня ясного, я начинаю дуть на воду.

Настроение М. Арцыбашева, вообще говоря, все время было в достаточной мере обывательски брюзгливым, и поэтому лично я не считаю себя вправе палец о палец ударить для того, чтобы облегчить его отъезд за границу. Нарком по просвещению А. Луначарский».

Обратите внимание — какое вертлявое письмо: то он будет «последним, кто стал бы протестовать против отъезда» (но при условии, «если Вам угодно взять на себя ответственность»), то «начинаю дуть на воду», «не считаю себя вправе палец о палец ударить для того, чтобы облегчить его отъезд».

Вслед за этим — второй такой же уклонистый, опасливый (то он за, то «не ручаюсь») и «просил бы Вас распорядиться») его ответ Ленину:

«Дорогой Владимир Ильич, пересылаю Вам копию письма, посланного мне Гуковским на мой запрос о том, что Бальмонт скомпрометировал себя с советской точки зрения. Это меня очень взволновало. <...> Между тем письмо Гуковского ясно свидетельствует, что кроме подозрений у него, Гуковского, решительно нет ничего против Бальмонта.

При таких условиях мне кажется нерациональным задерживать, с одной стороны, Арцыбашева, с другой стороны, Вяч. Иванова, которому заграничная поездка обещана давным-давно, у которого страшно больна жена и который много раз честью заверял, что ни в коем случае не уронит ни своего достоинства, ни достоинства выпустившей его Советской Республики. Еще с Бальмонтом я мог допустить, что он что-нибудь сбрехнул, что же касается В. Иванова, то это человек гораздо более сдержанный и последовательный. Между тем меня действительно серьезно беспокоит состояние и Арцыбашева, и Иванова.

Очень просил бы Вас распорядиться хотя бы через т. Фотиеву (личный секретарь Ленина. — Т.П.) т. Менжинскому, чтобы относительно этих двух лиц запрет был снят, тогда я возбуду о них ходатайство в общем порядке.

Заметьте, что за Арцыбашева я отнюдь не ручаюсь и в разговоре с Менжинским об этом упомяну.

Крепко жму Вашу руку. А. Луначарский.

28 июля 1920 г.»

Осторожный Луначарский, вероятно, так и сделал: известил чекиста В.Р. Менжинского, что за Арцыбашева не ручается, и вопрос об отъезде писателя был тотчас отложен. Была и вторая причина, из-за которой невыездны-

ми стали не только Арцыбашев, но и другие литераторы. Комментарием к переписке большевистских вождей явились воспоминания Лидии Ивановой, дочери поэта Вяч.И. Иванова, которая рассказала: «Когда Луначарский выхлопатывал командировки Бальмонту и Вячеславу, он попросил их дать ему лично честное слово, что они, попав за границу, хотя бы в первые два года не будут выступать открыто против Советской власти. Он за них ручался. Они оба дали это слово. Но Бальмонт, который выехал первым, как только попал в Ревель, резко выступил против Советской России. В результате этого выступления Бальмонта командировка Вячеслава была аннулирована». Иванову командировку за рубеж разрешили только в 1924 году, и он 28 августа с семьей выехал в Берлин, а затем в Рим, где поселился до конца своих дней (умер в 1949-м).

Неспокойные для России 1918–1919 годы (разрасталась Гражданская война) Арцыбашев провел в напряженных, встревоженных размышлениях о том, что же представляют собой коммунистические и социалистические идеалы, под лозунгами которых так кроваво, так бесчеловечно свершались на его глазах одна за другой две социальные катастрофы России. И написалась книга философских раздумий «Вечный мираж». Что издадут ее в России, он не надеялся. Она вышла в берлинском издательстве Е.А. Гутнова в 1922-м, показав первым своим читателям, эмигрантам, совсем другого Арцыбашева, еще никем не знакомого — писателя-мыслителя, серьезного, глубокого, энциклопедически образованного, а не только автора популярных, всеми охотно читаемых сочинений о любовных страстях, о скандальном блудливом эросе, о самоубийствах, разросшихся до бедствия для России начала XX века. Философская брошюра Арцыбашева стала как бы предварением к его вхождению в вечно беспокойный мир политической публицистики.

Арцыбашеву только в августе 1923 года удалось совершить свой отчаянный, не очень-то им желаемый шаг: пересечь границу (русско-польскую), покидая Россию навсегда вместе с женой Еленой Ивановной Княжевич, актрисой московского театра К.Н. Незлобина. Словно им вдогонку, прощально началось в это же время по всей стране изъятие из библиотек запрещаемых книг, в списках которых значилось и его имя в числе первых (он же на А по алфавиту). Цензурные документы «Инструкция о пересмотре книжного состава и изъятия контрреволюционной литературы» и «Руководящий каталог по изъятию всех видов литературы из библиотек читателей и книжного рынка» были подписаны к исполнению председателем Главполитпросвета Н.К. Крупской (Ульяновой) в 1923–1924 годах. Но о них он узнает уже в Варшаве, прочитав о себе в берлинской пробольшевистской газете «Накануне»: «...Арцыбашев не Ломоносов, и его можно отставить от русской литературы. Советская Россия обойдется и без него!»

Ввязываться в дискуссию он тогда не стал (счел неприличным доказывать, что не обойдется русская литература без Арцыбашева и иже с ним), однако за него (и не только за него) вступились многие, в том числе Зинаида Гиппиус, опубликовавшая в парижском журнале «Современные за-

М. Арцыбашев

писки» под своим старым, всем известным псевдонимом Антон Крайний статью «Полет в Европу».

«Очистив» Россию, — писала Гиппиус, — от современной русской литературы, от Арцыбашевых, Буниных, Мережковских, Куприных, Ремизовых и т.д., и т.д., распорядители (как мы знаем) ныне принялись за коренное очищение ее и от всего русского литературного наследия. Кстати, и вообще от литературы, от всего, что имеет отношение к культуре духа. Не имея возможности уничтожить или выбросить писателей, которые уже умерли, они принуждены ограничиться деятельным физическим уничтожением их книг. Русским известно, какие сотни авторов числятся в списке г-жи Крупской: по ее декрету книги велено отыскивать, отбирать и отправлять на бумажную фабрику. Русским известно, что в списке этом и Толстой, и Достоевский (с его антибунтарским романом «Бесы». — Т.П.)... да, кстати, и Платон, вплоть до его биографии. Иностранцам же об этом мы не говорим, не стоит, все равно не поверят».

Гиппиус не могла тогда предвидеть, что именно с той поры там, в России советской, вокруг Арцыбашева и других ею названных звонких имен установится тишина столь глухая, что нескольким поколениям читателей будет недоуменно мерещиться: да разве были у нас такие писатели? Лишь о некоторых из них, об Арцыбашеве в том числе, чу-

дом сохраняется в нескольких энциклопедиях упоминания, но и те с ярлыками, далекими от литературы: «белоэмигрант», «антисоветчик», «автор памфлетов на революционеров», «проповедник сексуальной распущенности». Когда в пору недолгой политической «оттепели» вышел трехтомник «История русской литературы» (М., 1964), то в одной из глав совсем неожиданно помянулось его запретное имя. Но как? А просто вытаснено было давно заплесневевшее вранье о нем: «...Стоящие на грани бульварщины произведения М. Арцыбашева (после “Санина” он написал еще более реакционный роман “У последней черты”»).

«РАЗЯЩИЙ БИЧ» ПИСАТЕЛЬСКОГО СЛОВА

Как Арцыбашева-беглеца встретила Варшава? А как и всех, в то время тысячами прибывавших «оттуда», из Совдепии: с настороженностью, с враждебным предубеждением, особенно к тем, кто не пожелал расстаться с эсээровским паспортом (по свидетельству Амфитеатрова, «с ними никто не сходил, при их приближении замолкали разговоры, даже дети беженские не играли с их детьми»).

Свой уход в изгнание Арцыбашев объяснил так: «Я, русский писатель, любящий свою родину, искренне и просто, как любят родную мать, считал своим долгом не покинуть ее в годину тяжких бедствий. Поэтому в течение шести лет, несмотря на опасности и лишения, я оставался в России, и перед моими глазами прошла вся эпопея большевизма, с ее безумным началом и бесстыдным концом. <...> Я покинул родину не из страха перед террором, не потому, что боялся голодной смерти, не потому, что у меня украли мое имущество, и не потому, что я надеялся здесь, за границей, приобрести другое. <...> Я покинул родину потому, что в ней воцарилось голое насилие, задавившее всякую свободу мысли и слова, превратившее весь русский народ в бессловесных рабов. <...> Я покинул родину не для того только, чтобы бороться за нее, чтобы освободить русский народ от рабства, но прежде всего — для того, чтобы самому не быть рабом» (Записки писателя. Варшава, 1925. С. 5–6).

В числе тех, кто на чужбине первым приветил прибывшего из Москвы, был соредактор русской газеты «За свободу!» Евгений Сергеевич Шевченко (1877–1932), которому как раз в ту пору знаменитый экстремист, антисоветчик и писатель Б.В. Савинков дал такую характеристику: «Мой старый приятель, немножко поэт, немножко журналист, очень газетная крыса и весьма миротворец по характеру». В числе интервьюеров из разных изданий Шевченко встретил, как тогда говорили, «вырвавшегося из большевистского плена» у поезда и сопроводил в гостиницу. Его интервью «У М.П. Арцыбашева» появилось в газете 26 августа 1923 года (по этой дате отсчитывается начало эмиграции Арцыбашева).

В Варшаве москвича обладал дружелюбием (тут заметим: никак им не ожидаемым) также Д.В. Философов (1872–1940), известный публицист и литературный критик,

А.В. Амфитеатров и И.В. Амфитеатрова в эмиграции в Италии

один из руководителей Русского политического комитета в Польше, а еще — на добываемые им средства здесь издавалась газета «За свободу!». Арцыбашев в первые же с ним беседы попытался поверить искренности его доброжелательства, но не смог, однако, совсем из памяти вычеркнуть то, что именно он, Дмитрий Владимирович, сейчас ему приветливо улыбающийся, возглавлял в России враждебный лагерь тех, кто встречал в штыки каждую его книгу. Когда в 1907-м, преодолев церковные и цензурные препоны, длившиеся пять лет, вышел наконец «Санин» (тотчас переведенный на десятки языков) и когда, по его же, Философова, словам, «имя Арцыбашева прогремело на весь мир», он брюзгливо написал: «Ничего в этом романе нет. Так себе, “ни с чем пирожок”». Даже Блок возмутился тогда и взял новаторскую книгу под свою защиту, назвав ее «самым за-

А.В. Амфитеатров.
Рисунок
М.С. Боткиной.
1908

мечательным произведением этого писателя». И Горький, сперва приклеивший к «Санину» ярлык «антиреволюционный» (что было ой как далеко от истины), позже, после 1917-го, одумался и предпринял покаянную, но, к сожалению, неудавшуюся попытку переиздать роман: он включил его в свою задуманную серию «История разночинца».

Литературовед В.Л. Львов-Рогачевский, принявший в те годы на себя миссию подвести книгой «Снова накануне» (М., 1913) итоги затянувшимся, не всегда литературным спорам, сделал открытие неожиданное: «В 1907 и 1908 годах Санин заслонил М. Арцыбашева, казалось, не М. Арцыбашев написал Санина, а Санин написал М. Арцыбашева, Санин сотворил автора по образу своему и подобию». А в другой своей книге, «Новейшая русская литература» (переиздавалась семь раз!), не сдержал поэтического восторга: «Арцыбашев — это Моне русской литературы! Он внес в свои произведения свет и воздух, игру солнца, небывалую яркость и свежесть красок».

И вот теперь в Варшаве, выслушав приветствие своего недавнего зоила Философова и приглашение сотрудничать в руководимой им газете, Арцыбашев, зла не помня, расчувствовался и дал согласие. Ему не доведется прочитать то, что его недоброжелатель всего через четыре года очень хорошо скажет о нем у гроба: «Арцыбашев дольше многих из нас оставался в России. Он знал, что без России ему не выжить, что вне России он задохнется. И если он покинул Россию, именно сознательно покинул, а не бежал из нее, то потому и для того, чтобы заняться политикой так, как он ее понимал. С момента приезда Арцыбашева в Польшу начинается новая полоса его жизни. Полоса воис-

тину героическая (подчеркнем эти слова. — Т.П.). Он посвятил себя всецело борьбе. Он боролся за Россию».

А представляя его последнюю книгу публицистики «Черемуха», Философов в предисловии напишет: «Перо в руке Михаила Петровича превратилось в разящий бич. Своими статьями о советском строе и большевиках вообще он показал, что умеет владеть этим оружием с силой не меньшей, чем кистью и красками художника».

Сам же Арцыбашев, с дореволюционных времен титулованный и беллетристом маститым, и драматургом талантливым, не сразу понял, что именно в изгнании в его писательском даре откроется новая грань: он станет, по утверждению русских варшавян, лучшим среди них публицистом, идеологом непримиримости и антибольшевистского активизма. Его пламенные выступления появлялись едва ли не в каждом номере газеты «За свободу!», в ней менее чем за четыре года он напечатает 112 (!) статей под рубрикой «Записки писателя» и едва ли не столько же публикаций вне этой рубрики.

И вот никем тогда не ожидавшийся результат: уже через полгода тираж газеты резко пошел вверх, и всем стало ясно, что этим взлетом популярности издание обязано только ему, Арцыбашеву персонально. Его статьи читались, как никакие другие, заставляя и соглашаться с автором, и протестовать, но еще более — задумываться. Многие из того, что он публиковал в «За свободу!», перепечатывалось другими газетами и журналами, вызывая равнодушные отклики во всех уголках эмигрантского рассеяния — от Парижа и Берлина до Харбина и Нью-Йорка.

А.В. Амфитеатров. 1920-е

В канун нового, 1924 года Арцыбашев получил письмо еще от одного из тех, кто прежде не очень хорошо принимал его прозу, — от Амфитеатрова. Однако теперь Александр Валентинович, прочитав статьи (в них сразу угадывался хороший писатель) и узнав о его намерении заняться только публицистикой, все-таки решил напомнить ему, что он большой и настоящий художник, что он никак «не газетный человек», живущий злобой дня, полемической остротой проблем, атмосферой вражды и споров. Арцыбашев, соглашаясь с тем, что ему действительно была всегда чужда каждодневная журналистская работа, однако ответил так: «Нападок опытных полемистов я не боюсь. Меня столько травили в течение всей моей литературной жизни, что и будучи “голым”, я в то же время совершенно нечувствителен к уколам, хотя бы и самых острых перьев. <...> Ибо дело не в диалектических тонкостях, а в правде, а я искренне чувствую, что она на моей стороне».

И здесь же, но уже не о себе, а о нем, об Амфитеатрове, воскликнет сожалеательно: «Очень прискорбно, что Вы оставили публицистику!» Этот дружески высказанный упрек автору тогда еще не завершеного собрания «самых читаемых» сочинений в 35 томах, которого теперь приютила Италия, будет им услышан: Александр Валентинович станет ревностным союзником Арцыбашева в его газетных схватках с политическими оппонентами.

ПОЩЕЧИНА ВСЕЙ ЕВРОПЕ

Уже первое заграничное выступление Арцыбашева «Или — или», появившееся в газете «За свободу!» 26 сентября 1923 года и потеснившее ежедневные публикации «самого» Философова, не просто привлекло внимание, а шуму наделало немало: показало, какого бойца обрела эмиграция. Это была его резкая отповедь (последуют и другие) на статью видной деятельницы русского зарубежья, главы Политического Красного Креста, большевиками высланной Е.Д. Кусковой. Статьей открывался ее полемический цикл «Или — или» (печатался в шести номерах парижской газеты «Последние новости»). Неприятие писателя вызвала главная теза, расписываемая публицисткой на все лады: «засыпать ров гражданской войны», усмириться, приспособиться, встать на путь сотрудничества с новыми правителями России (позже она и свою затеваемую газету назовет «Примирение»). «Хозяйка пражского политического салона», насмешливо прозванная эмигрантами «Екатериной полувеликой», оказывается, прочла те выше упомянутые интервью, которые прибывший из Москвы дал варшавским газетам. В них ее раздражило то, что он с резкой укорительностью говорил об изворотливости, к коей вынужденно прибегает интеллигенция (и не только она) там, в их России, чтобы выжить (Кускова тут протестует: изворотливости как раз и нет, а есть примирительность, согласие с устроителями нового режима).

Пытаясь достучаться до приспособленческого сердца публицистки, еще недавно гордившейся своим революционерским прошлым, Арцыбашев вынужден был ей напомнить, из какой страны едва вырвались живыми и она с мужем, бывшим министром Временного правительства С.Н. Прокоповичем (их после расстрельного приговора помиловали, десятки же сподвижников были казнены), и он сам всего месяц назад. Неужто не прочтала она жуткую, палаческую формулу, изобретенную защищаемым ею Лениным, которой в СССР прикрывали и оправдывали расправы: «Террор — форма убеждения»?

«Ведь только представьте себе, — пишет полемист, адресуясь к читателям, — ту кошмарную обстановку, полную голода, лишений, болезней, расстрелов, уплотнений, грабежа и всяческого надругательства над человеком, которую представляла из себя эпоха военного коммунизма. Казалось бы, жить невозможно, а жили!.. Все голодали и холодали, все умирали от страха и скорби по погибшим, все ненавидели большевиков ненавистью лютой (чего Кускова замечать не желала. — Т.П.), но так как от всех этих ужасов единой защитой была служба у большевиков, то все и служили. Скрежетали зубами и служили своим врагам. Проклинали и добивались местечка, где бы паек был побольше. <...> Тут были проявлены чудеса ловкости, и маска двуликого Януса была обычной физиономией каждого обывателя. <...> Казалось бы, уж очень трудно якшаться с Луначарским, писать в казенных журналах, служить у большевиков, по-

лучать академические пайки из Дома писателей и при этом сохранить невинность идеологической непримиримости по отношению к своим поильцам и кормильцам».

Заключая свою отповедь, Арцыбашев напоминает: «Сочтите сотни тысяч и миллионы русских людей, томившихся в большевицких застенках, замученных, расстрелянных, погибших от голода и холода, превращенных в рабов, морально и физически изнасилованных, ограбленных, разоренных, плачущих над трупами своих близких. Сочтите их — имена их ты, Господи веси! — и помножьте их на число минут, дней, лет их неотмщенного страдания». И обращается персонально к автору статейного цикла «Или — или», а также к тем, кто разделил позицию Кусковой: «Жалки, отвратительны мне те люди, которые говорят о примирении с большевиками, хотя бы из соображений самого “общенационального характера”».

Полемика эта статьями Арцыбашева не успокоилась, наоборот, разожглась еще более благодаря тому, что проходила в одно время с судебным процессом в Швейцарии над офицером деникинской Добровольческой армии М.М. Конради, совершившим, казалось бы, никак не оправдываемое злодеяние: он застрелил большевика В.В. Воронского, генсекретаря делегации РСФСР на Лозаннской международной конференции. Большинство эмигрантов (среди них немало было тех, кто пережил вынесенный им смертный приговор) посчитали это убийство как ответный акт возмездия за массовые расстрелы инакомыслящих в СССР и потому всячески помогали следствию в сборе оправдательных документов. Кускова оказалась в числе тех, кто этого делать не пожелал. А когда берлинская просоветская газета «Накануне» все-таки и ее внесла в список защитников Конради (в статье «Пособничество белому террору? Ждем ответа!» 1923. 21 октября), она назвала это «гноусной клеветой».

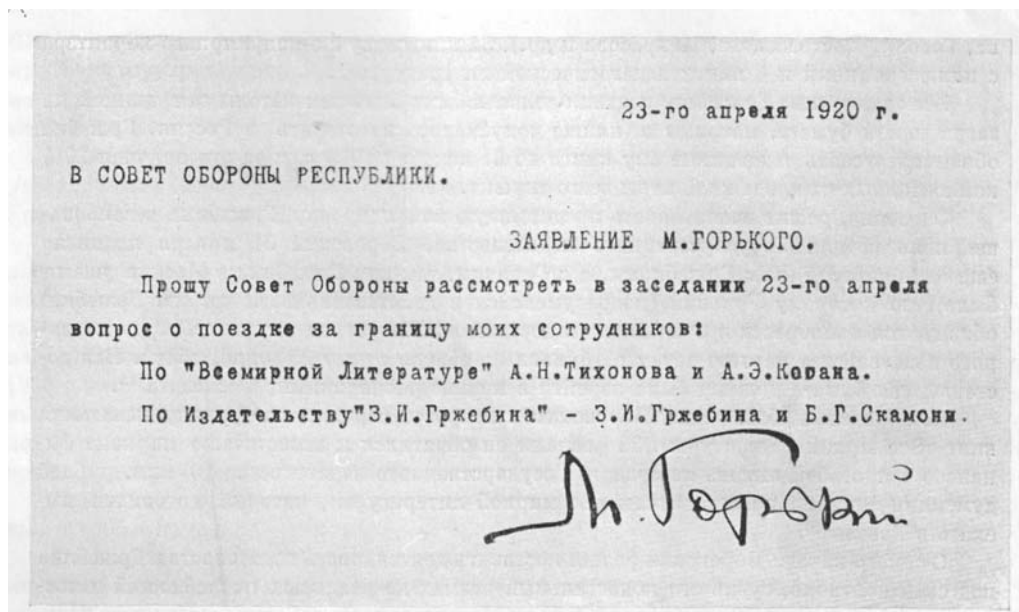
Однако ожидаемый берлинцами протест напечатала не Кускова, а опять он, Арцыбашев, имени которого в том списке вовсе не было. «Ну что ж делать!.. — читаем в его «Ответе» (За свободу! 1923. 31 октября). — Очевидно, нам с г-жой Кусковой не по дороге, и вместо того, чтобы присоединиться к ее заявлению, я вынужден дать ответ самостоятельно. И я его даю. Да, я сознательно и определенно выступаю и буду выступать на защиту Конради и всех ему подобных. Белый террор, конечно, не составляет общего лозунга в русской эмиграции. К сожалению, у нее нет вообще общего лозунга, благодаря чему вы, господа большевики, и сидите в Кремле. <...> Я отвечу проще: поднявший меч да и погибнет от меча! Вы, тираны и изуверы, превратили великую бескровную русскую революцию (имеется в виду Февральская. — Т.П.) в кровавую оргию террора, какого еще не видал мир. Когда вы начали свое гноусное дело, в России царил неограниченная свобода и никаких препон к проповеди ваших коммунистических идей не было. Вам представлялась полная возможность мирной борьбы за ваши идеалы. Но вы предпочли кровавый террор и тиранию. <...> И вы, готтентоты двадцатого столетия, осмеливаетесь протестовать, когда на кровь вам отвечают кровью? <...> Каждый из нас, русских эмигрантов, покинул родину,

Плакат-объявление о лекции Луначарского. Петроград. Ноябрь, 1917

забрызганный кровью своих близких и друзей, замученных и расстрелянных вашими палачами... о, да, не из-за угла, но в подвалах ваших чекистских боен. <...> Ужасен и отвратителен террор, но кровь его на тех, кто первым поднял топор палача. А потому ваш террор — только преступление, террор против вас — справедливое возмездие».

После этих слов, напитанных страстью, неприятием творимого в коммунистской России зла и беззакония, не трудно понять, как воспринял Арцыбашев оправдательный приговор офицеру-деникинцу. «Не только вся эмигрантская печать, — написал он, — но и вся мировая пресса, за исключением нескольких органов <...> усмотрела в оправдании Конради “пощечину большевизму”» («Пощечина». За свободу! 1923. 26 ноября). Но далее комментирует: «Я усматриваю тут иное. Конечно, и весь лозаннский процесс, и оправдательный приговор отнюдь не воздушный поцелуй по адресу советской власти. Разоблачения были ужасны, обвинения позорны. <...> Защитник Конради, г. Обер, сказал по адресу присяжных: “Когда вы будете совещаться, помните, что вас окружают миллионы русских мертвецов, убитых голодом, миллионы детей, сотни тысяч замученных мужчин и женщин, юношей, стариков, буржуев и священников, распятых на кресте. Все они тщетно вопияли к небу, моля о правосудии, и им никто еще не ответил!” Но не девяти лозанским присяжным нужно было говорить о том! Это нужно было

Заявление Горького
в Совет труда и обороны.
23 апреля 1920

сказать тем культурным европейцам, дипломатам и финансистам, которые ставят свои подписи рядом с приложением рук, липких от крови миллионов жертв. Это надо было сказать тем писателям, властителям дум, всем этим Анатолиям Франсам, Барбюсам, Синклерам, Уэллсам (писателям, поддержавшим Россию советскую. — Т.П.) и другим, которые, отворачиваясь от кровавых теней, протягивающих к ним с мольбой свои истощенные голодом и страданиями руки, ищут какого-то идеологического оправдания их палачам. Это надо было сказать тем премьерам и президентам, тем королям, которые любезно пожимают своими белыми перчатками окровавленные лапы грабителей и убийц. <...> Оправдание Конради превратилось в обвинение Европы».

Статью он заключил новыми эмоциональными восклицаниями, повторенными всей прессой того времени: «Культурная Европа! Цивилизованное человечество!.. Христианские народы!.. Это вы ставите себя "вне закона" какой бы то ни было человеческой морали. Так не прячьтесь же за спину большевиков. Подставьте свои холеные европейские физиономии под вполне заслуженную вами оглушительную пощечину».

К убедительному, с горячей напористостью высказанному (и вовсе не только антикусковскому) протесту Арцыбашева тогда присоединились многие, в том числе А.Ф. Керенский, М.А. Алданов, Н.Д. Авксентьев и даже сам П.Н. Милюков, напечатавший статьи Кусковой в своей газете. (В скобках заметим: Кускова, не пожелавшая осуждать большевистские репрессии послереволюционных лет, избавилась от своих иллюзий лишь тогда, когда стала свидетельницей еще более массовых сталинских казней, начавшихся в СССР в 1930-е годы.)

Свои впечатления о полемике Арцыбашева с «ученой, идейной, партийной дамой», вовлекшейся в теоретические объяснения об умозрительной правоте марксовых мечтаний, решил высказать и А.И. Куприн. Он опубликовал статью «Роковой конь» (Русское время. Париж, 1925. 6 сентября)

и «Святая месть» (Там же. 9 сентября), в которых читаем: «Арцыбашева я знаю давно. Люблю его большой талант. Уважаю в нем честного, чистого и смелого человека, беспощадно-правдивого к себе и другим. <...> И вот что меня всегда немного удивляет: стоит только Арцыбашеву начать свою очередную серию "Мыслей писателя" (имеются в виду «Записки писателя». — Т.П.), как немедленно срывается с места г-жа Кускова, наскоро седлает коня и с пикой наперевес уже мчится в лихую атаку на Арцыбашева. Удивительно здесь для меня то горячее внимание, которое г-жа Кускова уделяет именно Арцыбашеву. Смешит же меня кусковский запал: Аллах! до чего вздорной, непоследовательной и грубой может быть партийная женщина в споре!» И далее, восхищаясь сдержанностью Арцыбашева (с дамой все же спорит дворянин!), Куприн заключает: «В общем же тон Арцыбашева таков: Господи, и без того жарко, и скучно, и противно, а тут еще эта муха над головой, хоть бы отвязалась».

Амфитеатров, тоже внимательно следивший за этой полемикой, 14 марта 1924 года написал главе «Народного союза защиты Родины и Свободы» Б.В. Савинкову, только что издавшему в Париже свою новую повесть «Конь вороной» («панихиду по белому движению»): «Арцыбашев для "За свободу!" — драгоценность. Благодаря его нахрапу газета проломила брешь берлинского и парижского бойкота чрез замалчивание. Так орет, что не услышать и мимо пройти, не ответив, нельзя». И получил 25 марта согласный ответ Савинкова, опекавшего варшавскую газету как орган своего Союза и в ней активно печатавшегося: «Арцыбашев, по-моему, полезен огромно. Я не устаю об этом твердить Философову. Правда, очень уж он закусывает удила. Даже я, при всей своей наглости, "пужаюсь"...» Что тут имел в виду Савинков, помогают понять тексты газеты: не одну и не две статьи Арцыбашева, пропуская их в печать, Философов сопровождал своими репликами, уточнениями, послесловиями, возражениями, в которых неудобный автор вовсе не нуждался.

Свое первое горькое признание об этом Арцыбашев сделал 21 декабря 1924 года в письме Амфитеатрову (который вскоре тоже испытает точно такие же бесосновательные редакторско-политические придирки, что вынудит его прервать сотрудничество): «Ф<илософ>ов превратил газету в орудие своих личных интриг. <...> Он один, совершенно бесконтрольно, распоряжается всеми средствами и держит всех сотрудников впроголодь, сам ведя довольно широкий образ жизни... Россия, большевизм, газета и все прочее для него звук пустой. А между тем <...> заставляет нас вести ту или иную линию, говорить об одном, молчать о другом. <...> Ненависть его ко мне (умело скрываемая! — Т.П.) объясняется именно тем, что, во-первых, одного меня он не может согнуть по-своему, а во-вторых, потому, что я “затмеваю” его. Дело в том, что отзывы, вроде Вашего “с Вашим приездом газета стала выходить за черту варшавской оседлости”, он слышит со всех сторон, а русская колония (ради Бога, не примите за хвостовство) очень любит меня и сплошь ненавидит Философова. А так как он — одно сплошное обнаженное мелкое самолюбие, то этого он мне простить решительно не в состоянии. Цель его в том и состоит, чтобы выжить меня без скандала или, по крайней мере, обезличить меня. <...> Мои статьи (и только мои!) регулярно вносятся на редакционные совещания, и так как они не смеют их просто забраковать, то стараются высосать из них весь сок, слизать все краски и превратить их в воду. Таким образом достигается (по плану Ф<илософ>ова) одно из двух: или я плюну и уйду, или мои статьи потеряют “всю свою прелесть”, и я сойду на нет».

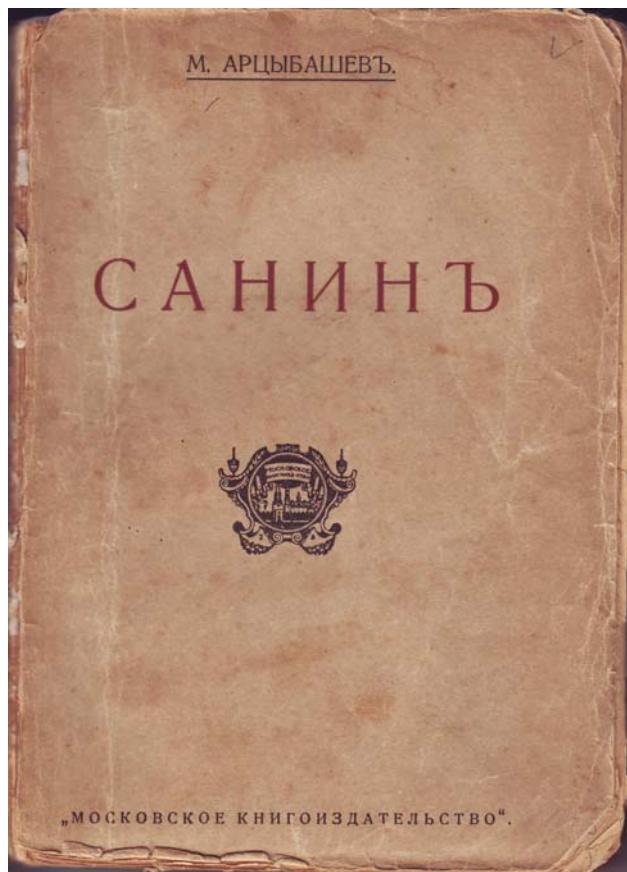
И Арцыбашев, действительно, однажды едва не растался с газетой. Это случилось «после бурного заседания» из-за очередной его статьи: от него потребовали или отказаться от своей точки зрения, или уйти. «Я и вправду ушел, — пишет он Амфитеатрову. — Но так как весть о моем уходе немедленно разнеслась по русской колонии и поднялся говор о необходимости, наконец, “положить предел засилью этого мерзавца и подлеца Философова”, а “старейшины” отправились шептаться с Философовым, он явился ко мне и начал просить о возвращении, дав ряд уступок. <...> Я уступил и вернулся. <...> Сейчас дело обстоит так: дипломатические сношения восстановлены, но мы сидим на бочке с порохом».

А далее пояснил, почему вернулся: «Я душой привязался к газете (которая, увы, меня не кормит!) именно как к единственной газете, по Вашему выражению, “бегающей вольным волком”. Для меня никакие интересы, кроме интересов родины и правды, не существуют. И вся моя борьба с Философовым исчерпывается страстным желанием сохранить этого волка среди полудохлых барбосиков. Я отдал газете все силы, забросил беллетристику, потерял массу денег, отказывался уехать отсюда, к чему меня настойчиво призывают представители в Германии и Америке, и вот Философов на моих глазах, в угоду своим личным интересам, старается обезличить газету, посадить на общую цепь с барбосиками. Для него газета только удобный трамплин, с которого он прыгает в передние польских министерств. Она ему необходима только постольку, поскольку дает титул редактора единственной русской газеты в Польше».

Эти разногласия вроде бы соратников, все более раскалявшиеся, длились вплоть до той поры, когда Арцыбашева (новая для него неожиданность) избрали в руководители газеты: он стал председателем редколлегии в 1924–1925-м, но — наряду с Философовым, Португаловым и Шевченко. Однако это карьерное продвижение заметных для него перемен, как далее увидим, не принесло.

Арцыбашевские публикации в «За свободу!» не оставались незамеченными и Москвой. Главное политическое управление (ГПУ) даже предприняло попытку втянуть его газету в свои провокационные затеи: подсылало ей тексты о якобы успешных антибольшевистских выступлениях каких-то повстанцев, и та, не проверив, их печатала. Уж на что был осторожным конспиратором многоопытный Савинков, и того ввели в заблуждение (трагическое и для него, и для всей эмиграции). Обманываясь, он в письме А.Г. Мягкову 23 июля 1923 года написал: «Дела наши в России принимают неожиданный и весьма благоприятный оборот. Вообще многое складывается лучше, чем я надеялся, и я сегодня гораздо бодрее смотрю на вещи, чем полгода назад».

Савинков, как известно, за свою доверчивость жестоко поплатился: 16 августа 1924 года он был арестован в Минске, куда нелегально выехал, чтобы возглавить там якобы антибольшевистскую подпольную (несуществующую, ГПУшную «подставу») организацию «Либеральные демократы», о которой Арцыбашев писал: «Большевики давали возможность группе работать действительно с ошеломляющим успехом». Савинкову не суждено будет

узнать, что этой ловушкой-провокацией, придуманной чекистами, заманивали не только таких, как он. Его же после ареста спешно (и ликующе: какая штука попалась!) уже на тринадцатый день приговорили к расстрелу. Однако Президиум ЦИК СССР, явив миру показушное милосердие, высшую меру заменил ему на 10 лет тюрьмы, из которой он все равно живым не вышел: то ли покончил с собой 7 мая 1925 года, то ли расправились с ним тюремщики.

Как савинковскую измену (тут и кавычки сомнения можно бы поставить) воспринял Арцыбашев? «Не могу Вам передать, — пишет он 18 сентября 1924 года Амфитеатрову, — как я потрясен этим. У меня из рук вырвано оружие, которым я хотел нанести удар, и теперь все мои писания начинают мне казаться бесполезными и ненужными». И через три дня в газете печатает статью «Письмо Савинкова», в которой снова говорит о том, какое поражение потерпела вся его борьба: «Оттого, что в лагерь палачей России ушел самый сильный и самый смелый из нас, мы можем только плакать». Газета «За свободу!» в те дни стала (и до сих пор остается) главным источником сведений о судьбе Савинкова: в ней напечатан не один десяток статей (в том числе Арцыбашева) о нем и о его борьбе.

Восклицианием «Как я потрясен!», вероятно, выразились и причина, и повод, заставившие Арцыбашева хоть на какое-то время «остановиться и оглянуться», задуматься: тем ли занимается, не донкихотствует ли, не с «мельницами» ли сражается? За ответами погружается в чтение с юности ему

полюбившейся трагедии Гёте «Фауст». И тогда же стал набрасывать сцены собственного «Фауста», причем в стихах же (пятистопными ямбами), как у великого немца, но жанр своего сочинения, названного «Дьявол» (Варшава, 1925), определил так: «Трагический фарс в 4-х действиях с прологом и эпилогом». И еще одно позволил он себе авторское своеволие: гетевских персонажей перенес в свой XX век, заставил их философствовать, непримиримо пререкаться и действовать в стране, в которой только что произошла революция по Марксу — Ленину. Сделал он это по той же методе (только с целями прямо противоположными), что и Луначарский, который в своей «драме для чтения» «Фауст и город» (Пг., 1918) тоже осовременил средневековую легенду, но — «на пролетарский лад». Как вспоминает Амфитеатров, у наркома из этой переделки гётевской трагедии вышла «весьма забавная чепуха, над которой в свое время вдоволь насмеялись... прежде всего интеллигентные большевики с лукавым Горьким во главе!»

Насмеялся над опусом Луначарского и Арцыбашев: слово в ответ на его большевизанское действо написал не драму, а фарс с трагическими последствиями. Арцыбашевский Дьявол (Мефистофель у Гёте) после многих хитросплетений добивается смещения наивного правдолюбца Фауста с поста председателя революционного Комитета и занимает это место сам. «Но это Дьявол!.. Черт!..» — растерянно протестует смещенный, на что комитетчики, устроившие «выборы», ему отвечают: «Дьявол?.. Верно?.. Что ж, ежели служить

он будет нам примерно, тем лучше!..» И уже угрожающе разъяряют изумленному гуманисту, что у них «путь один: террор!.. Систематический, кровавый, без пощады!..»

*Для революции врагов не может быть награды
Иной, как смертный приговор!..
В крови мы затопить должны сопротивленье,
Дух своеволия в них вытравив дотла,
Чтоб подавить навек возможность возмущенья,
Чтоб даже мысль о нем возникнуть не могла!
Инакомыслящих мы потерпеть не можем!
С лица земли мы их стереть должны.*

А далее и Дьявол, позванный во власть, пытается помочь изумленному Фаусту прозреть и познать, в какой безнравственный шабаш превращаются мечтания социалистов, каким адом оборачиваются их попытки устроить царство всеобщего равенства и свободы — коммунистический рай на земле. Арцыбашев (и сам мятущийся, истин ищущий) вот о чем принудил вещать своего Дьявола, заведшего Фауста в «кухню Ведьмы»:

*Добро и зло, как вечные начала,
Наука мудрая навеки развенчала,
И скажет вам теперь последний мальчуган,
Что сказки старые — один сплошной обман!..
Но вот что странно мне: вы крепко поумнели,
И человечество пришло к единой, общей цели —
Свободе, равенству и братству всех людей...
Таков ведь лозунг ваш, и нет других идей.
Все преисполнены прекраснейшим желаньем —
Покончить навсегда со злобой и страданьем...*

*Во имя этого великого стремленья
Вы подымаете народные движенья;
Под знаменем любви и с братством на устах,
С великой верою в пылающих сердцах,
Вы выступаете... И с трепетом народы
Ждут: вот раздастся глас ликующей свободы!
Начало — лучше нет!.. Но стоит сделать шаг,
Как будто черт толкнул, все рушится во прах!..
Святые лозунги поставив вверх ногами,
Товарищи опять становятся врагами...
Во имя равенства идет сплошной грабеж,
Во имя братства всех таскают на правож,
Повсюду стоны, кровь, проклятие и плач...
Свободу празднует... ликующий палач!..*

В этой центральной сцене уж не сам ли Арцыбашев предстает перед нами в облике своего торжествующего Дьявола, напоминающего Демона лермонтовско-врубелевского? Обрядившись в чёртову маску «духа отрицанья, духа сомненья», писатель словно устраивает своим бунтарским убеждениям суровейший экзамен и пробуждает этим в самом себе силы новые для того, чтобы опять с рвением погрузиться в обличительную борьбу с теми, кто осмеливается брать под защиту «ликующих палачей».

М. Арцыбашев читает свою пьесу «Закон дикаря» актрисе Яворской

ЧТО ВСПОМНИЛОСЬ НА ЮБИЛЕЕ

Еще не успел Михаил Петрович освоиться на чужой земле, а друзья (их у него, несговорчивого упряма и своевольника, здесь оказалось, на удивление, много) вдруг вспомнили о его юбилее, о том, что литературный путь он начал в 1895 году. Правда, написанные тогда первые свои рассказы, появившиеся в харьковской газете «Южный край», им не будут включаться в сборники. Поселившись в столице, он и здесь много печатается в «Петербургской газете», «Петербургском листке», журнале «Шут». Это были его юмористические этюды и зарисовки, а также обзоры художественных выставок и даже карикатуры (да-да, и они: ведь он учился в харьковской Школе рисования и до конца дней оставался неплохим художником-любителем).

Однако свои литературные годовщины Арцыбашев посчитал возможным отсчитывать только с того дня, когда в столичном «Журнале для всех» (в № 10 за 1901 год) был напечатан его рассказ «Встреча». Но мало кто знал, что этой вещи, помимо выше упомянутых «газетных», предшествовала та, которую он сам назовет «первой серьезной» и для него особенно значимой. Это был рассказ «В паутине». Пробу пера уже явно не новичка, прочитав, сразу одобрили В.Г. Короленко (Арцыбашев: «мой литературный крестный отец») и Н.К. Михайловский, издатели журнала «Русское

В.И. Ленин

богатство». Публикация, правда, не состоялась тогда: запретила цензура. Запрещенный рассказ ему удастся напечатать лишь через два года и под другим названием («Паша Туманов») в журнале «Образование» (1903. № 8). Здесь оставшимся вниманием на том, в какие издания дебютант посмел в ту пору обратиться: это были три из числа лучших в России! К ним вскоре добавятся и другие, ничуть по рангу не ниже, и в каждом он станет желанным автором.

Все это будут вспоминать 25 апреля 1925 года те из многотысячной варшавской диаспоры россиян, кто заполнит зал Русского дома, те, кто солидно, но и празднично отметит юбилей его писательства. В заметках «Чествование М.П. Арцыбашева» (За свободу! 1925. 27 и 28 апреля) в числе приславших ему поздравления названы старейшина русской литературы Вас.И. Немирович-Данченко, А.И. Куприн, З.Н. Гиппиус, А.В. Амфитеатров, А.В. Карташёв, С.П. Мельгунов, В.Л. Бурцев, В.Е. Жаботинский. Едва ли не каждый из них, говоря о его писательских достижениях, в первый черед, конечно же, называл роман «Санин».

Когда Арцыбашев в 1902 году принес эту свою рукопись в журнал «Мир Божий», первым, кто ее здесь прочитал и высоко оценил, был А.И. Куприн, входивший в редколлегия. «Роман интересен, но, конечно, редакция “Мира Божьего” вряд ли согласится печатать его», — поделился в тот день Александр Иванович со своей женой Марией Карловной. А на редакционном совещании заявил: «Арцыбашев — молодой писатель. Отдельные страницы романа печатать не следует и говорить с автором придется много, но в общем интересно, оригинально и очень талантливо». Однако не Куприна поддержало совещание, а соредатора журнала, радикального демократа А.И. Богдановича: «Печатать роман невозможно. Натурализм некоторых сцен граничит с

порнографией, а главное — роман упаднический и не отвечает данному политическому моменту, когда передовое общество настроено революционно» (Куприна-Иорданская М.К. Годы молодости. М., 1966. С. 80). И рукопись легла в писательский архив надолго: на пять лет!

С того памятного дня Куприн, тогда еще и сам только только обозначивший свой путь в большой литературе, уже не выпускал Арцыбашева из виду, читал все, что выходило из-под пера литературного новичка, и радовался: как быстро тот обретал зрелость мастера, как стремительно поднялся недавний дебютант на вершину славы и стал, по свидетельствам критики той поры, вровень не только с ним, но и с другими писательскими авторитетами той поры. «Уже тогда, — вспоминает Куприн, — он смущал и беспокоил редакторов независимостью своих мнений, непохожестью ни на кого из предшественников, упрямой решимостью идти во всех “проклятых” вопросах до конца, до упора, до парадокса. Причиной этих тревожных свойств было отнюдь не желание оригинальничать или пугать непривычную публику. Нет: Арцыбашев сам вечно искал и искренне мучился. Прямолинейная, грубоватая, не ломающаяся и не гнущаяся честность была его главной чертой как в литературе, так и в жизни. Эта черта роднит его с Толстым и Андреевым».

Много позже стало известно, что и Л.Н. Толстой на склонах своих дней, оказывается, очень внимательно наблюдал за восхождением молодого писателя на литературный Олимп. Правда, Арцыбашеву при жизни узнать об этом не довелось. А мывтолстовском дневнике 1909 года обнаруживаем запись: «...у Арцыбашева работает — и самобытно — мысль, чего нет ни у Горького, ни у Андреева... Простой талант без содержания у Куприна; у Арцыбашева и талант, и содержание» (Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М.,

1952. Т. 57. С. 20). А вот другая его запись об Арцыбашеве: «Этот человек очень талантливый и самобытно мыслящий, хотя великая самоуверенность мешает правильной работе мысли» (Там же. Т. 79. С. 60). Как утешился бы Арцыбашев, сколько бы сил ему прибыло, знай он об этих суждениях о себе своего кумира, коему поклонялся всю жизнь! Он и публицистикой увлекся по его примеру, так же, как и Толстой, ею завершил свой творческий путь.

Толстовские уроки (усмирять «великую самоуверенность» и гордыню, но убеждений не предавать, их отстаивать) пригодились ему особенно тогда, когда на него со всех сторон стала обрушиваться критическая хула. Любопытным эпизодом биографии стала, например, его многолетняя перепалка с Леонидом Андреевым. В историю русской литературы она вошла как нечто еще небывалое, потому что полемика ими велась... в пьесах! На арцыбашевского «Санина» Андреев откликнулся антииницианской драмой «Анфиса»: в ее герою Федоре Костомарове узнавался Владимир Санин, превратившийся в эгоистичного, но утихомирившегося семьянина. В ответ — пьеса «Закон дикаря», выполненная Арцыбашевым по схеме «Анфисы», но по художественным задачам ей противоположная.

Литераторская и театральная общественность с немалым интересом следила за этой умной и много значащей перекличкой двух в то время очень популярных писателей. Их спор далее продолжился пьесами «Екатерина Ивановна» Андреева и «Ревность» Арцыбашева (и в печати, и на сцене обе появились одновременно). Критики увидели в них «две баррикады общественного мнения по женскому вопросу». Если в первой пьесе покушение мужа на жизнь жены (из-за навета, оказавшегося ложным) закончилось убийством (вариант Отелло), то во второй — фарсом вместо убийства: гневно разбитой тарелкой. У Арцыбашева флирт героини — это всего лишь проявление ее обостренной чувственности. Андреев же предпринял серьезную попытку понять истоки «социальной болезни женщины». Хотя обе точки зрения были правомерны, но спор драматургов длился еще долго, привлекая внимание современников.

Прямым отголоском этого противостояния, небезынтересного для историков литературы, явился третий роман Арцыбашева «Женщина, стоящая посреди». Написанный в год начала Первой мировой войны и напечатанный в 1915 году, роман, как и все арцыбашевское, тоже попал под обстрел критических перьев. Древняя библейская притча о грехопадении женщины, об эгоистичном торжестве «яркого мужского начала» стала как бы вызовом, брошенным обществу, выясняющему межчеловеческие отношения пушками и винтовками. Для одних, вступивших в дискуссию, это роман, развенчивающий женщину, для других, наоборот, — это книга о низости и бездуховности мужчин, горестная поэма о женской доле, воспевающая крушение романтически возвышенных представлений о любви.

К «женской» теме Арцыбашев в ту пору обращался постоянно, ей он посвятил десятки рассказов и повестей, из которых многие признаны классическими достижениями в литературе Серебряного века. Это прежде всего «Куприян», «Роман маленькой женщины», «Бунт», «Человеческая

волна», «Счастье», «О ревности»... В них — как бы ответ тем, кто пытался представить Арцыбашева женоненавистником и певцом низкой чувственности. «Нужно быть слепым, чтобы не видеть, какие сокровища нежных и чистых чувств разбросаны в произведениях Арцыбашева!» — нельзя не присоединиться к этому восклицанию одного из защитников писателя, П.С. Когану.

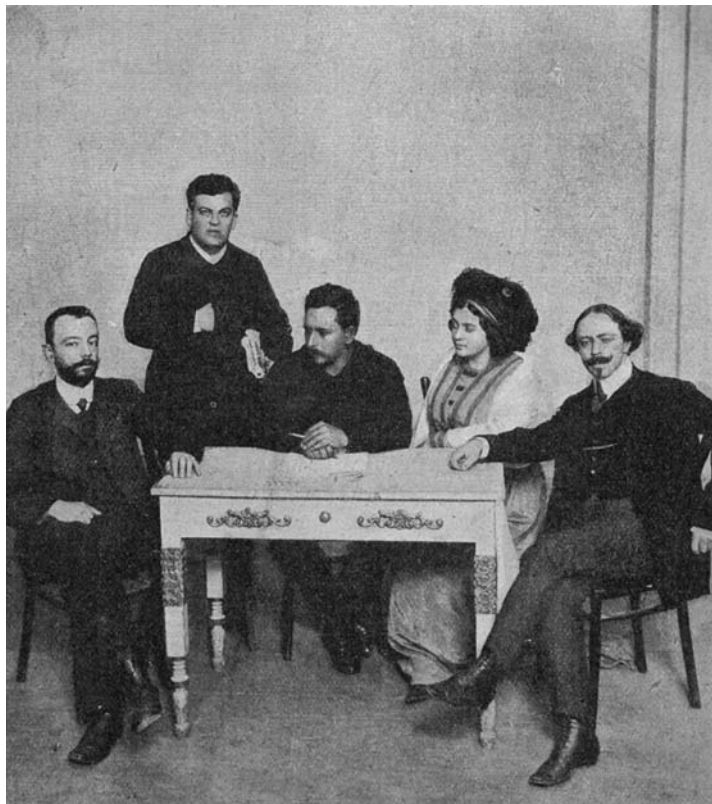
Однако споры о книгах эпатажного автора не утихали еще долго, вплоть до тех дней, когда на них был наложен категоричный запрет, оказавшийся долговечней и суровой любых ханжеских анафемаствований. Случилось это сразу же после большевистского переворота 1917 года, как раз тогда, когда на десятом томе остановилось издание (третье!) его Собрания сочинений.

Но вернемся в тот день, когда русское зарубежье чествовало юбиляра. В числе многих свое приветствие напечатала и Зинаида Гиппиус. Вызывающе прозвучал ее ответ на постоянно обсуждавшийся эмигрантами вопрос: как следует жить каждому в изгнании? «Живите по Арцыбашеву!» — призвала она и заголовком, и сутью своего мемуарного очерка. «За расцветом молодого таланта, — разъясняла Гиппиус, — мне следить не довелось (Мережковские в те годы жили в Париже. — Т.П.). Арцыбашев сразу предстал предо мной автором “Санина” и... в сиянии успеха, который далеко превосходил горьковский». Но не этот успех его главной книги стал для нее примером, а то «дело, которое он делает здесь с момента оставления России, — действительно первое дело; к нему все остальные дела должны сами “приложиться”. Кто из нас, чье оружие — слово, поднял это оружие с арцыбашевской смелостью и до сих пор — до сих пор! — не устал от постоянной борьбы? Кто из нас день за днем живет в этой борьбе? Вот когда хочется мне дать совет всем студентам и здешним молодым людям (старым тоже): живите не по Санину и, Боже сохрани, не по Горькому: живите по Арцыбашеву!» (За свободу! 1925. 25 апреля).

«ПОСЛЕДНИЕ, ГЕРОИЧЕСКИЕ, ГОДЫ»

Эмигрантские годы Арцыбашева героическими назвал на «сороковинах» его памяти не кто иной, как Философов. Искренне (в чем тогда еще не сомневались) говоря так, Дмитрий Владимирович не позволил себе даже втайне задуматься о том, что ведь это и он тоже был в числе тех, кто сделал «поистине героической» недолгую изгнанническую жизнь своего соратника, что это и он вынуждал «товарища по борьбе с большевизмом» проявлять геройство, совершать подвиг в отстаивании своего права говорить с газетной трибуны «правду и только правду». Это он же не желал, вместе с тем, замечать и хоть что-то предпринимать в ответ на то, что виделось им каждый день: как трудно, как не обеспеченно живет тот, кто создавал авторитет и популярность их общему делу — газете.

Единственный, с кем Арцыбашев продолжал откровен-

Л.Н. Андреев с супругой на репетиции «Анфисы» в петербургском Новом театре. Стоит режиссер А. Санин

ничать, зная, что будет услышан и сочувственно понят, был только Амфитеатров. Интенсивная переписка с ним в эмиграции (см. публикацию Д.И. Зубарева «Амфитеатров и русские в Польше. 1922–1932» / Минувшее. Исторический альманах. СПб., 1997. № 22) стала существенной частью творческой работы и того, и другого, когда совсем определилось, как они близки друг другу. Вспоминая, какой была их «дружба поздняя и неожиданная», да еще «исключительно письменная», Александр Валентинович написал: «В лице Михаила Петровича я потерял ближайшего друга. В течение четырех лет мы были связаны теснейшим единством политических взглядов, а отсюда рождалась искреннейшая взаимооткровенность по взаимному благожелательству. За четыре года наберется очень немного недель, прошедших без того, чтобы мне не получить большого письма от Арцыбашева и не ответить немедленно ему большим письмом. И когда выпадали пустые недели, мы оба тревожились и посылали друг другу спешные запросы: почему молчите? что с вами?» (Возрождение. Париж, 1927. 10 апреля).

И тут же о том главном, с чего одинаково началась изгнанническая судьба каждого, что их окончательно сблизило: «Арцыбашев сидел в Москве, как все мы, люди печати, застрявшие в черте досягаемости от ЧК, с заткнутым ртом и связанными руками. Его восстание могло проявляться только пассивно. Но пассивность-то его была такая бурно откровенная, что надо изумляться, да он и сам тому впоследствии больше всех изумлялся, как ему удалось унести голову целою из волчьей пасти, в которую он совал ее чуть не ежеминутно».

На что все шли при большевиках? Амфитеатров отвечает: «Преподавательство невинных предметов в учебных заведениях, чтение аполитичных лекций... и т.д. Арцыбашев не пошел и на это. <...> Не принял он и пресловутого “ученого пайка”, который Д.С. Мережковский впоследствии обозвал горьковским средством “оподления” интеллигенции». Отказ от пайка — «эта решимость, в условиях подсоветского быта, была равна осуждению себя на медленное самоубийство. Не знаю, как Арцыбашев ухитрялся жить. До революции он был, кажется, довольно состоятельным человеком и, может быть, ему удалось сохранить от большевицкого грабежа какие-нибудь сбережения?..»

Позже узналось, по собственному признанию, что жил он «в основном на средства, которые ему посылает вдова писателя Стриндберга из Швеции. <...> Ее покойный муж был его поклонником и единомышленником» (Аспиз Е.М. Воспоминания о М.П. Арцыбашеве // Вопросы литературы. 1991. № 11/12. С. 358). Здесь уточним: не сразу, но появился у него еще один источник выживания: за рубежом стали издаваться его книги, в театрах начали ставить его пьесы, за которые присылались гонорары (правда, весьма скромные).

Вот Арцыбашев плачется Амфитеатрову дружески 5 января 1926 года (чуть более года оставалось до их вечного расставания): «Мне совсем становится немого. “Крестьянская группа” во главе с Португаловым и Бутенко окончательно берет верх. Каждая моя статья проходит сквозь революционную бурю и, по мере возможности, кастрируется. Мне определенно стараются зажать рот. Вы, вероятно, заметили, что я стал писать очень редко? Невозможно, ибо не хватает нервов, чтобы каждый раз выносить целую баталию. Ограниченность, узость этих людей потрясающа. Они пугаются каждого свободного слова, каждой самостоятельной мысли, не апробированной Милюковым (главным редактором «Последних новостей», председателем Союза русских писателей и журналистов во Франции. — Т.П.) и Ко. <...> Положение такое, что даже Ф<илософ>ов растерялся и бухнул мне с великолепным цинизмом:

— Я не знаю, что мне делать: соединиться с вами для борьбы со всеми или со всеми для борьбы с вами!

Это было даже трогательно!

Они выжили бы меня в два дня, если бы не то печальное и несомненное обстоятельство, что в случае моего ухода тираж газеты упадет вдвое».

К этому добавлялись не уходящие проблемы с оплатой труда всех его сотрудников-соратников. «Вот уже 3 недели, — жалуется он другу 12 июня 1925 года, — как мы ничего не получаем, хотя Ф<илософ>в каждый день пьян и одет франтом. Мы сделали его директором-распорядителем, так как он обещал при этом условии наладить дело и так как по наивности своей полагали, что при столь трогательном доверии его зазрит совесть. Но совесть, по-видимому, не зазрела!»

Приведем далее краткую и последнюю хронику нужды, запечатленную в переписке с Амфитеатровым (тоже бедствовавшим):

20 октября 1925: «Мы, редакторы, и все служащие или вовсе ничего не получаем или получаем по 5–10 золотых, когда уже вовсе есть нечего. Что касается меня лично, то нужда уже дошла до края, и я буквально не знаю, что буду делать завтра».

11 ноября 1925: «Фактически газета лопнула (нет-нет, она все-таки продержалась до 1932 года. — Т.П.), хотя и выходит каждый день. Происходит сие странное явление, рассудку вопреки, наперекор стихиям, потому что дефицит покрывается плотью и кровью всех служащих и сотрудников; служащие (кроме, конечно, тов. наборщиков!) получают ежедневно на обед за счет сентябрьского жалования; сотрудники просто ничего не получают».

15 января 1926: «Ведь я дважды спас газету: подняв ее тираж вдвое, когда она умирала от истощения. <...> Я и Шевченко стоим поперек горла. Поэтому прилагаются все усилия, чтобы незаметно довести меня до того, чтобы я сам хлопнул дверью». И тут же о том, что Философов «на всякий случай справляется, что сказал бы я на уничтожение всякой редакционной коллегии и замену ее редактурой “Арцыбашев — Философов”. Возможно, что этим, или почти этим, дело и кончится. Но возможнее, что я дверью хлопну. Я человек нервный, резкий, вернее — вспыльчивый, а этот клубок интриг меня душит. Я совсем и писать-то перестал!»

1 июня 1926: «Однако газету я, все-таки, отстоял? (В.В. Португалов, С.С. Маслов, П.Э. Бутенко и примкнувший к ним Философов предприняли попытку упразднить старую редакцию, заменив ее собою, но без Арцыбашева и Шевченко. — Т.П.). А ведь это было нелегко, ибо с одной стороны была целая, крепко сплоченная организация, а с другой — один я, с Философовым, который никак не мог решить, к кому ему выгоднее примкнуть. Зато и ненавилят меня теперь! Ой-ой-ой!.. Но зато могу похвастаться тем, что со времени ухода Португалова у нас тираж прибавился на 900 экземпляров».

26 августа 1926: «Милюков, уже совсем не стесняясь, заголил и прямо пишет, что мы должны делать выбор между Сталиным и Зиновьевым (имеется в виду обострение борьбы в ВКПб летом 1926 г. и появление оппозиции во главе с Троцким, Зиновьевым и Каменевым, вскоре ликвидированной Сталиным. — Т.П.). Да ведь мы с Вами давно знали и писали, что наши “демократы” только и ждут, чтобы их пустили приложиться к чьей-либо ручке. Что от ручки-то кровью пахнет, сами понимаете, — их не беспокоит. Самое разительное в этом то, что ведь никто — ни Зиновьев, ни Сталин — их пускать не собираются. Так что они совершенно платонически себе морды грязью мажут. Хоть бы подождали немного! Нельзя же так предлагаться!»

22 ноября 1926: «Шмелев прислал мне свое “Солнце мертвых”. Это жуткая книга» (Амфитеатров в рецензии назовет этот роман о терроре в Крыму «страшной книгой». — Т.П.). И тут же впервые о самом печальном — о том, что болезнь все-таки уложила его в постель: «Ходить все еще не могу. Пишу с большими отдыхами, и температура у меня скачет, как бешеная».

Хронику предсмертной болезни Арцыбашева стала печатать с 23 октября 1926 года и его газета. Ненадолго

Л.Н. Андреев с супругой на даче

выйдя на работу 12 февраля 1927-го, он уже на следующий день «почувствовал себя дурно, сидя за столом», а 23 февраля его перевезли в больницу. И с этого времени «За свободу!» уже ежедневно публикует бюллетени о его болезни (что опять явилось прецедентом: такой чести был удостоен разве что только Сталин).

Изболевшееся, неугомное сердце Михаила Петровича Арцыбашева перестало биться 3 марта 1927 года. Весенний этот день выдался особенно ярко солнечным — таким, какие он любил с самого детства, уходя наслаждаться жизнью в поля и перелески своей родной, «лучшей на свете» Ахтырки, им поэтически воспетой, туда, где расселил он почти всех героев и героинь своих книг. Амфитеатров о кончине своего друга отозвался телеграммой: «Нет слов выразить горе. Поклянемся продолжать героическую борьбу», а еще откликом о нем в своей очередной «Записной книжке» (За свободу! 1927. 29 марта) и статьей «Арцыбашев и Герцен» (Там же. 7 мая), в которой подвиг самого неуступчивого публициста эмиграции им поставлен в один ряд с тем, что свершал в изгнании знаменитый лондонский апатрид. **ИБ**

К 135-летию Учреждения Императорского Православного Палестинского общества

Юлия Кудрина
Фото с сайта ipro.ru

В 1882 году державной волей императора Александра III в Петербурге было создано Православное Палестинское общество, пользовавшееся на всем протяжении своего существования государственной поддержкой. В 1889 г. Общество получило название Императорского. Это старейшая в России научная и благотворительная неправительственная организация стала уникальной по своему значению в истории национальной культуры, русского востоковедения, русско-ближневосточных отношений.

Александр III хорошо понимал важность создания Палестинского общества, так как уже тогда императорская власть предполагала, что судьба не только Азии, но и всего европейского мира связана с Палестиной.

Главной задачей Общества было укрепление позиций русского государства и Русской Православной церкви на Ближнем Востоке. Россия, после поражения в Крымской войне утратившая контроль над Черным морем, сумела в конце XIX — начале XX вв. осуществить мощный церковнополитический прорыв в Иерусалиме на Ближнем Востоке.

Русское присутствие на Святой Земле уходило в середину XIX века. С 1847 г. в Иерусалиме работала Русская Духовная Миссия, а в Петербурге с 1864 — при Азиатском департаменте МИД — Палестинская комиссия (1864–1889). Русское общество пароходства и торговли исправно доставляло паломников из Одессы в Яффу и обратно.

Зачинателями русского дела на Востоке были епископы Порфирий (Успенский) и архимандрит Антонин (Капустин) — начальник Русской Духовной Миссии в 1865–1894 гг. Инициатором создания Общества в 70-е

годы был известный российский палестиновед, видный петербургский чиновник В.Н. Хитрово (1834–1903). После своей поездки в Палестину он писал: «Только благодаря этим сотням и тысячам серых мужичков и простых баб, из года в год движущихся из Яффы в Иерусалим и обратно, точно по русской губернии, обязаны мы тому влиянию, которое имя русское имеет в Палестине; влиянию настолько сильному, что вы с русским языком пройдете по этой дороге, и вас не поймет разве только какой-нибудь пришлый бедуин. Отнимите это влияние — и православие заглохнет среди систематической католической и еще более сильной в последнее время протестантской пропаганды».

В деле создания Общества решающую роль сыграло паломничество в Святую Землю в мае 1881г. братьев императора Александра III — великих князей Сергея и Павла Александровичей и их двоюродного брата великого князя Константина Константиновича.

Идея, выдвинутая Российским МИДом, Генштабом России и рядом гражданских и церковных деятелей России в 80-х годах, была поддержана и одобрена императором Александром III. Устав Православного Палестинского об-

ИМПЕРАТОРСКОЕ ПРАВОСЛАВНОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО,

состоящее
подъ предсѣдательствомъ
Его Императорскаго Высочества
Ближшаго Князя
СЕРГѢЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА.

ИМПЕРАТОРСКОЕ ПРАВОСЛАВНОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО,
уставъ котораго Высочайше утвержденъ 8 Мая 1882 г., открыло
свои дѣйствія 21 Мая 1882 г.

Главныя цѣли Общества:

1. Поддержаніе Православія въ Святой Землѣ.
2. Пособіе Русскимъ паломникамъ.

Для достиженія первой изъ этихъ цѣлей Общество поддержи-
ваетъ въ Святой Землѣ Православныя церкви и устраиваетъ школы.

Заботы Общества о Русскихъ паломникахъ не ограничиваются
однимъ удешевленіемъ пути въ Святую Землю, но еще болѣе на-
правлены на удовлетвореніе ихъ матеріальныхъ и духовныхъ по-
требностей въ Святой Землѣ.

Кромѣ того, Общество поставило себѣ задачею, посредствомъ
разнаго рода изданій, ознакомить Русское общество съ настоящимъ
и прошедшимъ Святой Земли и тѣмъ послужить для духовнаго
единенія между Россією и Матерью Церквей.

Общество принимаетъ пожертвованія и взносы какъ для удо-
влетворенія вышеупомянутымъ цѣлямъ, такъ равно для пересылки,
по волѣ жертвователей, въ Святую Землю и въ Іерусалимъ. Суммы
для передачи въ Святую Землю принимаются *исключительно* въ
С.-Петербургѣ.

Общество по уставу состоитъ изъ:

1. Почетныхъ членовъ, внесшихъ единовременно 5,000 рублей
или избранныхъ въ виду особыхъ заслугъ ихъ въ пользу Святыхъ
мѣстъ Востока.
2. Дѣйствительныхъ членовъ, внесшихъ единовременно 500
рублей или платящихъ ежегодно по 25 рублей, и
3. Членовъ-сотрудниковъ, внесшихъ единовременно 200 рублей
или платящихъ ежегодно по 10 рублей.

По уставу Общества всѣ почетные члены и тѣ изъ дѣйстви-
тельныхъ членовъ и членовъ-сотрудниковъ, которые сдѣлаютъ,
вмѣсто ежегодныхъ, единовременные взносы, получаютъ для по-
шенія на шеѣ особый Высочайше утвержденный знакъ Общества.

Великий Князь Сергей Александрович

Храм во имя св. равноапостольной Марии Магдалины в Гетсимании (заложен 20 января 1885 г., освящен 1 октября 1888 г.). Фото 1888 г. ГМИИ

щества был высочайше утвержден 8 мая 1882г., а уже 21 мая на заседании в С.-Петербурге во дворце великого князя Николая Николаевича (Старшего), на котором присутствовали император Александр III, императрица Мария Федоровна и многие члены императорской семьи, представители русского и греческого духовенства, ученые и дипломаты, состоялось торжественное открытие Общества. В состав почетных членов вошли тринадцать членов царской семьи во главе с императором и императрицей, премьер-министр, министр иностранных дел, обер-прокурор Святейшего Синода.

Первым председателем Общества стал брат императора Александра III великий князь Сергей Александрович, который возглавлял Общество в течение 23 лет. Активное участие в его работе принимала великая княгиня Елизавета Федоровна.

Отделения Палестинского общества действовали в 52-х епархиях Русской православной церкви. Во главе их стояли правящие архиереи, вице-председатели, как правило, губернаторы или вице-губернаторы.

Архитектурные сооружения, воздвигнутые Обществом на территории Иерусалима, во многом определили его облик. К ним принадлежали: Троицкий собор, здания Русской Духовной Миссии, консульство, Елизаветинское и Мариинское подворье, русская больница и, конечно, прекрасный храм Марии Магдалины на Елеонском склоне, освященный 1 октября 1888 г.

Идея сооружения в Иерусалиме на склоне Елеонской

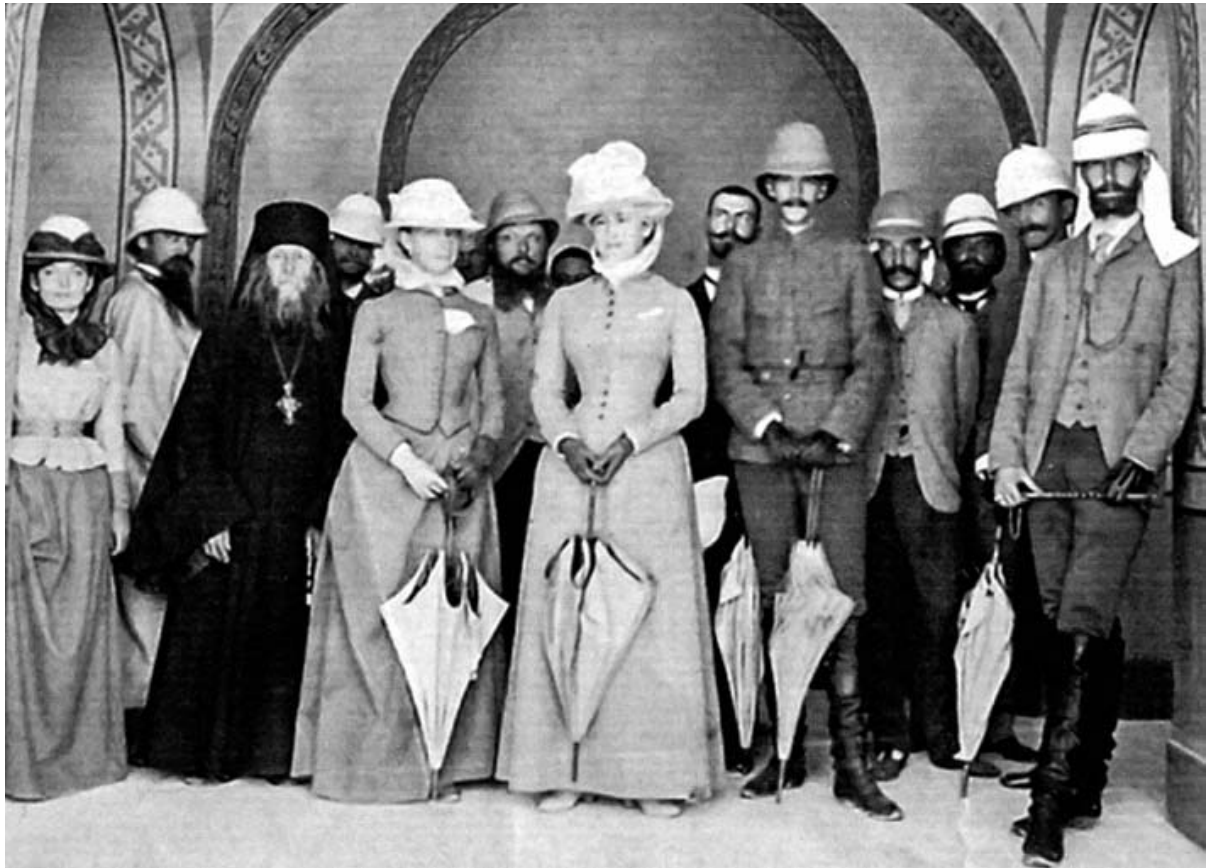
горы храма в память матери императора Александра III — императрицы Марии Александровны, родилась во время пребывания великих князей Сергея и Павла Александровичей в Иерусалиме в 1881 г. и их встречи с архимандритом Антонином (Капустиним).

После одобрения идеи воздвижения храма Святой Марии Магдалины, бывшей небесной покровительницы русской императрицы, Александром III и царской семьей было принято решение о приобретении в Иерусалиме участка земли для строительства храма. В 1882 г. участок был приобретен. Архитектором храма был утвержден профессор института гражданских инженеров, академик Петербургской Академии художеств Д.И. Гримм (1823–1898). Он предложил проект в новорусском стиле, который так любил император.

21 января 1885 г. состоялась закладка храма, на которой присутствовали великие князья Сергей и Павел Александровичи. Общее руководство строительством осуществлял архимандрит Антонин (Капустин).

На возведение храма император внес 100 тыс. рублей, четыре его брата — Сергей, Павел, Владимир, Алексей — по 15 тыс., сестра, великая княгиня Мария Александровна и герцогиня Эдинбургская — по 5 тыс. рублей.

В мае 1886 г. русский консул в Иерусалиме Бухарин сообщал императору Александру III: «На чудном месте воздвигается памятник, достойный царской семьи и славы России».

После освящения храма Марии Магдалины. Фото 1 октября 1888 г. В первом ряду стоят: начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архимандрит Антонин (Капустин), фрейлина Е.Н. Козлянинова, Великая княгиня Елизавета Федоровна, Великий князь Павел Александрович, крайний справа Великий князь Сергей Александрович

Храм с семью характерными московскими маковками и кокошниками удивительно вписался в окружающий ландшафт, став его составной частью и «визитной карточкой» России на Святой Земле.

Иконостас был выполнен из белого мрамора с темной бронзой, иконы написаны известным русским художником В.В. Верещагиным. Каждую из четырех стен украшали огромные фрески, отражавшие основные эпизоды из жизни Святой Марии Магдалины. На южной стороне — «Исцеление Марии Магдалины Спасителем», на западной — «Магдалина у Креста Господня», на северной — «Явление Магдалине воскресшего Христа», на восточной, над алтарем — «Проповедь Магдалины перед императором Тиберием». Автором фресок был тогда еще молодой художник Сергей Иванов, позже — известный автор русской исторической живописи.

Творение Д.И. Гримма было высоко оценено императором Александром III. Архитектор получил должность ректора факультета архитектуры в Академии художеств.

Торжественное освящение храма состоялось 1 октября 1888 г. в присутствии великого князя Сергея Александровича, великой княгини Елизаветы Федоровны и великого князя Павла Александровича. Освящение произвел греческий патриарх.

В следующем году на Палестинских землях начались крупные археологические раскопки, имевшие большой

международный научный резонанс. В результате чего так называемое «русское место» и получило иное название — «русские раскопки». В 1887 году здесь был заложен храм Святого Александра Невского, освященный уже после смерти Александра III 22 мая 1896 года.

«Возможность присутствия русских ученых на Востоке, исследование ими подлинных христианских древностей, которые включали в себя как камни, здание, рукописи, так и живую литургическую традицию, дали огромный импульс русской церковной науке, позволили сделать ей настоящий прорыв», — писал в одном из своих работ известный исследователь, профессор Я.Н. Шапов.

Государство затрачивало большие суммы на обслуживание русских паломников, тратило деньги на школы для арабских детей, которые создавались в Палестине, Сирии и Ливане. Проводилась также работа по христианскому просвещению арабского населения. По словам автора исследования «Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX — нач. XX в.» Н.Н. Лисового, «Иерусалим и Ближний Восток оказались тем самым плацдармом и историческим узлом, где политические интересы совпали — и совпадают — с церковными, научные — с практически паломническими, духовные и бескорыстные — с хозяйственными, экономическими...» **ИБ**

ГОЛГОФА АТАМАНА

*К 150-летию генерала и писателя
Петра Краснова*

Тимофей Прокопов

Обозревая долгую жизнь белого генерала и атамана казачества П.Н. Краснова (1869–1947), ставшего в эмиграции популярным беллетристом и мемуаристом, видим, как явственно поделилась она на две совсем не равнозначные части. Одна, большая и яркая, была беззаветным служением отечеству, посвященным защите рубежей России. Другая, хоть и совсем малая, всего-то двухлетняя, но перечеркнувшая все им свершенное, оказалась во власти политических безумств, приведших его к трагическому концу. В первой он — достойный преемник традиций своего старинного рода: в его семье и пращуре, и потомки были доблестными воинами, жизни не щадившими в сражениях за родину.

Таким был и он сам, участник двух царских войн. Однако, прожив почти всю жизнь германски, полководец кончил совсем плохо. В кровавых пучинах XX века затянуло его в бунтарские распри и в новые войны, Гражданскую (1917–1922) и Вторую мировую, для нас Великую Отечественную (1941–1945), да так вовлекло, что свою карьеру он, оказавшись далеко не последним деятелем русской эмиграции, принужден был завершить бесславно и предательски — на службе у тирана, одурманившего Европу фашистской чумой, а мученическую смерть принял на виселице у тирана другого, ослепившего российский народ несбыточными иллюзиями.

Читая талантливые книги Краснова (они почти все у нас сегодня изданы), россияне тем не менее должны знать и помнить (такое не забудется никогда), что человеческая судьба их автора явила пример горький и черный, дающий всем урок назидательный.

О ГЕРОЙСКОМ РОДОСЛОВИИ

*То не солнце, братицы, взошло же оно красное,
То воспроиздился да казаченька, добрый молодец...
Ой воспроиздила его, добра молодца, земля русская.*

Из казачьей песни

Итожа свой светлый путь воина, Петр Краснов в мемуарах (а их у него девять томов!) исповедально писал, чем воспламенялся более всего другого, к чему честолюбиво и страстно стремился: да, он славы всегда желал великой — но не для себя, громких побед — но не себе, а все ей — России. И, цитируя гимн суворовских богатырей «Наши деды — славные победы», восторгался простецкой песенной мудростью, звавшей с саблей острой в руках к одолениям любых врагов отечества. Этим же воодушевлялись в красновском роду все его представители. О них, своих знаменитых родичах, Краснов младший не уставал горделиво повествовать не только в мемуарах, но и в книгах других жанров: в романах и романых хрониках (их у него более тридцати и большинство автобиографические), в публицистике (это сотни очерков, статей, военных дневников). Из них мы теперь в подробностях узнаем и о самом авторе.

В истории этой замечательной, «генеральской» семьи интересные сведения дошли до наших дней об одном из ее родоначальников Иване Козьмиче (Косьмиче) Краснове (1752–1812). Уроженец донской станицы Букановской службу начал ординарцем А.В. Суворова и у него, уже за боевые заслуги, получил первые офицерские погоны. Он стал (вместе, кстати, с М.И. Кутузовым и М.И. Платовым) активным участником суворовских военных кампаний: русско-турецкой (1787–1791) и двух польских (1794–1795). О героической жизни свое-

го прадеда П.Н. Краснов рассказал в 1896 году в книге, посвященной легендарному атаману Платову. 8 марта 1799 года Павел I присвоил Краснову 1-му чин генерал-майора и наградил Мальтийским крестом, а затем он же за что-то изгнал его со службы. Однако в строй генерала вернул Александр I: назначил его 8 мая 1803 года атаманом только что образованного Бугского казачьего войска.

В Отечественную войну 1812 года Иван Козьмич опять сподвижник Кутузова: теперь ему доверено командовать соединением из девяти казачьих полков. В сражении у Колоцкого монастыря 24 августа 1812 года, в самый канун Бородинской битвы, он был смертельно ранен — второй раз и в ту же правую ногу: ее, раздробленную ядром, пришлось ампутировать. Но операция не спасла от гангрены. Через два дня гроб с телом генерала увезли в Москву и при огромном стечении народа похоронили в Донском монастыре. Вскоре здесь же рядом с ним были упокоены павшие герои Бородины. Ратные подвиги казака отмечены были высшими орденами России и многими почестями. Его имя золотом занесено на доску славы в храме Христа Спасителя в Москве, а много позже, с 26 августа 1904 года, когда отмечалась очередная годовщина кончины суворовца, Красновским стал именоваться 15-й Донской казачий полк. (Тут заметим: трагична судьба этого полка. После Октябрьского переворота 1917 года он вышел из подчинения Краснова-правнука, власть в нем захватили большевики и увели казаков к красным, а у них часть реформировали.)

Почетными отличиями славен был и дед Петра Николаевича — Иван Иванович Краснов (1800–1871). Он получил блестящее образование в пансионе Харьковского университета, где особенно преуспел в изучении философии и русской литературы, а также овладел несколькими европейскими языками. Но по семейной традиции предпочтение было отдано все-таки воинской службе. В 1828 году Иван Иванович ушел на русско-турецкую войну и с мест сражений отправлял жене веселые (дабы не волновать любимую) письма-репортажи... в стихах! Военные кампании он закончил в чине генерал-майора. В 1843 году ему доверили возглавить лейб-гвардии Казачий сводный его императорского величества полк, о боевом пути которого он напишет книгу. В Крымскую войну 1854–1856 годов генерал успешно руководил обороной Таганрога.

Именно ему, Ивану Краснову, довелось положить начало новой семейной традиции — увлеченному занятию писательством. Он публиковал (в основном в «Военном сборнике») историко-этнографические очерки, не утратившие и донные значения: «О казачьей службе», «Низовые и верховые казаки», «Малороссияне на Дону», «Иногородние на Дону», «О строевой казачьей службе», «Оборона Таганрога и берегов Азовского моря», «Донцы на Кавказе» и др.

В одном из очерков автор упомянул и своего сына Николая (1833–1900) как участника Крымской войны

*Командный состав
Добровольческой
армии. Генералы
А.П. Богаевский,
А.И. Деникин,
П.Н. Краснов.
Станция Чир. 1918*

1854–1856 годов. Сын сперва, недолго, командовал батареей в Таганроге, оборону которого возглавлял отец генерал-майор, а затем молодой артиллерист попал в самое пекло — в героически отбивавшийся от врагов Севастополь. Здесь на мундире офицера появились первые боевые награды. В дальнейшем их у него будет много, но дорожил он более всего севастопольскими, да еще теми, что были ему вручены в 1877–1878 годах за участие в сражениях по освобождению Болгарии в войсках генерала М.Д. Скобелева. Ему доведется получить высшее военное образование в Академии Генерального штаба и дослужиться до чина генерал-лейтенанта. Николай Иванович станет одним из основоположников русской военной статистики, курс которой его удостоили чести преподавать даже будущему императору Николаю II.

В мирные дни Николай Краснов наряду со службой много печатался, стал известным публицистом, прозаиком, историком казачества. Его имя еще при жизни было внесено в литературные и иные энциклопедии, прежде всего за то, что он — автор исследовательских трудов, не утративших актуальности и сегодня. Назовем некоторые из них: «Военно-статистическое описание земли Войска Донского» (1864), «Граф Чернышев и войсковые донские атаманы» (А.К. Денисов, А.В. Иловайский, Д.Е. Кутейников), «Исторические очерки Дона» (1881–1882), «Казачий флот» (1885), а также исторические повести «Казак Иван Богатый» (1882), «Тяжкий грех Булавина» (1884) и др. За исследовательские работы Императорская Академия наук присудила Краснову-отцу золотую медаль. В таганрогском семейном архиве найдены также его философские труды и рукописи других сочинений, оставшиеся неизданными. Здесь же сохранились некоторые из документов о семейном родословии Красновых.

Когда 10 сентября 1869 года родился будущий вождь Белого движения, отец его служил уже в Петербурге, в Главном управлении иррегулярных войск. Семья военачальника была немалая: пятеро сыновей, даровитых, трудолюбивых, достигших в жизни очень многого, — о каждом стоит сказать особо.

Говоря о талантах, которыми были отмечены все сыновья Николая Ивановича, следует указать на существенное: почетных чинов и отличий, прервав традицию, они достигли уже не в армии, а на гражданской службе. Старшие Красновы-братья учились на физико-математическом факультете Петербургского университета. Андрей (1862–1914) окончил на физмате отделение естественных наук и впоследствии стал видным ботаником, географом, кругосветным путешественником, автором десятков научных трудов. Много лет профессор заведовал кафедрой географии в Харьковском университете. В течение своей недолгой жизни ученый выступал инициативным организатором и участником географических, ботанических, страноведческих экспедиций в Северную Америку, на Кавказ, в горы Тянь-Шаня, Юго-Восточную Азию, Центральную Индию, Японию, Китай, на Цейлон. Ценнейшие гербарии, собранные ботаником, вошли после его скоростной кончины в коллекции Петроградского и Харьковского университетов, а также Ботанического сада в Батуми, который он же и основал (здесь ему посмертно был поставлен памятник). Скажем и еще об одном увлечении Андрея Николаевича — литературные переводы. В частности, он перевел и в 1913 году издал научный труд Вольтера «Море и его жизнь».

Второй брат Петра Николаевича, Платон (1866–1924), стал известным «железнодорожным генералом» — действительным статским советником, автором до сих

пор высоко ценимой в профессиональных кругах монографии «Сибирь под влиянием рельсового пути» (1902). Своим его считали и в среде литературской. И вовсе не потому, что в 1891 году он породнился с Александром Блоком — женился на его тетке, писательнице Екатерине Андреевне Бекетовой. Еще в юности Платон Николаевич начал печататься в журналах, как и его старший брат Андрей, плоды своих досужных бдений — переводы У. Шекспира, Дж. Байрона, Э.Т.А. Гофмана, Г. Гейне, Г. Лонгфелло, Т. Мура, Овидия, Тибулла. А в 1889 году магистр математики издал сборник из собственных стихов. Он активно сотрудничал в журналах «Изящная литература», «Новый мир» и других, печатая в них статьи, рецензии и даже философские очерки. Литературным событием стали книги античных классиков: Сенеки «Избранные письма к Люцилию» (1893) и Марка Аврелия «К самому себе. Размышления» (1895), вышедшие в переводах Платона Краснова.

КАК ПРИШЛО ПИСАТЕЛЬСТВО

*Уж вы гой еси, ребята,
Вы донские казаки!
Вы подайте мне коня,
Как ясного сокола.*

Из казачьей песни

Младшему из братьев, Петру Николаевичу, выпало на долю успешно продолжить вовсе не эту, учено-литературскую, а военную семейную линию Красновых, чуть было не прервавшуюся. Причем, не по принуждению это вышло, а по его же собственному выбору, сделанному еще в годы обучения в школе Александровского кадетского корпуса. Окончив в 1887 году корпусную школу блестяще — по баллам вторым, юный вице-унтер-офицер не пожелал далее менять военный мундир на студенческий, как сделали братья, а решил продолжить учебу в престижном 1-м Военном Павловском училище.

Здесь он сам делает существенное пояснение: «Большинство нас — и что редко бывает, — вся головка класса, “первые ученики”, обычно шедшие в специальные училища — Артиллерийское и Инженерное, — кадеты с высокими баллами по математике шли в 1-е Военное Павловское училище». То есть лучшие — шли в пехоту?! Такой выбор действительно казался странным хотя бы потому, что артиллеристам и инженерам служебных преимуществ впоследствии выпадало неизмеримо больше, нежели пехотинцам. Даже несмотря на то, что и Александр III, и Николай II считали училище павлонов своим подшефным и — «главным рассадником верных и честных слуг Вере, Царю и Родине»: его выпускникам открывалась прямая дорога в гвардию.

Объяснялся странный выбор просто: наивные кадеты-мальчишки, как приключенческим романом, зачитывались превосходно составленной «Книгой для чтения в ротах, эскадронах и командах», в которой завлекательно воспевались подвиги именно пехотинцев. На обложке красовалась загадочная надпись составителя военной хрестоматии: «Старый ротный командир». Загадка вскоре раскрылась: этим «старым ротным» оказался любимец кадетов, командир их же роты полковник Николай Федорович Кольдевин. Через полвека Петр Николаевич растроганно и благодарно вспоминал: «Кольдебаш» (такое прозвище юнца приклеил старому вояке) приходил к ним (грудь в орденах!) «в “пустые” часы, когда не было преподавателя, и рассказывал о доблести пехоты, о святости смерти за Родину, о величии подвига пехотного солдата. Он увлекал нас — не блеском, но скромностью подвига в пехотном бою» (П. Краснов. Павлоны. Париж, 1943).

Все павлоны учились весьма прилежно, а Краснов был круглым отличником. На втором курсе его назначили фельдфебелем Государевой роты, в которую отбирались не только самые рослые и спортивные крепыши, но и лучшие по успеваемости. И училище он окончил по высшему разряду с занесением имени на почетную доску. Вновь испеченного хорунжего (в других войсках это корнет и подпоручик) 10 августа 1889 года зачислили в комплект Донских казачьих полков с прикомандированием к лейб-гвардии Атаманскому его императорского высочества наследника цесаревича полку, старейшей (год основания 1775) и самой элитной донской части из тех, что были расквартированы в столице. Он помнил, что когда-то атаманцем служил и его дед Иван Иванович.

Доволен ли был павлон таким, казалось бы, почетным назначением? Увы, нет. «Здесь (в училище. — Т.П.) я был первым, — делится он с нами печалью, — там, куда я еду, — буду последним. Прикомандированным. В голубой Атаманской семье я буду пятном своим красным околышем фуражки, своими алыми лампасами — буду “краснокожим”, как называли в гвардии прикомандированных от полевых полков». Однако печаль была недолгой: всего-то через год она сменилась радостью, когда его шаровары армейца украсились вместо «краснокожих» лампасами голубыми: началась его лейб-гвардейская служба. И продолжалась она без малого двадцать лет.

Все его служебные продвижения и производства в чины перечислять не будем: дело это обычное армейское, одинаковое у всех. Остановимся только на событиях, ставших в его дальнейшей судьбе главными.

Вот одна из вех: в официальном органе военного ведомства «Русский инвалид» 17 января 1891 года появилась некроложная заметка «Генерал-лейтенант В.Г. Золотарев», под которой стояла подпись Краснова. Этой скромной публикацией о скончавшемся начальнике Главного управления казачьих войск открывается огромная теперь библиография печатных творений Петра Николаевича.

Его журналистский дебют, хоть и был он весьма неприметен, заметила, однако, старейшая петербургская

*Генерал Петр
Краснов (справа) и
генерал Тимофей
Доманов*

военно-научная и литературная газета «Русский инвалид» (1813–1918): редакция тотчас привлекла офицера к постоянному сотрудничеству. Лейб-гвардеец в течение нескольких лет вел здесь рубрику «Вторник у генерала Бетрищева», вскоре ставшую в войсках очень популярной. Наверное, потому, что темы ее были самые животрепещущие — быт и моральный облик русского офицера, русские полководцы, проблемы коневодства и подготовки конницы как рода войск, конный спорт в армии... Эти публикации время от времени попадали даже на стол императора: прочитав, Николай II отправлял их со своими пометками военному министру.

Прервемся на миг, чтобы не пропустить еще одно важное: в этой же газете, возобновившейся с 22 февраля 1930 года, но теперь в Париже, продолжилось активное сотрудничество Краснова-эмигранта. Читатели-ветераны снова встретились с уже знакомым им псевдонимом «Гр. А.Д.» под статьями, очерками, рецензиями. Здесь же впервые увидели свет автобиографические книги Краснова «Павлоны», «На рубеже Китая», «Накануне войны». В «Русском инвалиде» он опубликовал литературно-критические статьи о произведениях, которые тогда всеми читались и обсуждались, — о романах В.В. Набокова «Защита Лужина» и М.А. Алданова «Бегство» (1932. № 35), об очерковой книге С. Гребенщикова «Родина» (1932. № 36), о повести А.И. Куприна «Юнкера» (1933. № 51). Газета не забывала рецензировать и книги своего давнего автора. Это были обстоятельные разборы его «офицерской» трилогии «Largo» (1930. № 5), «Выпашь» (1932. № 33) и «Подвиг» (1932. № 48), исторических романов «Цесаревна» (1933. № 57), «Ненависть» (1934. № 72 и 74), «Екатерина Великая» (1935. № 80).

Оказавшийся талантливым литератором, офицер с 1890-х годов много печатался в десятке изданий. Его рас-

сказы, очерки, статьи, обзоры печати, рецензии появлялись в газетах «Новое время», «Биржевые ведомости», «Петербургская газета», «Петербургский листок», журналах «Новое слово», «Новый мир», «Отдых», «Вестник русской конницы», «Военный сборник», «Нива»...

Красновское увлечение «муками слова» оказалось столь всепоглощающим, что скорее всего именно оно, как предполагают биографы, стало причиной, может быть, ошибочной перемены в его судьбе: поступив в 1892 году (как и его отец когда-то) в Академию Генштаба, он не сдал какой-то экзамен за первый же курс и был отчислен (есть и другая версия — причиной отчисления явился конфликт с начальником академии генералом Н.Н. Сухотинным). Но, действительно, в тот год Петр Николаевич с головой погрузился вовсе не в предэкзаменную зубрежку: он готовил к печати рассказы для своего первого сборника «На озере» (1895), писал тогда же очерки, которые составят сборник «Ваграм» (1898), а еще собирал и обрабатывал архивные материалы для двух документальных книг: «Атаманская памятка. Краткий очерк истории лейб-гвардии Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича полка» (1898) и «Суворов» (1900).

Тогда же, в 1896-м, вышли в свет сразу четыре книги Краснова, привлечшие внимание: его первые серьезные исторические исследования «Атаман Платов», «Донской казачий полк сто лет тому назад», «Казачи в начале XIX века» и сборник военной новеллистики «Донцы».

В тот же 1896-й он становится семьянином: венчается с дочерью действительного статского советника, известной в Петербурге камерной певицей Лидией Грюнезейн. И браку этому суждено будет стать счастливым и долгим. Отныне куда бы ни бросала офицера его ратная доля, всюду верной спутницей и помощницей была Лидия Фе-

доровна. Уж не потому ли, что в первый же год замужества ей пришлось испытать, что такое разлука с любимым? Когда супруга командировали аж на год в Африку, Лидии Федоровне не позволили последовать за ним.

Увлекательное это путешествие едва не сорвалось. Приказ назначить Краснова начальником казачьего конвоя Императорской дипломатической миссии в Абиссинию (чего он долго добивался) пришел, когда Петр Николаевич уже перестал его ждать, — за день до отъезда, 13 октября 1897 года. Однако к следующему утру он в полной готовности явился на Николаевский вокзал. Здесь участники чрезвычайной правительственной экспедиции сели в поезд «Петербург — Одесса». А далее — переход на корабле через Черное, Средиземное и Красное моря до Джибути, затем — конным строем по африканской раскаленной земле, до абиссинской столицы Аддис-Абебы.

В Африке русские дипломаты занимались впервые очень важным государственным поручением — установлением дипломатических и иных отношений с Абиссинией. Краснов же и его конвойцы тоже не сидели без дела — они стали весьма полезными инструкторами, обучившими гвардейцев императора Менелика II. Благодарный негус за это наградил русских орденами, в частности Краснова — Эфиопской звездой. От своего правительства, уже в Петербурге, он получит Станислава 2-й степени (3-ю степень ордена ему вручили раньше). Наградить русских сочла необходимым также союзная Франция: Краснов был удостоен ордена Почетного легиона.

Однако итогом главным этого трудного, но такого экзотически яркого странствия, запомнившегося Краснову на всю жизнь, стал его беллетризованный дневник, который он посвятил цесаревичу Михаилу Александровичу и великой княжне Ольге Александровне (с ними его жизнь не раз пересечется и в дальнейшем). Увлекательное повествование было издано трижды под разными названиями (в некоторых публикациях их ошибочно считают книгами разными) — «Казачи в Африке. Дневник начальника конвоя российской императорской миссии в Абиссинии в 1897–1898 гг.» (1899, 1900) и «Казачи в Абиссинии» (1909). Книга явилась, как теперь говорят, всеми читаемым бестселлером. К абиссинским впечатлениям и приключениям офицер, ставший писателем, возвращался впоследствии не раз: они подсказали ему темы для африканских повестей (в основном для юношества) «Любовь абиссинки», «Крунеш», «Аска Мариам», «Мантык — охотник на львов».

Попутно заметим: на рубеже XIX–XX веков не только Краснов направлялся в путешествия (не скроем: иные с разведывательными целями). Пограничье России изучалось десятками наших отрядов. Полярным исследователем начал свою службу будущий адмирал, правитель Сибири, соратник Краснова по Белому движению А.В. Колчак. На Памире рекогносцировкой занималась военная экспедиция полковника Ионова, а в нее входили капитаны Генштаба Л.Г. Корнилов и Н.Н. Юденич, будущие вожди Белого движения, с которыми судьба — мир тесен! — близко сведет Краснова.

Вслед за ними в сентябре 1901 года, но не только в эти малоизученные юго-восточные земли, пошлют и Петра Николаевича. В руках у него будет, однако, не предписание Генштаба, как у других, а командировка от газеты «Русский инвалид». На этот раз в трудный конный поход по горам и долам Азии и Дальнего Востока отправилась с ним и Лидия Федоровна (она была отличной наездницей). И опять итоги путешествия подвела книга путевых очерков: дважды изданный объемистый том в 616 страниц «По Азии» (1903) с иллюстрациями художника Н.С. Самокиша, с фотографиями и картами. О том, где побывали супруги, мы узнаем из авторского предисловия.

«Перед вами, — обращается путешественник к читателям, — описание поездки моей в Манчжурию, Китай, Японию, Индию, совершенной по приказанию начальства для изучения быта как наших, так и иностранных войск. Поездка эта продолжалась шесть с половиной месяцев, с сентября 1901 года по март 1902 года. Очерки пути моего, составляющие содержание этой книги, были напечатаны в «Русском Инвалиде» за 1901–1902 годы. <...> Я побывал за эти полгода в городах: Иркутск, Хайлар, Цицинкар, Харбин, Хабаровск, Владивосток, Никольск-Уссурийск, Омосо, Гирин, Порт-Артур, Ниокоу, Чифу, Тянь-Цзынь, Пекин, Нагасаки, Кобэ, Иокогама, Токио, Шанхай, Гон-Конг, Сайгон, Сингапур, Коломбо, Подишери, Калькутта, Бенарес, Агра и Бомбей».

«Прочтите мою книгу, — приглашает в заключение автор, старавшийся поинтереснее написать свое приключенческое повествование. — Соблазнитесь пересечь Индию от Бомбея через Агру, Дели, Бенарес, Дарджилинг и Калькутту... умилитесь перед Гималаями и Дарджилингом».

БОЕВЫЕ КРЕЩЕНИЯ

*Ай не две-та тучушки грозные
Вместе сходи... они сходилися —
Ой две армеюшки, они превеликие,
Вместе они съезжа... они съезжались.
Ой они билися только все рубилися.*

Из солдатской песни

Словно прозрев от иллюзий, навеянных экзотическими красотами, писатель вскоре встревоженно обратит внимание на то, чего раньше не замечал его восторженный взор путешественника: так понравившаяся ему Япония усиленно готовилась к войне. Это прозрение явилось поздно, лишь тогда, когда узналось: японские миноносцы торпедировали русскую эскадру в Порт-Артуре. Краснов, занявший к этому времени пост полкового адъютанта (т.е. начальника штаба) Атаманского полка, тотчас подал прошение: направьте на фронт. Но лейб-гвардейцев посылать на войну не спешили: считали, она вот-вот закончится, нечего им там делать. И Петр Николаевич при-

нял предложение поехать к местам сражений военным корреспондентом от своего родного «Русского инвалида».

«Что это за враг — большинство солдат никогда не слышало, — напишет Краснов в 1939 году в мемуарной книге «Русско-японская война». — Лишь старые сибирские стрелки видели японцев во время войны в 1900 году, когда вместе с ними ходили освобождать посольства, осажденные в Пекине китайцами (в этой экспедиции побывал и Краснов. — Т.П.). Разное говорили про японцев. Маленький, щупленький, некрасивый, а дерется хорошо, смело идет вперед, отлично слушается офицера, горячо любит свое отечество. И рассказывали на ночлегах и в походе старые солдаты и офицеры, что японцы поклялись или умереть, или победить русских, что, отправляясь на войну, они навеки прощались с родными, вписывали имена свои в поминовение, как вписывают уже умерших».

Оказавшаяся для русских постыдно проигранной, эта война дала, однако, тысячи воинов, героически себя проявивших. Тем из них, с которыми Краснова свела судьба солдата и писателя, он посвятил, помимо десятков очерков в «Русском инвалиде», еще и книги — двухтомник «Год войны» (1905, 1911) и «Русско-японская война»: «Да не умрут в памяти Родины их подвиги и страдания».

Среди фронтовых встреч и знакомств той поры были и такие, о которых он не раз будет вспоминать и писать впоследствии. Встречи и знакомства начались еще в эшелоне, шедшем через всю Сибирь к местам сражений. Три военных корреспондента, капитан Генштаба Деникин, подъясаул Краснов и подпоручик запаса Кравченко, на этом долгом пути устроили нечто вроде импровизированного «литературного клуба». На вечера-чтения и диспуты, проводившиеся ежедневно в одном из вагонов, собирались десятки офицеров во главе с начальником Забайкальской дивизии генералом П.К. Ренненкампом, также выступавшим с интересными воспоминаниями.

Здесь и Петр Николаевич читал свои корреспонденции, прежде чем послать их в газету. «Статьи Краснова, — вспоминал позже А.И. Деникин, — были талантливы, но обладали одним свойством: каждый раз, когда жизненная правда приносилась в жертву “ведомственным” интересам и фантазии, Краснов, несколько конфузясь, прерывал на минуту чтение: “Здесь, извините, господа, поэтический вымысел — для большего впечатления...”». Но мемуарист в этом месте не удержался от несправедливого попрека, в котором отразилось то, что уже тогда едва начавшаяся дружба офицеров стала перерастать в неприязнь и вражду. Деникин пишет: «Элемент “поэтического вымысла” в ущерб правде прошел затем красной нитью через всю жизнь Краснова — плодovitого писателя, написавшего десятки томов романов; прошел через сношения атамана с властью Юга России (1918–1919), через позднейшие повествования его о борьбе Дона и, что особенно трагично, через “вдохновенные” призывы его к казачеству — идти под знамена Гитлера...» (Деникин А. Путь русского офицера. М., 2004. С. 75–76).

Краснов в том «восточном экспрессе» познакомился также с командующим Тихоокеанским флотом С.О.

П.Н. Краснов перед Первой мировой войной

Макаровым и академиком батальной живописи В.В. Верещагиным. Адмирал пригласил корреспондента совершить с ним боевое плавание на флагманском броненосце «Петропавловск». Только случайность удержала тогда Краснова от принятия приглашения столь лестного, но оказавшегося роковым. Как известно, этот выход в море стал последним для флотоводца и его знаменитого друга-художника: корабль в Порт-Артуре был японцами атакован торпедами и затоплен.

Встретился корреспондент на той войне и с Николаем Николаевичем Юденичем, стрелковый полк которого отличился тогда в нескольких сражениях. Плечом к плечу с ним Краснов будет воевать в годы Гражданской войны, когда, расставшись с атаманством, вступит в его Северо-Западную добровольческую армию.

К интересным встречам тогда же прибавилась еще одна: во время кровавого Мукденского сражения военный корреспондент сражался в составе дивизиона конных разведчиков, командовал которыми барон Карл Густавович Маннергейм, тот самый, с которым Петр Николаевич в 1919 году совершит свой неудавшийся поход на Петроград и который позже станет маршалом Финляндии и ее президентом.

Лишь об одном скромно умолчал Краснов в своих воспоминаниях: о том, что в подробно им описанном сражении под Тюренченом и он принял боевое крещение, и он был там, где всего жарче, где с ним рядом «доблестные стрелки и офицеры явили в этом тяжком бою достойный пример русской храбрости и отваги». В списках награжденных мы встречаем имя подъяесаула Краснова: он был удостоен ордена Святой Анны 4-й степени с надписью «За храбрость». Вскоре к этой награде прибавились новые: за бои под Ляояном — орден Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом, а за бои на реке Шаха и под Мукденом — мечами к его «аффриканскому» ордену Святого Станислава.

Завершивший войну фронтовик Краснов получил в своем лейб-гвардии Атаманском полку назначение сотником, а в 1907-м его откомандировали на переподготовку в Офицерскую кавалерийскую школу. Окончил учебу Петр Николаевич с отличием и был оставлен инструктором. О том, какой из него вышел педагог, узнаем из аттестации, одной из немногих и едва ли не единственной из отысканных биографами. Приведем ее полностью, поскольку в ней дан объективный портрет Краснова-офицера.

«Службу знает отлично, — пишет заместитель начальника школы князь Д.П. Багратион, — относится к ней с увлечением, а потому представляет для подчиненных прекрасный пример, проявляя строгую требовательность, беспристрастие и заботливость. Отлично знает быт офицера и нижнего чина. Подробно изучил самобытный уклад казачьей жизни. Здоровья отличного. Хороший манежный ездовик и превосходный, неутомимый, лихой наездник в поле. Очень развитый, способный и в высшей степени любознательный, талантливый штаб-офицер, не только интересующийся военным делом, но и проявляющий к нему исключительную любовь. Много раз бывал за границей. Знает иностранные языки. Следя за военной литературой, принимает в ней важное участие, за свои талантливые статьи давно отмечен крупными авторитетами.

Работоспособность и энергия его, разумная инициатива строевой деятельности исключительные, поэтому всякое поручение исполняется этим штаб-офицером превосходно и с ярким оттенком высокого воинского духа. Прекрасный семьянин, чужд кутежей, азарта и искания популярности. Рассудительный, тактичный, настойчивый, с сильной волей и характером, он пользуется авторитетом у сослуживцев и подчиненных. Бережливый к казенному интересу, одарен организаторскими способностями. Выдающийся штаб-офицер этот достоин возможно скорейшего выдвижения по службе и назначения командиром казачьего полка без очереди».

Как пишет Краснов, пошучивая над собой, «такой-сякой распродостойнейший штаб-офицер» начинает 1910 год в чине полковника и наконец-то, на сорок втором году жизни, добивается вожделенного — получает полк. Не беда, что это производство в высокий чин принудило его опять сменить важный для карьеры лейб-гвардейский мундир на скромный армейский. Не

беда, что случилось это служебное продвижение «по особой протекции», потому, что он — «тётешкин хвостик» (сейчас сказали бы «по блату»).

Петр Николаевич, действительно, был на счету очень хорошему у своего высшего начальства. «Мои учителя и профессора, — пишет он, — которые знали меня кадетом, юнкером и на младшем курсе Академии, были теперь на верхах. Они меня не забыли». В его столичном круге дружеского общения были генералы известные, заслуженные: А.А. Поливанов, Н.П. Безобразов, Н.П. Михневич, П.К. Кондзеревский, В.М. Остроградский, К.А. Ширма. Петр Николаевич был вхож в генеральские дома столицы, он и у себя устраивал с женой, популярной певицей, офицерские журфиксы, множившие круг его знакомств и дружб. Помимо этого, как мы уже знаем, ему довелось давно обратиться на себя внимание даже венценосца и его семьи.

Видел Краснов императора особенно часто в свои первые восемь лет офицерства, когда ежегодно участвовал в парадах, маневрах, смотрах, конноспортивных праздниках в Михайловском манеже и в Красном Селе. Здесь охотно бывали Николай II, его жена и дети. Петр Николаевич не раз брал призы на скачках, особенно после того, как приобрел породистую лошадь по кличке «Град», которую «знал весь Петербург». С этой лошадиной кличкой как раз и были связаны эпизоды, сыгравшие «протекционистскую» роль в судьбе штаб-офицера. Вот что об этом рассказывает он сам:

«В 1897 году был я начальником конвоя Российской Императорской миссии в Абиссинии, потом долгое время адъютантствовал в полку и стал часто писать в “Русском Инвалиде”, подписывая свои статьи именем любимой лошади: “Град” — “Гр.А.Д.” Когда, после многих статей, Государь Император узнал, какой это самозванный “граф” пишет в “Русском Инвалиде”, Государь стал и меня заочно называть “Градом”... Государь Император знал меня и лично. Мне приходилось иметь счастье неоднократно представляться Его Величеству. Я подносил Государю для Него и для Наследника Цесаревича Алексея Николаевича свои труды: “Атаманскую памятку”, “Картины былого Тихого Дона”, “По Азии” и “Год войны”. Государь постоянно читал фельетоны, подписанные Гр. А.Д., и некоторые возвращались Военному Министру с собственноручной отметкой Государя синим карандашом, требовавшей справки» («На рубеже Китая»).

А однажды (это случилось 9 мая 1910 года) Петр Николаевич вместе с другими офицерами получил приглашение на завтрак, устроенный императором в царскосельском Александровском дворце по случаю годовщины Офицерской кавалерийской школы. После завтрака, рассказывает Краснов, «Государь взял меня за руку выше локтя и подвел к Михневичу (генерал-лейтенанту, начальнику Генштаба, преподававшему до этого в Офицерской кавалерийской школе. — Т.П.). “Николай Петрович, — сказал Государь, — когда же вы дадите Краснову полк?.. Надо, надо ему дать полк”».

И полк дали. Не могли не дать. «Несправедливость? — рассуждал потом сам Краснов. — Нет, жизнь. Потому

что так естественно старшему начальнику назначить на ответственный пост, дать повышение человеку, которого он лично и хорошо по службе знает и предпочесть его тому, о ком он может судить лишь по аттестации третьего лица, назначить, так сказать, “на веру”.

Однако главное, что всеми виделось за «особой протекцией», — это ни у кого не вызывавшие сомнений заслуги самого офицера, его «особые отличия». Краснов был воин и по рождению, и по высокой профессиональной выучке. Еще в 1906 году, размышляя над итогами русско-японской войны, он опубликовал в «Военном сборнике» цикл статей «О строевом командовании казачьим полком», вызвавший в войсках шумную полемику. Автор сам не стал вовлекаться в спор, но уже тогда принял никак им не афишируемое, удерживаемое в тайне решение: настоятельно добиваться, чтобы «самому стать во главе полка и показать на примере правильность предлагаемых методов».

Открыв страницы воспоминаний Краснова «На рубеже Китая», читатели сами смогут убедиться, что показал полковник «на своем примере». Конечно же, хорошо зная теоретически, он хорошо показал и практически, какой должна быть воинская часть, особенно пограничная. В сибирский казачий Ермака Тимофеева полк, расквартированный в знакомых ему предгорьях Памира, он прибыл «столичной штучкой», чужаком, встреченным настроенно и даже враждебно, а покидал его, получив новое назначение, «своим», родным человеком, которому поверили и отдали сердца и рядовые, и офицеры.

Полковник Краснов был переведен в декабре 1913 года на австрийскую границу командиром донского казачьего генерала Луковкина полка. Этому времени он посвятил книги воспоминаний «О славных боевых днях» и «Накануне войны». Не прошло и года, а его часть в числе авангардных примет на себя удары начавшейся мировой бойни.

«И пришла война, — печально напишет уже в изгнании Краснов в своем поэтическом реквиеме. — Неожиданно грозная и кровавая, и захватила все слои населения, и подняла все возрасты. Старых и малых поставила в смертоносные ряды, и офицера и солдата смешала в общей великой и страшной работе. И явились герои долга и высокой Христианской любви. Легендарные подвиги, запечатленные на картинах для воспитания солдатского, повторились с математической точностью. То ли что мы хорошо их учили и сумели так воспитать солдата, что он стал способен на подвиги, то ли что чувство долга и любви к ближнему в крови Русского солдата и привито ему в семье и в церкви?» («Венок на могилу Неизвестного солдата императорской российской армии»).

В этой войне произошло первое представление Краснова к высшей боевой награде: ему вручается почетное Георгиевское оружие за то, что он «в бою 1 августа 1914 г. у гор. Любича личным примером, под огнем противника, увлекая спешенные сотни своего полка, выбил неприятеля из железнодорожной станции, занял ее, взорвал железнодорожный мост и уничтожил

станционные постройки». А в ноябре — повышение в чине. Ставший генерал-майором, Краснов был назначен командиром бригады в составе Кавказской конной дивизии, знаменитой «Дикой», возглавлял которую любимец офицеров, родной брат царя великий князь Михаил Александрович.

Организаторский талант Краснова-полковника укреплялся и мужал от боя к бою, замечаемый и отмечаемый наградами, повышениями по службе. В представлении к ордену Святого великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени читаем: генерал награждается «за выдающееся мужество и храбрость, проявленные им в бою 29 мая 1915 г. у м. Залещики и с. Жожавы на р. Днестре, где, умело предводительствуя бригадой Кавказской Туземной конной дивизии с приданными к ней ополченскими частями и Конной Заамурской пограничной бригадой, находясь под сильным огнем и при сильном натиске австро-германской дивизии <...> произвел блистательную атаку на нерасстроенную пехоту противника, увенчавшуюся полным успехом, причем изрублено было более 500 человек и взято в плен 100 человек».

Краснов еще не раз отличится в боях, в том числе в конце мая 1916 года в знаменитом Брусиловском прорыве, когда он шел во главе сводной казачьей дивизии. В приказе командующего было особо отмечено: «Бой 26 мая воочию показал, что может дать орлиная дивизия, руководимая железной волей генерала Краснова».

Однако неостановимо надвигался смертоносный для нашего государства 1917 год. Войска России и ее союзников по Антанте усиленно готовились к переломному наступлению: на него возлагались надежды завершить победоносно Первую мировую. Но тому было не суждено сбыться: Россию и Европу потрясли революции.

ЗВЕЗДНЫЙ ЧАС ГЕНЕРАЛА

*Не поется мне и не пишется,
День деньской в ушах моих слышится:
«Ах ты, Русь моя, Русь родимая,
Ты единая, неделимая!..»
Атаман Краснов подпекает в тон!*

В. Мятлев

Врасцвете сил и на взлете военной карьеры уходил на фронт Краснов, а с войны пришел домой искалеченным: как и у прадеда, тяжелое ранение ноги, обречшее его на пожизненную хромоту. Одно утешало: он оставался духовно не поколебленным, не утратившим ни веры в себя, ни жизнелюбия, ни стремления достойно исполнять присягу. Наступал звездный час генерала Краснова, когда его роль в обществе вознеслась так высоко, что обманчиво казалось: любые свершения ему должны быть по плечу. Всего-то менее двух лет длилось это главное время его жизни — с апреля

Петр Краснов с
супругой Лидией

1917 по январь 1919 года. Но не станем в подробностях излагать события (а они исторические!) этого двухлетия: о них — раскройте его книги — в воспоминаниях «На внутреннем фронте» и «Всевеликое Войско Донское» он сам рассказал нам заинтересованно и, конечно же, пристрастно как активно действовавшее лицо. Остановимся лишь на некоторых уточнениях и акцентах, сделанных уже в наши дни биографами и историками.

Когда настал час выбора, а случилось это в пору революционного безвременья, Краснов не колебался в ответе, с кем он. С Керенским? Нет! С большевиками? Ни в коем разе! С германцами? Нет! Он — с Россией, единой и неделимой. Он — солдат, оставшийся верным долгу и присяге, данной венценосцу. Он с той Россией, которая на его глазах стремительно уходила в прошлое, исчезала безвозвратно и, казалось, навсегда, чего он так и не смог разглядеть и понять, с чем не согласился до последнего мига своей жизни. Генерал не был политиком и быть им не хотел. «Я солдат... и стою вне политики»; «Я не политик и решил идти прямым солдатским путем», — не уставал он объяснять партийцам всех расцветов, требовательно стягивавшим его в идеологические распри, пытающимся склонить на свою сторону.

В часы раздумий Петр Николаевич не раз вспоминал и, как прежде вслух любимой жене, декламировал записанное в душу, поразившее его еще в юности стихотворение А.К. Толстого, в герое которого вот только теперь он неожиданно и горестно узнавал самого себя:

*Двух станов не боец, но только гость случайный,
За правду я бы рад поднять мой добрый меч,
Но спор с обоими досель мой жребий тайный,
И к клятве ни один не мог меня привлечь;
Союза полного не будет между нами —
Не купленный никем, под чье б ни стал я знамя,
Пристрастной ревности друзей не в силах снести,
Я знамени врага отстаивал бы честь!*

Запомним последнюю строчку: «Я знамени врага отстаивал бы честь!»: она окажется для Краснова провидческой и судьбоносной.

Сразу же после Февральской революции он стал возмущенным свидетелем убыстрявшегося с каждым месяцем разложения армии, что приводило его почти в отчаяние. Солдаты, уставшие от войны, толпами разбегались по домам, а остающиеся в частях уже перестали быть организованным войском, подчиняющимся воле и решениям командиров. В это время Краснов еще продолжал (уже второй год) возглавлять сводную казачью дивизию. Расположена она была в прифронтовой полосе, в десятках шагов от немецких окопов. Может быть, это еще как-то дисциплинировало часть. Но вот казаков отвели с позиций на отдых, заменив пехотинцами, и «начались митинги с вынесением самых диких резолюций», — вспоминает генерал. А 4 мая 1917 года он был арестован группой пехотинцев прямо на глазах у казаков своей дивизии, и те ничего не предприняли, чтоб освободить командира, много раз водившего их в

Петр Краснов перед Первой мировой войной

бой. Это предательство подчиненных более всего потрясло генерала. Он тогда чудом избежал расстрела.

25 августа такой же эпизод повторился: генерала едва не убили, когда он с комиссаром Временного правительства Линде попытался вывести на позиции один из деморализованных стрелковых полков. Проявивший чрезмерную самонадеянность комиссар погиб. Вспоминая об этом, Краснов писал: «Смерть казалась желанной. Ведь рухнуло все, чему я молился, во что верил, что любил в течение пятидесяти лет, — погибла армия!»

В эти августовские дни отчаянную попытку преодолеть хаос и разложение войск предпринял верховный главнокомандующий Лавр Георгиевич Корнилов. Получив его вызов, Краснов, ни дня не медля, отправился в Могилев, в Ставку, где получил приказ: принять в командование конный корпус.

Включившись в петроградскую операцию, он вместе со всеми корниловцами терпеливо ждал обещанной, остро необходимой помощи союзников. И вот дождалась... «На моих глазах, — вспоминал позже Краснов, — одели солдат и офицеров великолепной по духу Северо-Западной армии в прекрасные френчи и пальто и не дали патронташей. Тыл был в восторге и благословлял англичан, фронт недоумевал. Привезли испорченные танки, дали пушки и не дали лошадей к ним, дали русские винтовки и не дали патронов, дали английские винтовки и русские патроны, обещали взять Кронштадт и дали два выстрела по Красной Горке, а потом передали эстонцам, обратили офицеров и солдат в белых рабов на торфяных, сланцевых и лесных работах, потом бросили их воевать заодно с Польшей, которая дралась не с большевиками, а с Россией и, наконец, посадили их за решетку». И Краснов приходит здесь к выводу и уроку: «Англии страшна Россия и, в первую очередь, Англия добилась уничтожения армии в России» («Весна 1921 года»; курсив автора).

В предательстве союзников Краснов видел одну из главных причин того, почему не стала триумфальной

эта попытка Корнилова, названная мятежом: генерал был смещен и арестован. Из тюрьмы Корнилову удалось вызволиться и он отправился на Юг, где возглавил формирование Добровольческой армии. Но в декабре в бою под Екатеринодаром (Краснодаром) шальной снаряд угодил в его штаб, и генерал погиб.

Конный корпус Краснова находился на позициях под Петроградом, когда в ночь на 26 октября свершился-таки большевистский переворот. В историческое утро в расположение его части явился не кто иной, как сам Керенский, бежавший из Питера. Вскоре Петр Николаевич был вызван к Александру Федоровичу, еще не расставшемуся с постами Главковерха и главы Временного правительства.

В эти дни, вспоминает Краснов, «временного правителя России была истерика, точно у забеременевшей гимназистки». Пока генерал шел на встречу с Керенским, в его душе нарастали брезгливость и протест: зачем идет к самонадеянному позеру? «Керенский полководец!.. Он разрушил армию, надругался над военной наукой, и за то я презирал и ненавидел его. А вот иду же я к нему этою лунною волшебною ночью, когда явь кажется грезами, иду, как к Верховному Главнокомандующему, предлагать свою жизнь и жизнь вверенных мне людей в его полное распоряжение?»

И далее дает важное не только для историков объяснение своего поступка: «Да, иду. Потому что не к Керенскому иду я, а к Родине, к великой России, от которой отречься я не могу. И если Россия с Керенским, я пойду с ним. Его буду ненавидеть и проклинать, но служить и умирать пойду за Россию. Она его избрала, она пошла за ним, она не сумела найти вождя способнее, пойду помогать ему, если он за Россию».

Не только Краснов так думал в те переломные дни нашей истории. Так считали и все те, кто пытался остановить катастрофу, постигшую Россию. У Керенского тогда хватило мудрости снять с себя и возложить на военного, на Краснова, верховное командование всеми вооруженными силами, верными Временному правительству. Этот

«забытый факт истории», о котором нам впервые напомнил биограф генерала А.А. Смирнов, длился всего-то пять суток, с 27 по 31 октября. Как и предполагал Краснов, замысленный Керенским, но плохо подготовленный «освободительный» поход на Петроград провалился. Главкомандующий помог Керенскому 1 ноября бежать, а сам 2 ноября предстал пленником Троцкого и Дыбенко. Однако далее нераскрытая никем загадка: в тот же день после допросов в большевистском Смольном белого генерала на автомобиле Красного Креста неожиданно доставляют домой, на Офицерскую, 23, т.е. освобождают. Почему? Неужто действительно, как предположили советские историки, «под его честное слово не воевать с советской властью?»

Краснов позже вот что напишет сам: «В сумерки 7 ноября я, моя жена, полковник Попов и подхорунжий Карташов, забравши кое-что из платья и белья, сели на сильную машину штаба корпуса и поехали за город... А в это время на Петроградскую мою квартиру явился от Троцкого наряд Красной гвардии, чтобы окончательно меня арестовать». Значит, арест первый был всего лишь домашним. Генерал в третий (но еще не в последний) раз спасся от неминуемого расстрела.

Краснов, оказавшись в расположении своего кавалерийского корпуса, спешно занялся эвакуацией казачьих частей на Дон: их надо было непременно сберечь для последующих сражений. А далее и для него настал час сказать «последнее прости полку и здравствуй Тихому Дону». 1 февраля 1918 года, вспоминает генерал, «на тряской телеге, запряженной парой худых лошадей, я въезжал в Новочеркасск, потому что куда же мне было ехать больше?!» На всем этом пути его не оставляла тревога за жизнь: «Я приговорен к смертной казни, мои портреты, найденные в вещах моей жены, посланы по всем станциям от Царицына до Пятигорска, чтобы искать меня».

КРАСНОВСКАЯ КОНСТИТУЦИЯ-УЛЬТИМАТУМ

*Ах, тучки, тучки повисли
И в поле пал туман...
Скажи, о чем задумал,
Скажи, наш Атаман.*

Из казачьей песни

На землю предков Краснов прибыл как раз тогда, когда «отрезвлялись казаки», когда «с первым весенним теплом потянуло от черной степи ароматом чернозема, когда задрожало в розовом тумане степное марево и стали мычать коровы, просясь на луговой простор станичной толоки, — зашумела станица, и грозные стала предъявлять требования комиссару и его совету. Поднимался весь Дон снизу доверху и шел изгонять большевиков и советы».

Поселившись в тихой станице Константиновской, Краснов, словно истосковавшись по перу и чернильнице, быстро, в течение марта 1919 года, пишет приключенческий роман «У подножья Божьего трона», который в берлинском издании (1922) получит название «Амазонка пустыни» и который будет переведен на десять языков. Эта его книга — воспоминание о полевой службе в маленьком гарнизоне в пустыне Центральной Азии, беллетризованный вариант его мемуаров «На рубеже Китая». В Константиновской же пишутся и первые страницы его четырехтомной эпопеи «От двуглавого орла к красному знамени».

Увлеченному творческими замыслами генералу, однако, не довелось отсидеться за письменным столом: его настоятельно зазвали на сессию Круга спасения Дона и упростили выступить. Выслушав 3 мая 1918 года его двухчасовую, неожиданно политическую речь и за нее выразив ему благодарность, Круг затем ста семью голосами против тринадцати при десяти воздержавшихся избрал генерал-майора атаманом Всевеликого Войска Донского. Однако Петр Николаевич атаманский пернач-булаву не принял, а потребовал от Круга прежде рассмотреть и утвердить свой текст Основных законов Войска.

Первая на Дону красновская конституция (этот интереснейший документ позже будет не раз издан) начинается параграфом, который гласит: «Власть управления Войском во всем ее объеме принадлежит Войсковому Атаману в пределах всего Всевеликого Войска Донского». Поистине диктаторское требование: им упразднены действовавшие до этого властные полномочия коллектива — Круга. «Вы хозяева Земли Донской, я ваш управляющий, — сказал Кругу атаман, объясняя свое главное требование. — Все дело в доверии. Если вы мне доверяете, вы принимаете предложенные мною законы, если вы их не примете, значит вы мне не доверяете, боитесь, что я использую власть, вами данную, во вред Войску. Тогда нам не о чем разговаривать. Без вашего полного доверия я править Войском не могу».

Круг ультиматум атамана принял, хоть и после недолгого замешательства и вспыхнувших споров. Не мог не принять, ибо перед глазами высокого собрания еще не померкло недавнее страшное, о чем позже, в 1922-м в Берлине, прочтут в красновских мемуарах: «окровавленные призраки застрелившегося атамана Каледина и расстрелянного атамана Назарова. Дон лежал в обломках, он не только был разрушен, но он был загажен большевиками, и немецкие кони уже пили тихие струи Дона, священной для казаков реки. К этому привела работа Кругов, потому что и Каледин, и Назаров боролись с их постановлениями, но победить не могли, потому что не имели власти» («Всевеликое Войско Донское»).

В тот отчаянный час надо же было кому-то навести «конституционный» порядок, причем мерами решительными, что называется железной рукой. Донцы наконец-то осознали: им повезло, что такой волевой деятель нашелся. Свои самые сокровенные надежды возложили они в тот день на нового атамана. И не

ошиблись. Облеченному доверием Краснову удалось за короткий срок осуществить свою главную задачу — создать регулярную армию, ту армию, которая пойдет за ним освобождать не только Дон, но и всю Россию. В каждодневных поездках по станицам и полкам он не устал повторять: «Любите свою великую, полную славы Родину — Тихий Дон и мать нашу Россию! За веру и Родину — что может быть выше этого девиза!» И казаки понимали его, открывали ему сердца, готовые идти за ним, куда он позовет.

В своих воспоминаниях Краснов подробно напишет, как в тот грозный час формировались на Дону белые полки, корпуса, дивизии. И убеждает нас цифрами: «Если к 14 мая на фронте находилось 17 тысяч казаков при 21 орудии и 58 пулеметах, то к 14 июля уже 49 тысяч при 92 орудиях и 272 пулеметах. В августе было мобилизовано 25 возрастов. Донская армия составила 27 000 пехоты и 30 000 конницы, 175 орудий, 610 пулеметов, 20 аэропланов и 4 бронепоезда». Для пополнения армии профессиональными кадрами Краснов открывает Донской Императора Александра III кадетский корпус, Новочеркасское казачье военное училище с отделениями пластунским, кавалерийским, артиллерийским и инженерным, Донскую офицерскую школу (по типу той, в которой учился и преподавал сам), авиационную школу, военно-фельдшерские курсы.

Не оказались тщетными усилия атамана: уже к середине июля почти вся территория Войска была освобождена от большевиков. Краснов не жалеет красок, описывая в мемуарах донцов-молодцов, стоявших на рубежах, где шли бои не на жизнь, а на смерть за свой Дон и за свою Россию, раздираемую революционными потрясениями и вторжением германцев. «Все прекрасное, храброе, героическое, — страстно пишет он, — все военное и благородное отходит на фронт. Там совершаются подвиги, красотой которых умиленно любуются мир, там действуют чудо-богатыри Марковы, Дроздовские, Нежинцевы. Там красота, благородство и героизм».

И тут же горестно добавляет: «Но чем дальше отходишь от боевых линий к тылу, тем резче меняется картина. Все трусливое, уклоняющееся от боя, все жаждущие не подвига смертного и славы, но наживы и наружного блеска, все спекулянты собираются в тылу. Здесь люди, не видевшие раньше и сторублевого билета, ворочают миллионами рублей, и у них кружится голова от этих денег. Здесь продают “добычу”, здесь постоянно вращаются герои с громадной популярностью в тылу и совершенно неизвестные на фронте. Фронт оборван, бос и наг, фронт голоден — здесь сидят люди в ловко сшитых черкесках, в цветных башлыках, во френчах и галифе, здесь пьют вино, хвастают своими подвигами, звенят золотом и говорят, говорят. Там, в передовых окопах, про политику не говорят, о будущем не думают, смерть сторожит эти думы — здесь политиканствуют и создают такую окраску и физиономию, которой армия на деле не имеет».

16 августа 1918 года в Новочеркасске был устроен праздничный парад в честь освобождения Дона от красных. А после торжеств Большой Войсковой Круг постановил: присвоить атаману высшее воинское звание, маршальское — генерал от кавалерии.

Краснов еще в те дни, когда только приступал к многотрудным атаманским обязанностям, для себя ясно определил, кто в его окружении идет с ним безоговорочно и кто ему во всем препятствует. «У меня четыре врага, — писал он, — наша донская и русская интеллигенция, ставящая интересы партии выше интересов России, — мой самый страшный враг; генерал Деникин; иностранцы — немцы или союзники — и большевики. И последних я боюсь меньше всего, потому что веду с ними открытую борьбу, и они не притворяются, что они мои друзья». В этом кредо казачьего атамана обращает внимание прежде прочих его заявление: «самый страшный враг» — погрязшие во лжи политики, лукавцы-партийцы, рядящиеся ради властвования в любые маски, только бы переманить «человека с ружьем», поставить под свои знамена.

Однако надо же было с кем-то идти Краснову. Но с кем? С командующим Добровольческой армией Деникиным? Он, конечно же, союзник первый в борьбе с большевиками. Но с ним столько расхождений — и принципиальных, и таких, что основаны на взаимных попреках. «Генерал Деникин, — пишет атаман о главном, — заговорил о едином командовании и о том, что желательно поступление донских частей в Добровольческую армию». Это вполне возможно, соглашается Краснов, но при одном условии: если есть единый фронт. А где он, этот фронт? Бои идут всюду, едва ли не в каждом населенном пункте. В мае, когда он стал атаманом, из 252 донских станиц только в десяти власть была не у большевиков. Кто их будет выдворять?

И все-таки втянутый в политические схватки Краснов вынужден и сам то и дело прибегать к лицедейству. Вот вождь Дона, не уступая дипломатам в искусстве убеждения, решается в первые же дни властвования на переписку даже с германским императором Вильгельмом, несомненным врагом России, а значит и его тоже, в войне с которым казак два с лишним года не щадил жизни, стал в боях с ним калекой и российским героем. А теперь вот терпеливо, настойчиво и не безуспешно добивается у оккупантов того, чтобы «Войско Донское было признано впредь до освобождения России от большевиков самостоятельной республикой». Да, Краснов заигрывает с германцами, для него безусловно врагами, только бы не перестали они поставлять ему оружие, которым, кстати, не брезгует и германофоб Деникин, хотя знает, что оно от немцев.

С осуждением красновцы наблюдали, как в деникинской Добровольческой армии — преимущественно офицерской по составу — утверждалась дисциплина упрощенная, зато внешне эффектная. «Часто офицерски распущенная», — уточняет Краснов. И тут же приводит цитату из книги А.А. Суворина «Поход Корнило-

П. Краснов в нацистской форме инструктирует новобранцев

ва», в которой известный публицист дал оценку, какой была в тот период Добровольческая армия Деникина: «Доблести много, дисциплины мало!» Здесь тоже видится ответ на вопрос, почему Краснов после тяжких размышлений пошел своим путем, не соединил свои 60-тысячные казачьи войска с 12-тысячным добровольческим отрядом, жившим к тому же на содержании у донцов, которые снабжали деникинцев не только оружием, но и войсковым довольствием.

Обвинял Краснов Деникина и еще в одном: «В Добровольческую армию вместе с идейными юношами шли шкурники, и эти шкурники прочно оседали в тылу и теперь наводнили Ростов и Новочеркасск. И вот начались те тяжелые отношения между Доном и Добровольческой армией, которые бросались в глаза человеку вдумчивому. Сами армии были дружны вечной дружбой, спаянной вместе пролитой кровью, но тылы ссорились, и генерал Деникин и его окружающие, которые жили в тылу тыловой жизнью, поддались этому тыловому, враждебному Дону, настроению».

Деникин предпринимает в противоборстве с Красновым ряд мер, из которых далеко не все можно считать честными и оправданными, способствовавшими успеху общего дела. Например, назначает начальником отдела пропаганды своего штаба бывшего владельца ростовского издательства «Донская речь» и сочувственника революционеров Н.Е. Парамонова. Разве не знал Деникин, что это давний недоброжелатель Крас-

нова? А, может, назначение осознанное, чтобы развернуть широкую печатную и устную агиткампанию против атамана-самостийщика?

Расстроенный и возмущенный начавшейся травлей, пишет Петр Николаевич 8 января 1919 года сперва генералу А.М. Драгомирову, а потом копию письма-протеста отправляет и Деникину, которому решительно заявляет: «Если командование Добровольческой армии желает непременно устранить меня с моего тяжелого поста, не проще ли и не честнее ли прямо мне сказать, чтобы я ушел, нежели валить меня путем пропаганды, потому что этим путем вы и меня свалите, но и Дон не устоит. Выгодно ли это для России, да и для Добровольческой армии? Я не тянусь к власти. Более того, она меня тяготит, я ее ненавижу. Когда соберется Круг, я поставлю вопрос ребром о моем увольнении и сошлюсь и на желание такого удаления меня и Добровольческой армии, для которой я слишком непослушный сын».

Дальнейшие события завершились постановлением Войскового Круга, принятым после двухдневных острых дебатов в полночь 2 февраля 1919 года: «В силу того, что Донской Атаман генерал от кавалерии П.Н. Краснов после выраженного Войсковым Кругом недоверия командующему Донской армией генерал-лейтенанту С.В. Денисову заявил, что выражение этого недоверия простирается и на него, Донского Атамана, как Верховного руководителя армии, и потому он отказывается от должности Донского Атамана и просит Круг озаботиться выбором ему пре-

емника, Войсковой Круг постановил: отставку Донского Атамана П.Н. Краснова принять».

Узнав об отставке брата, Платон Николаевич Краснов, «железнодорожник в генеральском чине», прислал за ним и его женой специальный вагон. А новочеркасское казачество устроило своему атаману торжественные проводы. Еще более парадно, с почетным караулом лейб-гвардейцев его родного Атаманского полка встречали Петра Николаевича в Ростове. Дон с сожалением расставался со своим вождем, разлучался, как оказалось, навсегда. Генерал И.Н. Оприц, написавший историю полка атаманцев, пишет, что в тот день Краснов не удержался от прощальных взволнованных слов. «Я глупо тронут вашим вниманием ко мне, дорогие лейб-казаки, — сказал он. — Я уже больше не атаман вам, не имею права на почетный караул. Я смотрю на ваш приход сюда со святым штандартом, как на высокую честь и внимание. Вы мне дороги, ибо я связан с вами долгими узами, и узами кровными: мои предки служили в ваших рядах, в течение двадцати лет моей службы в лейб-гвардии Атаманском полку я был в рядах одной бригады и сколько раз я стоял со своим Атаманским штандартом подле вашего штандарта... Служите же Всевеликому Войску Донскому и России, как служили всегда ваши отцы и деды, как подобает служить первому полку Донского войска, доблестным лейб-гвардии казакам».

По мере того как власть в станицах вновь переходила к советам, начались после отъезда Краснова кровавые репрессии на Дону. Оказывается, ВЦИК принял к исполнению палаческий циркуляр ЦК РКП(б) «Об истреблении казачества», подписанный Я.М. Свердловым 29 января 1919 года и остававшийся секретным до наших дней. В директиве предлагалось: «Провести массовый террор против казаков, истребив их поголовно. Конфисковать хлеб и заставить сыпать все излишки в указанные пункты; это относится как к хлебу, так и ко всем сельскохозяйственным продуктам. Всем комиссарам, назначенным в те или иные казачьи поселения, предлагается проявить максимальную твердость и неуклонно проводить настоящие указания» (цит. по изд.: Смирнов А. Атаман Краснов. Биография. М: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2003. С. 170–171).

И бойня началась. В ту весну только на Дону поспешно, без суда и следствия расстреляли более восьми тысяч казаков, в том числе на родине Красновых (и родине нобелевского лауреата М.А. Шолохова), в Вешенском районе, казнили более шестисот донцов. Террор здесь возглавлял А.Г. Белобородов, тот самый, что за полгода до этого руководил расправой над Николаем II и его семьей. Казнить казаков поголовно, как злодейски замыслилось, не удалось и тогда началось так называемое «рассказачивание»: запреты на культурно-исторические обычаи и традиции, ломка веками устоявшегося уклада казачьего быта. Скорбным итогом Гражданской войны стало то, что к 1 января 1921 года Дон лишился каждого третьего жителя.

ХОТЬ С ЧЕРТОМ, НО ПРОТИВ БОЛЬШЕВИКОВ

*Послужила моя головушка
Ровно тридцать лет и три года,
Со добра коня не слезаючи,
Из стремян ног не вымаючи,
Ах, не выслужила головушка
Ни корысти себе, ни радости.*

Из казачьей песни

Супруги Красновы, отбыв из Ростова в Батуми, вынужденно задержались на приморской даче старого сослуживца И.И. Дукмасова до середины лета: их здесь не обошла эпидемия черной оспы. В июле едва оправившемся от болезни генералу было уготовано еще одно «расставание». На сей раз унижительное по форме уведомление за подписью Деникина: отбыть в Ревель (с глаз долой, куда подальше от донцов), в распоряжение Н.Н. Юденича, командующего Северо-Западной добровольческой армией. А там опального, негосторчивого атамана зачислили... в резерв.

Однако резервист этим не расстроился, по крайней мере внешне того никак не выказал. Он наконец получил долгожданное, тайно очень желаемое освобождение от дел государственных и военных, отнимавших у него все силы. Краснов вспомнил, что он не только генерал и атаман, но и журналист, писатель. В сентябре 1919 года Юденич, удовлетворяя его ходатайство, поручил ему заняться налаживанием пропагандистской работы в армии. И первое, что Краснов сделал, — организовал издание военной, политической и литературной газеты «Приневский край». Редактором согласился стать хорошо Петром Николаевичем знаемый по книгам штабс-капитан Александр Иванович Куприн.

Красновско-купринская газета стала выходить с 19 октября 1919 года в Гатчине, той самой, где всего два года назад затевался Красновым и Керенским поход на революционный Петроград. Вокруг редакции благодаря главным образом Куприну удалось объединить авторитетный авторский актив. На страницах «Приневского края» помимо самого Куприна и Краснова (под своим старым псевдонимом «Гр. А.Д.») печатались также критик и публицист М.П. Миклашевский-Неведомский, поэт и прозаик А.А. Коринфский (соученик Ленина по Симбирской гимназии, автор воспоминаний о вожде большевиков), Б.В. Савинков (бывший террорист, а затем министр во Временном правительстве).

Увы, скоротечной оказалась пропагандистско-публицистическая и иная деятельность Краснова в добровольческих рядах: Юденич в осенне-зимнем наступлении потерпел крах. 22 января 1920 года главнокомандующий известил его о том, что Северо-Западная армия ликвидируется, ее части интернируются

Встреча нацистского генерала фон-Панвица с генералом П.Н. Красновым. Сентябрь, 1943 г.

П. Краснов присягает Гитлеру

в Эстонию. И супруги Красновы 20 марта 1920 года в экспрессе «Ревель — Берлин» покинули Россию.

Имя Краснова с этого времени встречается не менее чем в полутора десятках эмигрантских объединений, организаций, движений. В большинстве из них он, однако, лишь «свадебный генерал», идейное знамя борьбы, нежели деятель. Как, впрочем, и другие генералы — Деникин, Врангель, Юденич. Нет, вовсе не умиротворились недавние вожди Белого движения. Но деятельность их не простиралась дальше хлопотливо-заграничного бытоустройства русского воинства, сочинения воззваний, составления программ и планов сокрушения большевизма, да еще бесконечных словопрений о том, какой быть грядущей России — монархической? республиканской? конституционной? демократической? социалистической?

В эти дебаты, хотел он того или нет, но то и дело Краснов вовлекался: ему и в эмиграции роль отводилась немалая. В архивных материалах тех лет сохранились достоверные тому свидетельства. Вот что, например, утверждал на допросе в ВЧК 10 ноября 1921 года генерал А.С. Мильковский: «Краснов — один из немногих начальников, на имени которого сходились надежды и чаяния всех. Громаднейшая популярность во всех слоях Д<обровольческой> А<рмии> и казаков» (Русская военная эмиграция 20-х — 40-х годов. Документы и материалы. М.: Гея, 1998. Т. 1. Кн. 2. С. 97).

И в документах о планируемых интервенциях в Россию имя Краснова фигурирует также. В «Сводке Иностранного отдела ВЧК» от 10 февраля 1922 года читаем: «Подготавливается десант на Одессу и на кавказском берегу под командованием генерала Краснова, который скоро приедет в Болгарию и возьмет на себя руководство всей компанией вместо генералов Врангеля и Кутепова» (там же. С. 585). В апрельской «Сводке Иностранного отдела ГПУ» Краснов значится походным атаманом казаков в

высшем командном составе Русской армии, готовящейся к вторжению в советскую Россию (там же. С. 613).

Сохранилось немало подтверждений также о неприемлемых разногласиях в стане эмигрантов, в том числе о том, что большинством изгнанников особенно отвергался монархизм, проповедуемый Красновым. Так, в секретном докладе сотрудника Иностранного отдела ГПУ «О настроениях, планах, группировках, союзах и руководителях казачества в Болгарии, их отношении к репатриации, возможных действиях Советской власти по разложению казаков» говорится: «Надо отметить несомненную популярность Краснова у казаков, но путь монархический, на который Краснов поступил, считается неправильным и вызывает у многих сожаление, т.к. все же большинство казаков считает, что единственно кто мог бы быть их вождем, — это Краснов».

Донской экс-атаман являлся в Мюнхене членом Русского монархического союза, в Берлине членом Высше-

го монархического совета, в Париже членом Верховного монархического совета, причём, был в них фигурой вовсе не последней. Кроме того, он стал одним из организаторов «Братства Русской правды» (1921–1933), соредктором журнала «Русская правда» (1922–1933), активно ратовавших за монархические идеалы. Он входил также в руководящие органы воинских союзов и объединений, являлся членом редколлегий ряда изданий.

В попытках понять, что же произошло с Россией, Краснов пишет статью за статьей (их число к этому году превысило тысячу названий). Однажды, получив первую книжку журнала «Русская летопись» за 1921 год, где генерал опубликовал письмо в редакцию «Весна 1921 года», он на соседних страницах обнаружил публикацию, взволновавшую его до боли в сердце. Это была «Молитва перед казнью», написанная в тобольской тюрьме великой княжной Ольгой Николаевной (1895–1918). Он знал ее еще ребенком в ту пору, когда служил в столице, когда на конных празднествах гарцевал перед нею и ее отцом-императором. И вот уже три года, как нет ни княжны, ни царя. А эта вот простая, смиренная молитва девушки, написанная перед тем как принять мученическую смерть, пришла к нему как воспоминание и как напутствие всем остающимся жить. Генерал снова и снова читал эти строки, выражавшие состояние души миллионов жертв Гражданской войны, в том числе изгнанников, и не скрывал слез:

*Пошли нам, Господи, терпенье
В годину буйных, мрачных дней
Сносить народное гоненье
И пытки наших палачей.*

*Дай крепость нам, о Боже Правый,
Злодейство ближнего прощать
И крест тяжелый и кровавый
С Твоею кротостью встречать,*

*И в дни мятежного волнения,
Когда ограбят нас враги,
Терпеть позор и оскорбленья;
Христос Спаситель, помоги.*

*Владыка мира, Бог Вселенной,
Благослови молитвой нас
И дай покой душе смиренной
В невыносимый, страшный час.*

*И у преддверия могилы
Вдохни в уста Твоих рабов
Нечеловеческие силы —
Молиться кротко за врагов.*

В поисках единомышленников Краснов в первые эмигрантские годы еще мечется по Европе, выступает с воззваниями и призывами, надеется на то, что изгнанникам удастся осуществить победное возвращение в

Россию. Во имя этой святой для него цели непоседливая натура воина жаждет серьезного дела и подвига. Русские в Берлине и Париже, в Харбине и Нью-Йорке читали очерки Краснова-публициста не без волнения. Написанные страстно, они находили отклик в каждом, у кого болело сердце за Россию.

«И верю я, — читали эмигранты и соглашались с автором, — что когда начнет рассеиваться уже не утренний туман, но туман исторический, туман международный, когда прояснеют мозги задуренных ложью народов и русский народ пойдет в “последний и решительный” бой с Третьим Интернационалом и будет та нерешительность, когда идут первые цепи туманным утром в неизвестность, — верю я: увидят Русские полки за редееющей завесой исторического тумана родные и дорогие тени легких казачьих коней, всадников, будто парящих над конскими спинами, подавшихся вперед, и узнает Русский народ с величайшим ликованием, что уже сбросили тяжкое иго казаки, уже свободны они и готовы свободными вновь исполнять свой тяжелый долг передовой службы, чтобы, как всегда, как в старину, одиннадцатью крупными жемчужинами казачьих войск и тремя ядрышками бурмитского зерна городских полков вновь заблестать в дивной короне Имперской России».

Остается только удивляться, как при огромной загруженности эмигрантской суетой-тщетой находил он время и для писательской деятельности, как удавалось работать одновременно и над статьями, и над мемуарными книгами «На внутреннем фронте», «Все великое Войско Донское», и над четырехтомной эпопеей «От двуглавого орла к красному знамени» (1921–1930).

Краснов-эмигрант живет то в Германии (под Мюнхеном), то во Франции (в замке Сесен, деревне Сантени, Даммари-ле-Ли), то снова в Германии (на вилле в Далевике под Берлином). Здесь, в изгнании, наверное, впервые за всю жизнь дано ему было почувствовать, что такое избыток свободного, ничем не заполненного времени. Краснов вспоминал: «Я мечтал пятидесяти лет (после пятидесяти — какой же может быть кавалерист!..) выйти в отставку и стать ни больше ни меньше, как русским Майн Ридом!»

Как раз после пятидесяти и осуществилось мечтаемое, давно им ожидаемое: погрузиться без оглядки на службу и обязанности в творческую работу. «Русский Майн Рид» в эти годы написал свои лучшие книги. Они составили, по авторскому определению, «историко-бытовой цикл», тематическое продолжение его эпопеи — «Опавшие листья» (1923), «Понять — простить» (1923), «Единая-неделимая» (1925). «Все четыре романа, — представляет он читателям свой осуществленный замысел, — совершенно самостоятельны, и в то же время все четыре есть единое. Их связывает в главных очертах единство времени — последняя историческая эпоха Императорской России, война и смута, единство места — С.-Петербург и Юг России, и единство быта — русский военный и мирный быт». Здесь добавим: к этому циклу автор позже присоединил романную трилогию об императорской лейб-гвардии «Largo» (1930),

«Выпашь» (1931), «Подвиг» (1932) и еще несколько книг.

«Те, кого я описываю, — поясняет далее Краснов, — жили так, как это написано, и умерли тою ужасною смертью, как я это описал. Я буду счастлив, если мне удалось пролить свет в ту тьму, что окружает теперь Россию, и если читатель поймет, где скрывается та единая-неделимая, спаянная братскою любовью Россия, которая скоро восстанет из гроба ярким светом христианской любви и озарит святым учением Христа народы Запада, погибающие в материализме».

Писатель то и дело удалялся от современности в далекое и близкое прошлое, словно ища и там ответы на свои сегодняшние вопросы. Так им были созданы исторические хроники «Единая-неделимая» (1925), «С Ермаком на Сибирь» (1929), «Цесаревна» (1933), «Екатерина Великая» (1935), «Цареубийцы» (1938).

О Краснове-прозаике не станем говорить подробно: его творчество, несомненно, заслуживает особого, отдельного и серьезного литературно-критического рассмотрения. Тем же, кого заинтересует его художественная проза, скажем: прочитайте его романы — о затраченном времени не пожалеете, откройте любой и не оторветесь до последней страницы. Именно так Краснова читала эмиграция всех трех ее волн. Читала неравнодушно. Одни — растроганно: «Это про нас, про нашу Россию, про нашу трагедию». Другие — с протестом и возмущением. Третьи — отстраненно, но с пониманием, соглашаясь с его толкованием исторических событий: «Да-да, так это и было».

Историки литературы долгие годы числили Краснова в скромных рядах беллетристов. И только тогда изумились, когда стали его читать так же серьезно, как это сделал однажды Иван Алексеевич Бунин. Знакомство с творчеством Краснова явилось для нобелевского лауреата поздним открытием нового интересного литературного имени. «...Читаю роман Краснова “С нами Бог”, — записал Бунин в дневнике 28 августа 1940 года. — Не ожидал, что он так способен, так много знает и так занятен».

Таким же открытием, но на двадцать лет раньше Бунина, стали книги генерала для А.И. Куприна. Прочитав «с самым живым интересом» первый том красноновской эпопеи «От двуглавого орла к красному знамени» («выйдет размером мало-мало меньше “Войны и мира”»), Александр Иванович в 1921 году написал: «У П.Н. Краснова есть о чем сказать. Видел и испытал он за эти времена так много страшного и величественного, уродливого и прекрасного, что хватило бы на десяток средних, заурядных жизней. И надо признать, судя по первому тому, что все, близко знакомое автору, лично им наблюденное и пережитое, он умеет передавать ярко и выпукло, с настоящим мастерством, с особенно широким подъемом в массовых сценах, с благородным пафосом» («Общее дело», Париж. 1921. 9 мая).

Напомним: первые страницы своей главной книги Краснов написал еще в 1918 году в донской станице Константиновской. Впервые увидевший свет в 1921 году в Мюнхене, пятисотстраничный том, а затем и вся

П.Н. Краснов

эпопея тотчас попали в настольное чтение русской публики во всех уголках эмигрантского рассеяния. До начала Второй мировой войны многотомник не раз публиковался в Германии, Франции, США, его перевели и издали на пятнадцати языках Европы, Америки и Азии. Общий тираж книги превысил рубеж, рекордный и для нашего времени, — два миллиона экземпляров. Наряду с огромным интересом эпопея вызвала полярные суждения критиков и читателей — от восторженных до кислых и возмущенных. И в них, как в зеркале, предстала сама эмиграция — разноликая, не только белая и красная, но многоцветная, расколота на десятки без конца спорящих и ссорящихся групп, как раз такая, каковая она изображена пером Краснова.

Однако были и замечания, к которым автор отнесся бы с пониманием и, может, согласился бы с ними, но не довелось ему их прочитать. Вот одно из них, принадлежащее Роману Гулю, участнику «Ледяного похода» генерала Корнилова и писателю русского зарубежья: «П.Н. Краснов умел и мог прекрасно писать, но только о том, что он знал. Все его военные картины (бои, парады, военная жизнь) всегда ярки, свежи и, конечно, с большим знанием. До сих пор помню его чудесную

статью «Казачья лава» в каком-то военном журнале. Но когда П.Н. Краснов в своей трилогии писал о «мировом масонском заговоре» и выводил эмигранта Ленина-Ульянова под фамилией Бурьянова, это было плоховато» (Гуль Р. Я унес Россию. Т. 1. М., 2001. С. 167). Действительно, «плоховато» у генерала Краснова было все то, что касалось политики, — в этом единодушие явили не только литераторы, но и историки.

Какой политической деятельностью занимался Краснов в период с июня 1941 по июнь 1943 года, сведения об этом в германских архивах не отысканы. Да скорее всего их там и нет, и деятельности этой, как полагают историки, вероятнее всего тоже не было. Ни слова об этом не сказано даже в двенадцатитомном следственном деле Краснова, составленном в НКГБ в 1945 году. Генерал и писатель с 1938 года жил на вилле в Далевице и занимался подготовкой к изданию своих книг, а также сотрудничал в журналах и газетах (особенно в берлинском еженедельнике «Новое слово» и «Парижском вестнике»).

Об атамане германцы вспомнили только тогда, когда дела их совсем стали плохи и потребовался красновский авторитет для того, чтобы не разуверилось в них казачество, находившееся в частях вермахта. С 18 июня 1943 года незваные гости зачастили с визитами на красновскую виллу. Главноуговаривающими выступили генерал-майор Хельмут фон Панвиц, командир кавалерийской дивизии, и Н.А. Химпель, возглавлявший кавказский отдел в восточном министерстве рейха. Начали издали: попросили прочесть высшим офицерам СД лекцию об истории российского казачества. Затем предложили написать воззвание к казакам (оно было тотчас размножено и листовками разбросано на восточном фронте). А в июле Краснова убедили принять пост начальника управления по делам казаков в восточном министерстве. Здесь так и хочется воскликнуть: о, Господи, что же ты не вразумил заблудшего раба своего, не остановил вовремя, чтобы он, много лет преданно служивший своему народу и своему отечеству, не навредил им в роковой час!

Прогерманская его «деятельность» началась с поездки в 1-ю казачью дивизию, почетным шефом которой ему предложили стать. Встреча была организована почти как встарь: с оркестром и рапортами, церемониальным прохождением войск и торжественным банкетом. Вместе с фон Панвицем принимая присягу казаков на верность России и... Гитлеру, престарелый атаман умилился и расслезился, снова поверил, как в 1918 и 1919 годах: германцы помогут возродиться Всевеликому Войску Донскому, избавят Россию от большевиков. «Краснов, — пишет историк, — неизбежно «наступал на грабли» времен Гражданской войны: Донское войско не могло быть вне России — он, споря с этой истиной, уже проиграл в 1919 году. Но теперь, взяв в союзники фашистскую Германию, пытался опровергнуть ее снова» (Смирнов А. Атаман Краснов. С. 274).

Обласканный казаками и германцами, возбужденный и полный энергии, 75-летний атаман, вернувшись

в Берлин, взялся за налаживание широкой агитации и пропаганды, как раз того, чего требовали от него прежде всего, а также за объединение всех казачьих частей. «Казачьему государству» фашисты временно выделили, по соглашению с Муссолини, итальянские земли вокруг альпийского городка Алессо, переименованного казаками в еще один Новочеркасск. Здесь разместились восемнадцать донских, кубанских и терских поселений — станиц. В «своей» новой столице казаки открыли школы, юнкерское училище и даже театр. Походный атаман Т.И. Доманов готов был в любой момент выполнить приказ Краснова: поднять по тревоге двенадцать тысяч строевиков и еще столько же отмобилизовать.

Но генералу Краснову (опять «свадебному») и его сподвижникам не пришлось этого делать. Им уже недолго оставалось пребывать в мечтательном заблуждении и несбыточных надеждах: война, вошедшая в нашу историю как Великая Отечественная, как народная и священная, стремительно шла к победному завершению. И вот финал: 7 мая 1945 года Краснов вместе с тремя племянниками-офицерами сдался английскому командованию в Австрии, а 31 мая был передан конвою войск НКГБ СССР в Юденбурге. Жена Лидия Федоровна осталась за пограничным шлагбаумом и судьба ее неизвестна.

ЭПИЛОГ: «НЕ СМЕЙ ВОЗНЕНАВИДЕТЬ РОССИЮ»

*А на Голгофе в ночь ни слез, ни отпеванья,
Лишь только ветра стон и... мученика
крест.
Окончен путь страданья...*

Е. Димер

Ныне мало кто знает, что у российского казачества, рассеянного войнами по городам и весям всего бела света, есть свой собственный день плача, день скорби, день поминовения: 1 июня. В этот день в 1945 году произошло событие, описываемое мемуаристами под названием «Трагедия Лиенца». Что же это за дата, ставшая для казачества траурной?

На территории, оккупированной англичанами и американцами, скопились в конце Второй мировой войны миллионы россиян — пленных, репатриантов, эмигрантов с зарубежными паспортами. «Правда» 7 сентября 1945 года писала: «Общее количество репатрированных до 1 сентября советских граждан достигает 5 115 709 человек, в том числе 1 835 910 человек передано непосредственно через линию соприкосновения советских войск с армиями союзников». Среди последних оказались казаки и казачьи офицеры, которые советскими гражданами никогда не были: в 1918–1920 годах

Семен Николаевич Краснов с супругой и атаман Петр Николаевич Краснов с супругой

они сражались против большевиков рука об руку с их нынешними союзниками. Потому-то некоторые политики и историки, особенно зарубежные, до сих пор относят эту группу репатриантов к третьей силе в войне. Так сперва считали и англичане, намеревавшиеся оставить пленников у себя (дескать, когда-нибудь пригодятся), но затем, как расценили казаки, поступили предательски: по настоянию советской стороны пленников передали СМЕРШу 3-го Украинского фронта. Отдали, как оказалось, на расправу (по мнению А.И. Солженицына, «передача эта носила коварный характер в духе традиционной английской дипломатии»).

Союзники к концу войны из Казачьего Стана, разместившегося в Северной Италии, вывезли в окрестности австрийского городка Лиенц десять полков казаков и юнкеров училищ вместе с обозами, лошадьми, вооружением и семьями. Это были в основном уроженцы донских, кубанских и терско-ставропольских станиц, общим числом 38 тысяч. Из них к 28 июня 1945 года отобрали «первоочередников» для передачи чекистам — 2 600 офицеров во главе с генералом Красновым — и увезли эшелонами в Юденбург. Здесь на мосту через реку Мур и начался последний поход разоруженных то ли прислужников, то ли союзников фашистов — «поход» в лагерь, тюрьмы, расстрельные камеры, на виселицы.

Траурную дату 1 июня казачество отмечает ежегодно в зарубежных, а с недавнего времени и в российских станицах. Отмечает поминальными молебнами в

храмах и часовнях, конференциями ученых, встречами выживших участников «трагедии Лиенца», мемориальными выпусками журнала «Станичный вестник». Жертвам Лиенца покаянно поставлен в Лондоне памятник, сооруженный на пожертвования англичан (список жертвователей открыла глава британского правительства Маргарет Тэтчер). А к пятидесятилетию события в 1995 году учредили еще и памятный знак — черный крест с белой надписью «Лиенць».

Краснов сдался, как и все его сподвижники-подельники, признав вину полностью. 16 января 1947 года в 15 часов коллегия военного суда предоставила казачьему атаману последнее слово. Вот что он сказал (по документам следственного «Дела белогвардейцев — казачьих генералов» № Н-18 768):

«Два месяца назад, 7 ноября 1946 года, я был выведен на прогулку. Это было вечером. Я впервые увидел небо Москвы, небо моей родины, я увидел освещенные улицы, массу автомобилей, свет прожекторов, с улиц доносился шум...

Это мой русский народ праздновал свой праздник. В эти часы я пережил очень много, и прежде всего я вспомнил про все то, что я сделал против русского народа. Я понял совершенно отчетливо одно — что русский народ имеет такие достижения, о которых едва ли кто мог мечтать... Тут только я понял, что мне нет и не будет места в этом общем празднике... Я осужден русским народом... Но я бесконечно люблю Россию... Мне нет воз-

Петр Краснов в эмиграции. 1930-е

врата. Я осужден за измену России, за то, что я вместе с ее врагами бесконечно много разрушал созидательную работу моего народа... За мои дела никакого наказания не страшно, оно заслуженно... Я уже старик, мне недолго осталось жить, и я хорошо понимаю, что не могу жить среди русского народа: прожить скрытно нельзя, а показываться народу я не имею права... Я высказал все, что сделал за тридцать лет борьбы против Советов... Я вложил в эту борьбу и мои знания, и мою энергию, все мои лучшие годы и отлично понимаю, что мне нет места среди людей, и я не нахожу себе оправдания» (цит. по изд.: Смирнов А. Атаман Краснов. С. 338–339).

Выслушал Краснов судебный вердикт, зачитанный прокурором, понимающе. Приговор был суровым и беспощадным (иного никто и не ждал, в том числе и он сам):

«Военная коллегия Верховного Суда СССР рассмотрела дело по обвинению арестованных агентов германской разведки, главарей вооруженных белогвардейских частей в период Гражданской войны атамана Краснова П.Н., генерал-лейтенанта Белой армии Шкуро А.Г., командира Дикой дивизии — генерал-лейтенанта Белой армии князя Султана Килыч-Гирея, генерал-майора Белой армии Доманова Т.И., а также генерала германской армии эсэсовца фон Панвица Хельмута в том, что по заданию германской разведки

они в период Отечественной войны вели посредством сформированных ими белогвардейских отрядов вооруженную борьбу против Советского Союза и проводили активную шпионско-диверсионную и террористическую деятельность против СССР.

Все обвиняемые признали себя виновными в предъявленных им обвинениях.

В соответствии с п. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года Военная коллегия Верховного Суда СССР приговорила обвиняемых Краснова П.Н., Шкуро А.Г., Султана Килыч-Гирея, Краснова С.Н., Доманова Т.И. и фон Панвица к смертной казни через повешение.

Приговор приведен в исполнение» («Правда», «Известия» от 17 января 1947 г.).

В качестве эпилога приведем воспоминание югославского лейтенанта Н.Н. Краснова (1918–1959), внучатого племянника казненного генерала, о последней его встрече с дедом в июне 1946 года. Долго беседовать узникам довелось в бане Лефортовской тюрьмы. Петр Николаевич взволнованно напутствовал внука, которому посчастливится выжить и после десяти лет лагерей уехать в эмиграцию, где, выполняя просьбу деда, он напишет и издаст мемуары «Незабываемое» (Сан-Франциско, 1957).

«...Что бы ни случилось, — завещал Петр Николаевич внуку, — не смей возненавидеть Россию. Не она, не русский народ — виновники всеобщих страданий. Не в нем, не в народе лежит причина всех несчастий. Измена была. Крамола была. Недостаточно любили свою родину те, кто первыми должны были ее любить и защищать. Сверху все это началось, Николай. От тех, кто стоял между престолом и ширью народной...

...Россия была и будет. Может быть, не та, не в боярском наряде, а в сермяге и лаптях, но она не умрет. Можно уничтожить миллионы людей, но им на смену народятся новые. Народ не вымрет. Все переменится, когда придут сроки. Не вечно же будет жить Сталин и сталины. Умрут они, и настанут многие перемены».

И перемены пришли. Провидя их, одного предугадать не мог белый генерал: в новой России, несмотря на его огромные, не прощаемые вины перед российским народом, издадут все им написанное, напишут книги и сотни статей о нем самом, прошедшем путь от героизма до предательства и до его запоздалого, в шаге от виселицы покаяния. Все случится так, как в библейском назидании о заблудшей овце, читанном ему отцом еще в детстве: «Но Он сказал им следующую притчу: кто из вас, имея сто овец и потеряв одну из них, не оставит девяноста девяти в пустыне и не пойдет за пропавшею, пока не найдет ее? А найдя, возьмет ее на плечи свои с радостью и, придя домой, созовет друзей и соседей и скажет им: порадуйтесь со мною: я нашел мою пропавшую овцу. Сказываю вам, что так на небесах более радости будет об одном грешнике кающемся, нежели о девяноста девяти праведниках, не имеющих нужды в покаянии». ИБ

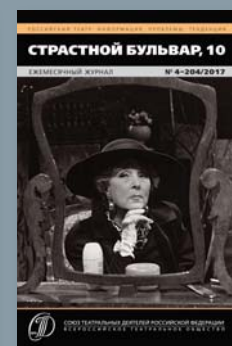

СТРАСТНОЙ БУЛЬВАР, 10

Проект Союза театральных деятелей
Российской Федерации

Новый выпуск № 9-209/2018

Предыдущие номера
журнала вы можете
приобрести по адресу:

107031 Москва, Страстной бульвар, 10/34, стр. 1,
(495) 650-30-89, strast10@stdrf.ru

Ежеквартальный журнал для всех,
кто интересуется культурой

ИНЫЕ БЕРЕГА

журнал о русской культуре за рубежом

1 (47) 2018

107031 Москва, Страстной бульвар, 10/34 стр. 1
Тел.: (495) 650 30 89
e-mail: inie-berega@mail.ru, berega@stddf.ru

